

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам специальностей:
07.00.00 – История и археология, 10.01.00 – Литературоведение, 10.02.00 – Языкознание.

Учредитель журнала: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет». Издаётся по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г. Периодичность – 4 номера в год.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФЦ77-65762 от 20 мая 2016 года.

Редакционный совет журнала:

- Дибиров Ибрагим Ашрапудинович**, д-р филол. наук, проф., проректор по учебной работе, ДГПУ – главный редактор;
Акамов Абуспьян Татарханович, д-р филол. наук, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия;
Амирханов Хизри Амирханович, д-р ист. наук, проф., заведующий отделом каменного века, Институт археологии РАН, чл.-корр. РАН, Москва, Россия;
Барамидзе Цира Ревазовна, д-р филол. наук, проф., директор, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета им. И. Джавахипшвили, Тбилиси, Грузия;
Джамалудинов Гамзат Магомедгазиевич, д-р социол. наук, проф., ректор, Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия;
Магомедова Марина Гаджиевна, канд. пед. наук, доц. каф. психологии, Дагестанский государственный технический университет (ДГТУ); ректор, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Мамедов Рамазан Салам оглы, д-р филол. наук, проф., проректор по науке и инновациям, Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан;
Мусаев Абдулгабир Бозгитович, проф., зав. каф. живописи, ДГПУ, чл.-корр. РАХ, Махачкала, Россия;
Лободанов Александр Павлович, д-р филол. наук, проф., декан факультета искусств, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Османов Ахмед Ибрагимович, д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, чл.-корр. РАН, Махачкала, Россия;
Рустамов Хасилат Умалатович, д-р юрид. наук, проф., судья, Конституционный суд Республики Дагестан, Махачкала, Россия;
Серкерев Самур Эльмирович, канд. юрид. наук, доц., проректор по правовым вопросам и инновационному развитию, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Улаков Махти Зейтунович, д-р филол. наук, проф., заместитель председателя, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия.

**Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»:**

- Дибиров Ибрагим Ашрапудинович**, д-р филол. наук, проф., проректор по учебной работе, ДГПУ, Махачкала, Россия – председатель;
Абдулаева Медина Шамильевна, д-р культурологии, проф., директор Института культуры и искусства, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Абдуллатипов Абдул-Кадыр Юсупович, д-р филол. наук, проф. каф. литературы Дагестана и Востока, ДГУ, Махачкала, Россия;
Аджиев Абдулхаким Магомедович, д-р филол. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;

- Акавов Забит Насирович**, д-р филол. наук, проф., директор, НИИ филологии, проф. каф. литературы, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Акимов Рустам Акимович, д-р филос. наук, проф. каф. социогуманитарных дисциплин, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Ахбиев Арсен Солтанмуратович, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Алиев Магомед Абдуллаевич, д-р экон. наук, проф. каф. социогуманитарных дисциплин, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Алисултанов Алисултан Султанмуратович, д-р филол. наук, проф. каф. английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Ахмедуев Абас Шапиевич, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Баранникова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, проф. каф. английской филологии, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Гаджиева Эльдар Набиевич, д-р филол. наук, проф. каф. иностранных языков и методики преподавания, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XX-XXI вв. ДГУ, Махачкала, Россия;
Гасанов Магомед Раджабович, д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Джахиева Эльмира Гаджиабдуллаевна, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Кадимова Маихалум Шамсудиновна, канд. юрид. наук, проф., судья-секретарь, Конституционный Суд Республики Дагестан, Махачкала, Россия;
Кадимов Руслан Гаджимуратович, д-р филол. наук, проф., декан филологического факультета, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Казиева Наида Аликулиевна, д-р экон. наук, проф. каф. социогуманитарных дисциплин, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Казиева Альмира Магомедовна, д-р филол. наук, проф., директор, Северокавказский НИИ филологии ПГУ, Пятигорск, Россия;
Кукуева Асият Абдуллаевна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. литературы, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Курбанов Магомед Муслимович, д-р филол. наук, проф. каф. литературы, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Магомедов Магомед Ибрагимович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания, ДГПУ; главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Магомедханов Магомедхан Магомедович, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Мусаева Наталья Федоровна, канд. искусствоведения, проф. каф. живописи, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Омарова Зайнаб Салмановна, канд. филол. наук, доц., декан факультета дагестанской филологии, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Чеерчиев Мутгум Чеерчиевич, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Эмирова Маги Нурмагомедовна, канд. ист. наук, проф., зав. каф. истории России, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Юсупова Гурья Исламгареевна, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Номер журнала поступил в печать 01.03.2023 г.
Вышел из печати 15.03.2023 г.

© Авторы статей, 2023
© Дагестанский государственный педагогический университет, 2023

По вопросам размещения рекламы и публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ.
Тел.: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Dagestan State Pedagogical University
JOURNAL
Social and Humanitarian Sciences

Vol. 17. No. 1. 2023

The journal is included into the List of leading reviewed scientific journals and publications, where main scientific results of dissertations on applying for scientific degree of Doctor of Sciences, applying for scientific degree of Candidate of Sciences should be published according to the following groups of specialties: 07.00.00 – History and Archaeology, 10.01.00 – Literature Studies, 10.02.00 – Language Studies.

The journal is founded by: "Dagestan State Pedagogical University" Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Published by the decision of DSPU Academic Council since 2007. Periodicity - 4 issues a year.

Registered by Federal Service on Supervision in the sphere of Communication and Mass Media.
Registration certificate ПИ № ДС 77-65762 from May, 20, 2016.

Editorial Board of the Journal

- Dibirov Ibragim A.**, Doctor of Philology, professor, vice-rector for Academic Affairs, DSPU – editor-in-chief;
Akamov Abusupian T., Doctor of Philology, director, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala, Russia;
Amirkhanov Khizri A., Doctor of History, professor, the head of the Stone Age Department, Institute of Archaeology, RAS, Corresponding Member, RAS, Moscow, Russia;
Baramidze Tsira R., Doctor of Philology, professor, director, I. Dzhevakhishvili Institute of Caucasian Studies, Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia;
Dzhamaludinov Gamzat M., Doctor of Social Science, professor, rector, Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia;
Magomedova Marina G., Ph. D. (Pedagogy), assistant professor, the chair of Psychology, Dagestan State Technical University (DSTU); rector, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia;
Mamedov Ramazan S., Doctor of Philology, professor, vice-rector for Research and Innovations, Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan;
Musae Abdalzagir B., professor, the head of the chair of Pictorial Art, DSPU, Corresponding Member, RAA, Makhachkala, Russia;
Lobodanov Alexander P., Doctor of Philology, professor, the dean of the Arts faculty, M. V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia;
Osmanov Ahmed I., Doctor of History, professor, chief researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Corresponding Member, RAS, Makhachkala, Russia;
Rustamov Khasplat U., Doctor of Juridical Science, professor, judge, Constitutional Court, the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia;
Serkerov Samur E., Ph. D. (Jurisprudence), assistant professor, vice-rector for Legal Matters and Innovations, DSPU, Makhachkala, Russia;
Ulakov Mahti Z., Doctor of Philology, professor, deputy chairman, Kabardino-Balkarian Scientific Centre, RAS, Nalchik, Russia.

Editorial Council of

"Social and Humanitarian Sciences" series:

- Dibirov Ibragim A.**, Doctor of Philology, professor, vice-rector for Academic Affairs, DSPU, Makhachkala, Russia – chairman;
Abdulaeva Medina Sh. Doctor of Culturology, professor, the head of Institute of Arts and Culture, DSPU, Makhachkala, Russia;
Abdullatipov Abdul-Kadyr Yu., Doctor of Philology, professor, the chair of Literature of Dagestan and Orient, DSU, Makhachkala, Russia;

- Adzhiev Abdulkhlim M.**, Doctor of Philology, professor, chief researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Centre, RAS, Makhachkala, Russia;
Akavov Zabit N., Doctor of Philology, professor, the chair of Literature, director, SRI of Philology, DSPU, Makhachkala, Russia;
Akimov Rustam A., Doctor of Philosophy, professor, the chair of Socio-Humanitarian Subjects, DSPU, Makhachkala, Russia;
Akbiev Arsen S., Doctor of History, professor, the chair of General History, DSPU, Makhachkala, Russia;
Aliev Magomed Abdullaevich, Doctor of Economy, professor, the chair of Socio-Humanitarian Subjects, DSPU, Makhachkala, Russia;
Alisultanov Alisultan S., Doctor of Philology, professor, the chair of English, DSPU, Makhachkala, Russia;
Ahmeduev Abas Sh., Doctor of Economy, professor, the chief researcher, Institute for Socio-Economic Research DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Baramnikova Tatyana B., Doctor of Philology, professor, the chair of English Philology, DSPU, Makhachkala, Russia;
Gadzhiev Eldar N., Doctor of Philology, professor, the chair of Foreign Languages and Teaching Methods, DSPU, Makhachkala, Russia;
Garunova Nina N., Doctor of History, professor, the chair of History of Russia of the 20th-21st centuries, DSU, Makhachkala, Russia;
Gasanov Magomed R., Doctor of History, professor, the head of the chair of History, DSPU, Makhachkala, Russia;
Dzhakhieva Elmira G., Doctor of History, professor, the chair of General History, DSU, Makhachkala, Russia;
Kadimova Maihalum Sh., Ph. D. (Juridical Science), professor, judge-secretary, Constitutional Court, the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia;
Kadimov Ruslan Gadzhimuradovich, Doctor of Philology, professor, dean, Philological Faculty, the head of the chair of Theory and History of Russian, DSPU, Makhachkala, Russia;
Kazibekova Naida A., Doctor of Economy, professor, the chair of Socio-Humanitarian Subjects, DSPU, Makhachkala, Russia;
Kazieva Almira M., Doctor of Philology, professor, director, the North-Caucasian SRI of Philology, PSU, Pyatigorsk, Russia;
Kukueva Asiyat A., Ph. D. (Philology), assist. professor, the head of the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia;
Kurbanov Magomed M., Doctor of Philology, professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia;
Magomedov Magomed I., Doctor of Philology, professor, the head of the chair of General Linguistics, DSPU; chief researcher, G. Tsadasa ILLA, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Magomedkhanov Magomedkhan M., Doctor of History, professor, the head of the Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Musaeva Natalia F., Ph. D. (Art Criticism), professor, the chair of Pictorial Art, DSPU, Makhachkala, Russia;
Omarova Zaynab S., Ph. D. (Philology), assistant professor, the dean of rge faculty of Dagestan Philology, DSPU, Makhachkala, Russia;
Cheerchiev Muguma Ch., Doctor of Philology, professor of the chair of General Linguistics, DSPU, Makhachkala, Russia;
Emirova Magi N., Ph. D. (History), professor, the head of the chair of Russian History, DSPU, Makhachkala, Russia;
Yusupova Guriya I., Doctor of Philosophy, professor, chief researcher, Regional Centre for Ethno-Political Research, DFRC RAS, Makhachkala, Russia.

© Authors of the articles, 2023

© Dagestan State Pedagogical University, 2023

Journal accepted for publication 01.03.2023.
Published 15.03.2023.

Concerning the advertising and publication issues, you should address to our editorial office:
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Editorial and Publishing Department, DSPU.
Phone: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Гарунова Н. Н.</i> РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. ... 5	5
<i>Мусаева С. И.</i> РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ИРАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 12	12
<i>Нехай С. М., Еремينا Е. А., Самсоненко Т. А., Нехай В. Н., Мишина Т. В.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ 19	19
<i>Суздальцева И. А.</i> ОТКРЫТИЕ И НАЧАЛО РАБОТЫ ДАГЕСТАНСКОГО ЖЕНСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 26	26

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ахмадова Л. К.</i> СПОСОБЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИДЕИ В РОМАНЕ КАНТЫ ИБРАГИМОВА «ДЕТСКИЙ МИР» 33	33
<i>Багомедов Р. Р., Казимагомедова Ф. И., Сулейманова М. С.</i> ВЕРЛИБР В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМ ДАРГИНСКОЙ ЛИРИКИ 39	39
<i>Джамбекова Т. Б., Шадукаева З. С., Исмаилова М. В.</i> ЧЕРТЫ АВТОБИОГРАФИЗМА В ЛИРИКЕ МАГОМЕД-САЛАХА ГАДАЕВА 43	43
<i>Ильясов Х. И., Магомедова П. А., Саадулаева Р. Ш.</i> ВОСТОЧНАЯ СИМВОЛИКА ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА 48	48
<i>Кадыров Р. С., Ильясов Х. И., Халипаева И. А.</i> ОРИЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НАЗЫМА ХИКМЕТА 53	53
<i>Кукуева А. А., Магамдаров Р. Ш.</i> ПОВЕСТИ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ», «ДВОЙНИК» И «ХОЗЯЙКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ 58	58
<i>Шабаева Л. А., Магомедова С. А.</i> КУМЫКСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 30-х ГОДОВ XX ВЕКА 66	66
<i>Эмирова Л. А., Гаджибекова Н. С.</i> «НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТРЫВОК» А. А. БЕСТУЖЕВА: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ 71	71

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алибекова Л. П., Баранникова Т. Б.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В АНГЛИЙСКОМ И ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКАХ 76	76
<i>Алисултанов А. С., Гаджиева Л. Г., Сулейманова Т. А., Султанаева К. А.</i> АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В АНГЛИЙСКОМ, ЛАКСКОМ И РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ 83	83
<i>Асельдерова Р. О.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РЕКОНСТРУКЦИИ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ 89	89
<i>Борзаева Б. Б.</i> ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК В РАМКАХ НЫНЕШНИХ РЕАЛИЙ 96	96
<i>Исрафилов Н. Р.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРЕНСКОГО ДИАЛЕКТА АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА 101	101
<i>Нурмагомедов М. М., Пайзулаева П. Г.</i> НАЗВАНИЯ СЕМЕЧКОВЫХ ПЛОДОВ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ 106	106
<i>Сулейбанова М. У., Хабусиева Т. Б., Петирова П. Р.</i> СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ. ИНФИНИТИВНЫЕ ОБОРОТЫ В ЗНАЧЕНИИ ОБЪЕКТНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ 111	111
<i>Халидова Р. Ш.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАРАТИНЦЕВ В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ 117	117

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 122	122
--------------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHEOLOGY

<i>Garunova N. N.</i> TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE PROCESS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE SOUTH OF RUSSIA AT THE LATE OF THE 18 th – FIRST HALF OF THE 19 th CENTURIES.....	5
<i>Musaeva S. I.</i> DEVELOPMENT OF IRANIAN ENLIGHTENERS' NATIONAL IDENTITY IN THE SECOND HALF OF THE 19 th CENTURY.....	12
<i>Nekhay S. M., Eremina E. A., Samsonenko T. A., Nekhay V. N., Mishina T. V.</i> RUSSIANS' HISTORICAL MEMORY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: SOCIO-CULTURAL RECONSTRUCTION EXPERIENCE	19
<i>Suzdaltseva I. A.</i> OPENING AND ACTIVITY START OF DAGESTAN WOMEN'S TEACHERS' TRAINING INSTITUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	26

LITERATURE STUDIES

<i>Akhmadova L. K.</i> WAYS OF LITERARY REALIZING THE AUTHOR'S IDEA IN THE "CHILDREN'S WORLD" NOVEL BY KANTA IBRAGIMOV.....	33
<i>Bagomedov R. R., Kazimagomedova F. I., Suleymanova M. S.</i> FREE VERSE IN THE POETIC FORMS SYSTEM OF DARGIN LYRICS.....	39
<i>Dzhambekova T. B., Shadukaeva Z. S., Ismailova M. V.</i> AUTOBIOGRAPHIC PATTERNS IN MAGOMED-SALAKH GADAEV'S LYRICS	43
<i>Ilyasov Kh. I., Magomedova P. A., Saadulaeva R. Sch.</i> ORIENTAL SYMBOLISM OF MIKHAIL LERMONTOV'S WRITING	48
<i>Kadyrov R. S., Ilyasov Kh. I., Khalipaeva I. A.</i> ORIENTAL MOTIFS IN NAZIM HIKMET'S WRITINGS	53
<i>Kukueva A. A., Magamdarov R. Sh.</i> "POOR PEOPLE", "DOUBLE" AND "MISTRESS" STORIES BY F. M. DOSTOEVSKY WITHIN THE CONTEXT OF THE EURASIAN CULTURAL AND HISTORICAL PARADIGM.....	58
<i>Shabaeva L. A., Magomedova S. A.</i> KUMYK JOURNALISM IN THE 30s OF THE 20 th CENTURY	66
<i>Emirova L. A., Gadzhibekova N. S.</i> "UNKNOWN PASSAGE" BY A. A. BESTUZHEV: HISTORICAL INTERPRETATION EXPERIENCE	71

LINGUISTICS

<i>Alibekova L. P., Barannikova T. B.</i> LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF VERBALIZATION MEANS OF THE <i>TIME</i> CONCEPT IN ENGLISH AND TABASARAN LANGUAGES.....	76
<i>Alisultanov A. S., Gadzhieva L. G., Suleymanova T. A., Sultanaeva K. A.</i> ANALYTICAL VERB FORMS IN ENGLISH, LAK AND RUTUL LANGUAGES	83
<i>Aselderova R. O.</i> HISTORICAL MEMORY IN THE RECONSTRUCTION OF WORDS AND GRAMMATICAL FORMANTS IN DAGESTAN LANGUAGES	89
<i>Borzaeva B. B.</i> THE CHECHEN LANGUAGE WITHIN THE FRAMEWORK OF CURRENT REALITIES ...	96
<i>Israfilov N. R.</i> LEXICAL FEATURES OF THE KEREN DIALECT OF THE AGUL LANGUAGE.....	101
<i>Nurmagomedov M. M., Payzulaeva P. G.</i> THE AVAR NAMES OF POMACEOUS FRUIT	106
<i>Suleybanova M. U., Khabusieva T. B., Petirova P. R.</i> CHECHEN COMPOUND SENTENCES. INFINITIVE CONSTRUCTIONS AS OBJECT SUBORDINATE CLAUSES	111
<i>Khalidova R. Sh.</i> REFLECTION OF THE KARATA PEOPLE'S ETHNIC WORLD VIEW IN THE FAIRY-TALE DISCOURSE.....	117

RULES FOR THE AUTHORS	122
------------------------------------	-----

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Исторические науки / Historical Science
Оригинальная статья / Original Article
УДК 9.94/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-5-12

Развитие транспортной инфраструктуры в процессе хозяйственного освоения юга России в конце XVIII – первой половине XIX вв.

©2023 Гарунова Н. Н.

Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия; e-mail: garunovanina@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Выявить общие тенденции развития транспортной инфраструктуры Ставрополья и Терека и проследить ее динамику развития в контексте хозяйственного освоения юга России в конце XVIII – первой половине XIX вв. **Методологической основой** исследования являются принципы научности и историзма: действительность рассматривается как изменяющаяся, развивающаяся во времени. Обобщенная характеристика социально-экономических процессов, происходивших на Ставрополье и Тереке, оказавших влияние на развитие промышленности и торговли, была получена с помощью историко-системного метода. Этот метод позволил выявить общие и особенные черты в развитии промышленности и торговли, показать произошедшие изменения в той или иной отрасли производства. Количественный метод помог определить степень влияния тех или иных факторов, происходящих в торгово-промышленной среде. **Выводы.** В Ставропольской губернии и Терской области к концу 50-х гг. XIX в. сформировалась развитая агропромышленная инфраструктура, для которой характерно вовлечение Кавказа в сферу геополитических интересов России, и как следствие – решение Россией своих политических задач в регионе, для чего и требовалось заселить и экономически освоить Предкавказье. Спецификой торгово-промышленной деятельности на Ставрополье и Тереке была необжитость и малонаселенность Кавказского края, обусловленная такими факторами, как наличие богатых природных ресурсов, а также военно-политической ситуацией. Отличительной чертой торговой деятельности в регионе в начале XIX в. являлась меновая торговля с горцами. Кавказская администрация использовала развитие торговых связей как способ интеграции горского населения региона в экономическую систему Российской империи. Большой вклад в развитие промышленности и торговли в пореформенный период внесли иногородние, так как казачество отличалось малой степенью предприимчивости, вследствие занятия военной службой. Определяющее влияние на развитие местной экономики как в торговле, так и в промышленности оказало введение в строй сети железных дорог в 60-90-е гг. XIX в.

Ключевые слова: торговля, железная дорога, транспорт, Ставрополье и Терек, Северный Кавказ, казачество, переселенцы

Формат цитирования: Гарунова Н. Н. Развитие транспортной инфраструктуры в процессе хозяйственного освоения юга России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 5-12. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-5-12

Transport Infrastructure in the Process of Economic Development in the South of Russia at the Late of the 18th – First Half of the 19th Centuries

©2023 Nina N. Garunova

Dagestan State University,
Makhachkala, Russia; email: garunovanina@mail.ru

ABSTRACT. Aim. Identifying the general trends in the development of the transport infrastructure of the Stavropol and Terek regions and trace its development dynamics in the context of the economic development of the South of Russia at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. **The methodological basis** of the research is the scientificity and historicism principles: reality is viewed as changing, developing in time. A generalized description of the socio-economic processes taking place in the Stavropol and Terek regions, which influenced the development of industry and trade, was obtained using the historical-systemic method. This method made it possible to identify common and specific features in the development of industry and trade, to show the changes that have occurred in a particular branch of production. The quantitative method helped to determine the degree of influence of certain factors occurring in the commercial and industrial environment. **Conclusions.** In the Stavropol province and Tersk region by the end of the 50s. XIX century. a developed agro-industrial infrastructure was formed, the involvement of the Caucasus in the sphere of geopolitical interests of Russia, and as a consequence - the solution by Russia of its political tasks in the region, for which it was required to populate and economically develop the Ciscaucasia. The specifics of commercial and industrial activities in the Stavropol and Terek regions were the uninhabitedness and sparse population of the Caucasian region, due to such factors as the availability of rich natural resources, as well as the military and political situation. A distinctive feature of trading in the region at the beginning of the XIX century. - was the exchange trade with the highlanders. The Caucasian administration used the development of trade ties as a way to integrate the mountainous population of the region into the economic system of the Russian Empire. A great contribution to the development of industry and trade in the post-reform period was made by nonresidents, since the Cossacks were distinguished by a small degree of enterprise, due to their military service. A decisive influence on the development of the local economy of both trade and industry was exerted by the commissioning of the railway network in the 60-90s. XIX century.

Keywords: trade, railway, transport, Stavropol and Terek, North Caucasus, Cossacks, immigrants

For citation: Garunova N. N. Transport Infrastructure in the Process of Economic Development in the South of Russia at the Late of the 18th – First Half of the 19th Centuries. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 5-12. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-2-5-12 (In Russian)

Введение

Северный Кавказ в силу его географического положения с древнейших времён был мостом между Азией и Европой, являлся зоной усиленных этнических контактов с народами Юго-Восточной Европы. Именно природно-географические рубежи, особенности рельефа и благоприятный климат, которые обуславливали развитие региона, сыграли немалую роль в том, как складывалась на различных этапах история Северного Кавказа.

С XVI в. Кавказ и Центральное Предкавказье стали зоной борьбы интересов Ирана и Турции, с одной стороны, и России с другой. В борьбе с султанской Турцией и Ираном за приоритет на Северном Кавказе Россия одержала победу, которая

была обусловлена экономическим и политическим преимуществом России перед утратившей былое величие Османской империей. Преемники Петра Великого не смогли должным образом продолжить его дело, но старались сохранить прежние позиции. И лишь спустя пятьдесят лет Екатерина II со всей серьезностью занялась Кавказскими делами. По повелению императрицы 2517 семейств Волжских казаков и 100 казаков с Дону в 1769 г. водворяются на р. Терек [11, с. 5]. Российское государство закреплялось на Кавказе посредством нитей, тянувшихся из России. При этом переселенческое движение приобрело стихийный характер [5, с. 149]. Стремясь освоить малолюдный, но богатый по своим природно-географическим

и экономическим возможностям край, правительство первоначально заселяло его в основном казачеством, преследуя одновременно и цель хозяйственного освоения, и задачу охраны новых рубежей Российской империи. Период военно-казачьей колонизации края, который в значительной мере регламентировался правительством, по сути дела завершал военно-стратегические и политические задачи правительства на Северном Кавказе. На смену пришел новый период – период освоения края пришлым, главным образом, крестьянским населением.

Большой статистический материал, позволивший провести анализ экономической ситуации, был нами привлечен из работ исследователя Подмогильной И. А. [8, с. 18].

Заселение и освоение земель различными группами населения имело огромное значение для развития края. При укреплениях устраивались казачьи станицы и слободки, населенные отставными солдатами, которых не отпускали в Россию, а обязывали селиться на Северном Кавказе. Таким образом, они пополняли численность гражданского населения края.

Территория Ставропольского края с момента появления русского населения в степном Предкавказье до 1785 г. входила в состав Астраханской области. В 1785 г. Екатерина II повелела образовать Кавказское наместничество, управлялось которое по образцу «Учреждений для управления губерний» [6, с. 21]. В 1793-1794 гг. путешествие на Кавказ предпринял Петр Симон Паллас, которое как бы завершало кавказоведческие изыскания русской Академии наук XVIII в. В 1797-1798 гг. по степям Предкавказья проехал автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» Ян Потоцкий – историк, географ, этнограф, археолог, почетный член Российской Академии наук. По поручению Российской Академии наук он предпринял путешествие на Кавказ.

Освоение новых территорий проходило под прикрытием кордонной линии. Было возведено восемь крепостей. Открывались широчайшие перспективы в освоении Предкавказья. Появлялась возможность пользоваться рудами и минералами Кавказских гор. План хозяйственного освоения края был представлен генерал-губернатором П. С. Потемкиным, включающий в себя учреждение виноградных, шелковых и бумажных заводов, развитие

скотоводства, хлебопашества и садов [10, л. 21]. Территория наместничества была немаленькой: в её состав входили современные территории Моздока, Ставрополя, Кизляра, Астрахани и ряд других.

Результаты исследования

Государством были затрачены огромные усилия по утверждению в регионе, потому что Кавказ имел для России важнейшее геополитическое и военно-стратегическое значение. Безусловно, главной целью его освоения было обеспечение господства России на Черном море. Но в решении этой глобальной государственной задачи Российская империя столкнулась с проблемой, которую в течение почти полувека она пыталась решать стихийно. Шел поиск эффективного использования вновь обретенных территорий.

Неоднократно менялось местоположение губернских городов на Кавказе, так к XIX в. «столичными» городами уже побывали крепость Терки, крепость св. Креста (1722), Кизляр (1736), Моздок (1763), Георгиевск (1786), впоследствии город Тифлис был избран в качестве местопребывания главнокомандующего.

Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи способствовало вовлечению этого обширного края в политическую и экономическую систему России в знаменательный период ее истории. Это был период, когда происходил прогрессивный и закономерный исторический процесс вызревания новых отношений. Несмотря на все недостатки проводимой политики России на Северном Кавказе, горцы оказались под влиянием более развитых экономических отношений России и передовой русской культуры. Общаясь постоянно с русским населением, горские народы, особенно переселившиеся в равнинные места, стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, высевать новые для них культуры (гречиху, рожь, пшеницу, подсолнухи).

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большой степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, других

принадлежностей мужской одежды, оружия, ювелирных изделий, т. е. тех предметов, которых не изготовляла русская фабрично-заводская промышленность. Под влиянием русских происходило и обогащение изобразительных средств дагестанских мастеров. Так, применяемый кубачинскими мастерами «московнакиш» (т. е. московский узор или московский орнамент) был заимствован ими из России. В результате подражания эмалевым изделиям России в Кубачах примерно в середине XIX в. начинают делать вещи с применением цветной эмали.

Горские пчеловоды заимствовали у русских соседей умение строить деревянные ульи (вместо плетеных сапеток). Повысилась техника пчеловодства. Необходимо отметить, что для российского бюджета присоединение Кавказа и управление новыми территориями стоили больших денег.

В конце XIX в. происходил интенсивный рост контингента наемных работников, способствовавший развитию Северного Кавказа. Административно-территориальные преобразования, принимавшиеся правительством, осуществлялись в интересах экономического освоения стратегически важного для России региона, эффективного управления им. В то же время, они во многом содействовали его обустройству, формированию в центре Северного Кавказа таких структур, которые, будучи опорой правительства, выдвинули степной край на роль аванпоста на южных рубежах России.

Развитие производительных сил региона вообще и сельского хозяйства в частности в немалой степени зависело от состояния железнодорожного и водного транспорта, строительства портов и элеваторов, насыщения сельскохозяйственного производства земледельческими машинами и орудиями. После того, как была построена Ростово-Владикавказская железная дорога, проходившая в стороне от Ставрополя, позиции последнего в экономической и политической жизни Северного Кавказа оказались ослабленными. Но, по мере углубления товарно-рыночных отношений в России, выявились новые резервы роста экономики аграрной окраины, и благодаря этому губерния и ее центр вскоре вышли на передовые позиции. По сравнению с 60-70-ми годами XIX века товарообмен Ставропольской губернии с губерниями России к концу XIX века вырос в несколько раз. [9, с. 5]

В ходе анализа истории хозяйственного освоения Кавказа с учетом территориального фактора этого процесса вырисовывается следующая картина. Экономическая привлекательность Кавказа к моменту начала его освоения была очень незначительной. Практически весь производимый там продукт потреблялся внутри него. Однако экономическая возможность контроля важнейших торговых путей в Персию через Каспий придавала значение и этому фактору колонизации. Казаки представляли собой колонизационный социум на Кавказе, потому что именно им приходилось на первых порах выполнять главные функции колонистов: водворение, хозяйственное освоение и военная защита новых территорий. Прежде всего, колонизация – не есть просто завоевание или покорение. Это перемещение значительного демографического ресурса отсюда, где он стоит дешевле, туда, где он стоит дороже. Финансовые вложения в Кавказ в первое время обеспечивали исключительно военные нужды, начиная со строительства Военно-Грузинской дороги и заканчивая Батумским портом. До середины XIX века товарно-рыночные отношения на Кавказе развивались медленно. Все изменилось с началом нефтяного бума девяностых годов. В последней четверти XIX века с эксплуатацией нефтяных месторождений усилился интерес в экономическом развитии Кавказа.

Таким образом, можно сделать выводы, что в целом изменившиеся предпосылки развития степного Предкавказья в конце XVIII – середины XIX вв. были благоприятны для формирования промышленной структуры региона. Промышленное и сельскохозяйственное производство носило экстенсивный характер. Основной причиной столь стремительного роста экономического состояния довольно значительной территории Ставропольской губернии и Терской области является попадание региона в сферу геополитических интересов России.

К тому же, развитие экономики Предкавказья было одним из способов привлечения горцев Кавказа на сторону России. Возможность торговать со славянскими переселенцами доказывала горцам прямую экономическую выгоду мира, а не войны с Россией, что также способствовало решению геополитических задач Российской империи на Кавказе. Развитие

мирной торговли способствовало вовлечению Кавказа во всемирный рыночный оборот, что было прогрессивным шагом.

Таким образом, основным фактором, благодаря которому в Ставропольской губернии и Терской области к концу 50-х гг. XIX в. сформировалась развитая агропромышленная инфраструктура, является вовлечение Кавказа в сферу геополитических интересов России, и как следствие – решение Россией своих политических задач в регионе, для чего и требовалось заселить и экономически освоить Предкавказье.

Развитие производительных сил региона вообще и сельского хозяйства в частности в немалой степени зависело от состояния транспорта. Развитие торговли как в России, так и на Северном Кавказе сдерживалось состоянием дорожной сети. В первой половине XIX в. основной поток грузов по стране перевозился по рекам. В южных губерниях страны, где не было такого перешлетения рек и озёр, товары перевозились по грунтовым дорогам. Перевозка грузов на подводах по плохим дорогам обходилась гораздо дороже и занимала больше времени. Грунтовые дороги часто становились непроезжими, поэтому скорость передвижения грузов была очень мала, а оборот капитала был замедленным: товары в дороге значительно дорожали.

Дороги нужны были для быстрой переброски войск, военных грузов, продовольствия, для развития экономики, торговли в губернии. Значимые по движению дороги обычно совпадают с торговой деятельностью, связывая между собой рынки и наиболее крупные городские поселения. Часто дороги имеют и административное, и политическое значение. Таковы, например, дороги, соединяющие политический центр государства с внутренними областями, а также дороги, идущие к границам. Некоторые дороги прокладываются колонизационным потоком на новые, незаселенные места. Военно-Грузинской дороге отводилась весьма важная роль в стратегических планах Петербурга, поэтому ее строительство курировалось непосредственно из имперского центра. Новая эра для дорожного дела в России началась со времени учреждения в 1809 г. Главного управления путей сообщения [1, с. 150]. Проложенная Военно-Грузинская дорога выполняла свои основные функции: движение воинских команд, грузов,

почты и много другого. Но она была не единственной из тех, что были проложены на Кавказе и, в частности, в Кавказской губернии того времени, когда Россия активизировала кавказское направление своей внешней политики. Кроме того, через Ставрополье проходила главная дорога, связывавшая Россию с Кавказом. Вся торговая жизнь Предкавказья концентрировалась в населенных пунктах, расположенных на старом Кавказском тракте. Дорога, о которой идет речь, начиналась от Черкаска на Дону, пересекала задонские степи и проходила по восточному берегу Егорлыка через Безопасное и Московское до Ставрополя. Оттуда она поворачивала на Старомарьевское, Сергиевское, Северное, Александровское, разветвляясь в направлениях на Георгиевск и Пятигорск. Существование этого транзитного пути также повышало значение района для переселения [3, с. 105].

Дороги были важны для обеспечения кавказских войск продовольствием. Большое значение как для экономики Кавказской области, так и для снабжения войск Кавказского корпуса имели дороги, ведущие начало от пристаней на Каспийское море. Гражданский губернатор Семенов в 1838 г. приказывал Кизлярскому окружному начальнику начать «проложение» новой дороги от недавно учрежденной Серебряковской пристани до станции Таракано-Бутровской [13, с. 64].

С развитием дорог было тесно связано и развитие почтового сообщения. В 1804 г. был учрежден новый почтовый тракт через Старочеркасск, Ставрополь, Георгиевск и далее через горные перевалы на Тифлис. Можно отметить, что дорожная инфраструктура области играла важную роль в сфере информационного обмена между центром империи и ее окраинами [4, с. 21].

К моменту окончания Кавказской войны в 1864 г. по территории Ставропольской губернии проходили три основных дороги: Черкасский, Царицынский и Тифлисский тракты [7, с. 18]. Дороги использовались и для реализации военно-экономических целей, но, естественно, они оказали прямое влияние и на экономическое развитие губернии. Все села, расположенные по этим трактам, были в лучшем положении, поскольку у них появлялось больше возможностей для сбыта своей продукции. Жителям этих сел часто при-

ходилось нести постоянную и подводную повинности, но уровень жизни в них был выше, чем в селах, удаленных от дорог.

Назрела острая необходимость в техническом перевороте на транспорте. Развитие транспорта в итоге привело к значительному скачку в развитии торговых отношений. Новое значение стала приобретать ярмарочная торговля, ускорение товарооборота стимулировало складывание в стране цен одного порядка, страна получила новые возможности в сфере регионального разделения труда, повышения эффективности своего хозяйства.

Наряду с хозяйственным гужевым транспортом развивается также коммерческий гужевой по перевозке грузов и пассажиров за плату. Извозничество, согласно отчетам местных властей, издавна «почти повсеместно» составляло «главный промысел жителей» Предкавказья [10, л. 21].

Переход к новому, железнодорожному транспорту и необходимость его освоения с помощью современных средств сообщения стали одной из главных задач. Строительство Владикавказской железной дороги явилось одним из важнейших факторов в изменении хозяйственного облика региона [2, с. 19].

Вдоль железнодорожного полотна в селениях вырастают ряды хлебных ссыпок и амбаров, склады земледельческих машин и орудий, резервуары с нефтью и мазутом. Вслед за главной магистралью акционерным обществом Владикавказской железной дороги сооружаются новые линии: в 1888 г. – Новороссийская, в 1894 г. – Петровская и Минераловодская, в 1896 г. – Железноводская и Ставропольская, в 1899 г. – Царицынская, в 1900 г. – Бакинская и в 1901 г. – Кавказско-Екатеринодарская. Таким образом, степное Предкавказье оказалось прочно связано с Черноморским и Каспийским побережьем, закавказскими рынками и Поволжьем.

Заключение

Лишь в первые пореформенные годы в сфере транспорта происходит перелом, отличивший этот период от других:

– с появлением сети железных дорог Северный Кавказ оказался прочно связан с Ростовом, что давало широкую возможность для развития всего региона;

– произошли изменения в организации гужевых перевозок, которые приспособивались к потребностям растущего хозяйства.

Следует отметить, что создание железнодорожной сети оказало мощное влияние на подъем промышленности и размещение земледелия в России, на рост числа переселений в слабо освоенные районы и ускорение формирования новых хозяйственных центров, что в конечном счете послужило толчком для крупных сдвигов социально-экономического порядка и изменения облика края и страны в целом. При этом, следует отметить, что экономическое развитие края раскрыло и серьезные недостатки транспортной системы 60-70-х гг.:

1. Железная дорога в Предкавказье не имела прямого выхода с Кубани и Ставрополя ни непосредственно к незамерзающим портам Черного моря, ни в Нижнее Поволжье; Ростово-Владикавказская дорога обрывалась на пути к Каспийскому морю, не доходя не только до него, но и до Грозного; были неполадки и в эксплуатации действовавшей сети.

2. Мало было сделано и по прокладке подъездных путей и шоссе для гужевых перевозок; надо отметить исключительный труд самих жителей, т. к. «дороги... от самой границы Кавказской среднего Егорлыкского карантина до Кизляра почти во всех нужных местах мосты и дороги содержатся в исправности» несмотря «... на весеннее наводнение ... ежегодно мосты сносит» [10, л. 22]. На этом почти и ограничились достижения в устройстве гужевых дорог. Отсутствие хороших дорог плохо сказывалось на жизни всего края.

Всего за два последних десятилетия XIX столетия на Юге России было проложено свыше тысячи верст, что дало прирост, хотя и меньший, чем в 60-70-е гг., однако все же довольно значительный по своей общей протяженности, особенно для Северного Кавказа, где главным образом и происходило строительство новых линий. Железнодорожная сеть в 80-90-е годы значительно расширилась и усовершенствовалась [12, с. 3].

Таким образом, основным фактором, благодаря которому в Ставрополье и Терекке к концу XIX в. сформировалась развитая агропромышленная инфраструктура, является вовлечение Кавказа в сферу геополитических интересов России, и как следствие – решение Россией своих политических задач в регионе, для чего и требовалось заселить и экономически освоить Предкавказье.

Литература

1. Арджеванидзе И. А. Военно-Грузинская дорога. Тбилиси: Техника да шрома, 1950. 161 с.
2. Асваров Н. А., Суздальцева И. А. Роль железнодорожного строительства в формировании рабочего класса Дагестана на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 119-125.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Том V. / под ред. А. П. Берге. Тифлис: типография Управления Наместника Кавказского. 1873. 1187 с.
4. Базилевич К. В. Почта в России в XIX веке. М.: Связь, 1927. 96 с.
5. Наш край: документы, материалы (1917-1977 гг.) / сост. Н. С. Дикалова. Ставрополь: кн. изд-во, 1983. 405 с.
6. Полное Собрание Законов. Т. 22 №№ 16193, 16194, 05.05.1785; № 16195. 09.05.1785. Собрание I / Под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830.
7. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении / сост. Г. Н. Прозрителев. Ставрополь-Кавказский, 1925. 25 с.
8. Гарунова Н. Н., Базна (Подмогильная) И. А. Развитие агропромышленной инфраструк-

туры Предкавказья в контексте процессов вовлечения региона в сферу геополитических интересов России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Ставропольской губернии и Терской области) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Том 33. Вып. 4. С. 19-23.

9. Ратушняк В. И. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар: Кубан. ун-т, 1978. 96 с.

10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 21.

11. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1868-1883. 1870. 451 с.

12. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1893, 1894 и 1895 гг. по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. СПб.: Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, 1898.

13. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: изд-во Акад. наук СССР, 1957. 259 с.

References

1. Ardzhevanidze I. A. Georgian Military Road. Tbilissi: Dawn of the East publ. 161 p. (In Russian)
2. Asvarov N. A., Suzdaltseva I. A. The role of railway construction in the formation of the working class of Dagestan at the turn of the 19-20th centuries. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities. 2015. No. 4. Pp. 119-125. (In Russian)
3. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. V. Ed. by A. P. Berger. Tiflis, 1873. 1187 p. (In Russian)
4. Bazilevich K. V. Mail in Russia in the 19th century. Moscow, Svyaz publ., 1927. 96 p. (In Russian)
5. Our region: documents, materials (1917-1977). Comp. by N. S. Dikalova. Stavropol, Book publishing, 1983. 405 p. (In Russian)
6. Complete Collection of Laws. Vol. 22. No. 16193, 16194, 05.05.1785; No. 16195.09.05.1785. Collection I. Ed. by M. M. Speransky. Saint Petersburg, 1830. (In Russian)
7. Prozritelev G. N. Stavropol province in the historical, economic and household relation. Comp. by G. N. Prozritelev. Stavropol-Caucasian, 1925. 25 p. (In Russian)
8. Garunova N. N., Bazna (Podmogilnaya) I. A. Development of the agro-industrial infrastructure

of the Ciscaucasia in the context of the processes of involving the region in the sphere of Russia's geopolitical interests in the second half of the 19th - early 20th centuries (on the example of the Stavropol province and the Terek region) In: Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities. 2018. Vol. 33. Issue 4. Pp. 19-23 (In Russian)

9. Ratushnyak V. I. The entry of the Northwestern Caucasus into Russia and its capitalist development. Krasnodar: Kuban University publ., 1978. 96 p. (In Russian)

10. Russian State Military Historical Archive. Fund 414. List 1. Case 300. P. 21. (In Russian)

11. Collection of statistical information about the Stavropol province. Stavropol, Stavropol Stat. Com. 1868-1883. 1870. 451 p. (In Russian)

12. Statistical results of interest and allocation fees for 1893, 1894 and 1895. On the calculation, classification and determination of the turnover and profits of commercial and industrial enterprises subject to sim fees. Saint Petersburg, Department of Trade and Manufactures of the Ministry of Finance, 1898. (In Russian)

13. Fadeev A. V. Essays on the economic development of the steppe Ciscaucasia in the pre-reform period. Moscow, AS USSR publ., 1957. 259 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Гарунова Нина Нурмагомедовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Дагестанский государственный университет (ДГУ), Махачкала, Россия; e-mail: garunovanina@mail.ru

Принята в печать 25.10.2022 г.

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Nina N. Garunova, Doctor of History, professor, the chair of History, Dagestan State University (DSU), Makhachkala, Russia; email: garunovanina@mail.ru

Received 25.10.2022.

История и археология / History and Archeology

Оригинальная статья / Original Article

УДК 94(55)«18»-029:323.17

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-12-18

Развитие национального самосознания иранских просветителей во второй половине XIX в.

©2023 Мусаева С. И.

Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия; e-mail: sirsa888@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье ставится **цель** осветить проблему развития национального самосознания первых иранских просветителей во второй половине XIX в., а также путь их становления как пропагандистов передовых европейских идей того времени. **Результаты.** В ходе исследования проблемы автор статьи приходит к выводу о том, что, начиная с середины XIX в., первые иранские просветители прошли очень сложный путь своего становления как революционеры и пропагандисты. Рискуя карьерным ростом и порой даже собственными жизнями, они занимались самообразованием и пропагандой ради своей страны и проведения в Иране более приемлемых для того времени политических преобразований и экономических реформ. Они также пытались бороться против иностранного засилья в стране, против уступчивого для иностранных колонизаторов шахского режима, понимая, что страну нужно освободить от европейских колонизаторов и развивать свою страну самостоятельно. **Заключение.** Первые иранские национальные просветители прошли сложный путь становления, в условиях жесткого шахского режима выдвигая идеи ограничения власти монархии, освобождения страны от засилья колониальных держав.

Ключевые слова: Иран, тайные общества, оппозиция, иранские просветители, интеллигенция, духовенство, газета, шахский режим, засилье колониальных держав.

Формат цитирования: Мусаева С. И. Развитие национального самосознания иранских просветителей во второй половине XIX в. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 12-18. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-12-18

Development of Iranian Enlighteners' National Identity in the Second Half of the 19th Century

©2023 Salikhata I. Musaeva

Dagestan State University,
Makhachkala, Russia; e-mail: sirsa888@mail.ru

ABSTRACT. The paper **aims** to highlight the problem of the development of national consciousness of the first Iranian enlighteners in the second half of the 19th century, as well as the path of their genesis as

propagandists of advanced European ideas of that period. **Results.** In the course of studying the problem, the author of the article comes to the conclusion that, since the middle of the 19th century, the first Iranian enlighteners went through a very difficult path of their genesis as enlighteners and propagandists. Risking their career growth and sometimes even their own lives, they engaged in self-education and propaganda for the sake of their country and conducting political transformations and economic reforms more acceptable for that time in Iran. They also tried to fight against foreign domination in the country, against the Shah's regime, which was compliant for foreign colonizers, realizing that the country needed to be freed from European colonizers and develop their country independently. **Conclusion.** The first Iranian national enlighteners went through a difficult path of formation, putting forward ideas of limiting the power of the monarchy, liberating the country from the dominance of colonial powers in the conditions of the harsh Shah's regime.

Keywords: Iran, secret societies, the opposition, Iranian enlighteners, intellectuals, clergy, newspaper, Shah's regime, domination of colonial powers.

For citation: Musaeva S. I. Development of Iranian Enlighteners' National Identity in the Second Half of the 19th Century. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. № 1. С. 12-18. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-12-18. (In Russian)

Введение

В середине XIX в. в Иране начали зарождаться и распространяться идеи буржуазного национализма. Представители передовой интеллигенции и национальной буржуазии страны начали выступать в защиту национальных интересов, и критиковать политику своего правительства позволившим иностранным державам закабалить свою страну.

Процесс зарождения национального самосознания в Иране начал складываться в первой половине XIX в. Как отмечает Н. А. Кузнецова, «при дворе наследника шаха Аббаса Мирзы, к 50-м годам XIX в. складывается наиболее просвещенная и свободомыслящая прослойка господствующего класса» [8, с. 233]. По ее мнению, возможно, именно здесь «смогли возникнуть и сложиться идеи иранского варианта просвещенного абсолютизма» [8, с. 233] и буржуазного национализма.

Результаты исследования

Действия первых свободомыслящих просветителей из числа либеральных помещиков и зарождавшейся национальной буржуазии, получивших образование в учебных заведениях светского типа, как в самом Иране, так и в университетах Англии и России начали доставлять определенные неудобства шаху и их окружению. Именно это слой интеллигенции и сыграл определенную роль в пробуждении национального самосознания иранского народа.

У истоков становления буржуазного национализма стоял Мохаммед Таги-хан (Амир Кабир), получивший образование за границей и неоднократно побывавший в европейских странах и России, получил

опыт политической работы и борьбы [7, с. 56]. Как отмечал Н. А. Талипов, в формировании политических взглядов Мохаммеда Таги-хана сыграло важную роль «усвоение европейских достижений» [12, с. 46].

М. Таги-хан Амир Кабир, предварительно изучив опыт европейских стран, будучи премьер-министром Ирана при дворе шаха Насер эд-Дина, попытался модернизировать государство сверху и провести серию реформ. Преобразования Мохаммеда Таги-хана были направлены на укрепление центральной власти, политико-экономической самостоятельности страны, уменьшению влияния и экономического давления иностранных держав, прежде всего, Англии и России, на Иран которые, по мнению Д. М. Анаркулова, лишили Иран «на какой-то период перспективы самостоятельного капиталистического развития» [1, с. 23].

Мохаммед Таги-хан в 1852 г. основал первое училище для иранцев светского типа «Дом наук» (Дарольфонун) с шестилетним сроком обучения, где преподавание вели иностранные специалисты и преподаватели, готовившие военных специалистов и управленцев-чиновников государственного аппарата. В Дарольфонун на обучение принимались дети иранской знати на конкурсной основе, а для лиц других сословий обучение в училище разрешалось только с особого, личного одобрения и разрешения шаха Ирана.

Один из крупных иранских просветителей Этесад эс-Салтане стоял во главе Министерства наук, образованного в 1858 г. [7, с. 57]. Будучи патриотом своей страны, он уделял большое внимание ра-

боте по просвещению иранцев. Так, благодаря его инициативе начали отправлять в европейские страны для продолжения обучения одаренных учащихся Дароль-фонун, которые впоследствии, возвращаясь в Иран, распространяли прогрессивные европейские идеи и выступали за национальную независимость против закабаления страны иностранными империалистами.

Видный ученый и политический деятель Ирана Сепасалар проводил большую работу в области просвещения. Так, в 1872 г. основал школу по изучению иностранных языков «Мошпирий», а в 1875 г. по его же инициативе состоялось открытие училища по подготовке учителей для светских школ. Сепасалар уделял особое внимание образовательному процессу. Так, при его содействии в 1884 г. в Исфахане начало функционировать училище, где иранские юноши обучались военному делу. В том же 1884 году, чтобы в какой-то степени усмирить гнев духовенства, Сепасалар содействовал открытию в Тегеране медресе (Высшая школа богословия) [2, с. 163], где проходили обучение и подготовку будущие шиитские богословы.

Одаренный просветитель, пропагандист буржуазно-национальных идей Мирза Мальком-хан получил высшее образование в Париже. За годы учебы там он, общаясь с французскими масонами, «узнал от них о принципах организации масонских лож во Франции» [7, с. 60], постепенно приобщился к политической деятельности. Вернувшись в Иран, Мальком-хан начал работать в министерстве иностранных дел. В 1858 г. в Тегеране при его содействии было образовано тайное общество «Ферамуш-хане» («Дом забвения») по аналогии с масонской ложей [3, с. 194], привнося отдельные уставные положения французских масонов с тайной восточной символикой, которое занималось пропагандой идей конституционной монархии и защиты прав личности.

Тайное общество «Ферамуш-хане» имело свой устав, который состоял из семи пунктов, составленный Мальком-ханом, написавшим его часть «Кетабе ад-мийат». По уставу члены общества должны были не заниматься постыдными делами, совершать благие деяния, призывали к объединению и жить в мире и согласии с другими людьми, заниматься про-

светительской работой, соблюдать порядок «в меру своих сил» [11, с. 235].

В общество «Ферамуш-хане» входили аристократы, политические деятели, молодые журналисты, поэты. Деятельность общества «Ферамуш-хане» также была направлена против проникновения в Иран империалистических государств, засилья иностранцев и захват ими крупных концессий и основных рычагов торговли в стране.

Некоторое время даже сам Насер эд-Дин шах принимал участие в отдельных заседаниях общества «Ферамуш-хане». Но, однако, когда стало известно о призывах членов общества об установлении конституционной монархии и парламентского вида правления, и когда в выступлениях отдельных ораторов прозвучала критика о гнет шахского режима, то по указу Насер эд-Дина шаха в 1861 г. общество было закрыто [3, с. 194].

В 1889 г. Мальком-хан был назначен послом Ирана в Великобритании и отправлен в Лондон, где он сразу наладил связи с иранской политической эмиграцией и начал активно вести пропаганду за проведение политических реформ и преобразований в Иране. Но когда стало известно в Тегеране о его политической деятельности, Мальком-хан был отстранен с посольского поста. Однако он не покинул Англию и в 1890-1894 гг. стал издавать в Лондоне на персидском языке газету «Канун» («Закон») [9, с. 386], через которую критиковал шахский режим и политику уступок иностранцам, вел активную пропаганду за установление конституционной монархии и введения парламента в Иране.

В первом номере газеты «Канун» была размещена статья Мальком-хана, освещающая процесс шахского управления государством, «управление всеми государственными делами, — отмечалось в статье, — находится в руках невежд... Права государства продаются для удовлетворения дипломатов иностранных миссий. Титулы и государственные посты служат игрушками в руках удачливых негодяев...» [10, с. 130-131].

Соблюдая правила конспирации, перевозили газету «Канун» в Иран, где она пользовалась большим спросом и популярностью среди прогрессивной части интеллигенции страны, и нелегально распространяли ее. В газете публиковались статьи,

разоблачающие колонизаторскую политику Англии и России, критиковавшие шахский абсолютизм и политику уступок иностранцам, проводимую шахом и его окружением. В своих сатирических пьесах М. Мальком-хан бичевал продажность шахских чиновников, беззаконие, творившееся в Иране, шахскую политику уступок иностранным державам, высмеивал порядки, царившие при шахском дворе.

Материалы, публикуемые в газете «Канун», пользовались большой популярностью в Иране, способствовали пробуждению национального самосознания иранцев. Вокруг Мальком-хана и его газеты «Канун» стали собираться группы и кружки передовой просвещённой иранской интеллигенции. Шахскими властями был наложен запрет на газету «Канун» и на все произведения Мальком-хана, а его сторонников и единомышленников стали преследовать.

М. Мальком-хан, дипломат, – публицист и писатель, – будучи глубоко эрудированной личностью, видел причину экономического отставания Ирана в отсутствии национального капитала внутри страны, поэтому он предлагал проведение политических преобразований, реформ и создание иранского национального банка в стране.

Мальком-хан также полагал, что для того, чтобы оздоровить и поднять экономику страны, следует привлечь в Иран иностранный капитал путем предоставления иностранцам концессий, ошибочно полагая, что иностранных держав интересует только торговля, и они не будут стремиться прибрать к рукам богатства страны.

Юсуф-хан Мосташер-эд Доул, руководитель тайного общества «Адамият», созданного в 1858 г. в Тегеране, предлагал провести более радикальные преобразования в Иране. В своей публикации «Йек келаме» [4, с. 266] он призывал к установлению в Иране конституционной монархии и парламентского вида правления. Эти свои идеи он дальше развивал и пропагандировал через газету «Канун».

В тайное общество «Адамият» входили представители либеральной буржуазии, получавшие образование в Европе (преимущественно в Париже), которые пропагандировали идеи реформ политического строя, установления ограниченной монархии и буржуазных свобод.

Общество «Ферамуш-хане», закрытое в 1861 г. по указу Насер эд-Дин шаха, сумело возродиться только в 1872 г. как общество «Джомэе адамият» при содействии премьер-министра Ирана Мошир од-Доуля [7, с. 61] и продолжило свою просветительскую работу среди иранской интеллигенции.

Большая заслуга в пробуждении национального сознания принадлежит членам «Общества просвещения», созданного в Иране в 80-90-х гг. XIX в. Видные политические деятели, известные ученые начали открывать светские школы, в которых в приоритете были общеобразовательные предметы, преподававшиеся на основе европейской науки и иностранные языки чем религиозное образование. Естественно, светских школ было мало, но все же они ломали устоявшиеся схоластические традиционные нормы обучения, что и вызвало возмущение со стороны духовенства, которое предприняло агрессивные действия. Так, в Тебризе светская школа, основанная прогрессивным деятелем М. Х. Рупди, была разгромлена, учебники, написанные им, сожжены, а ему чудом удалось спастись и убежать из страны [7, с. 58].

Следует отметить, что либеральные и радикально настроенные слои иранского общества, представлявшие небольшую прослойку интеллигенции, которых именовали «мунавар оль фекр, роушанфекр», или иранские «просветители» [7, с. 58], систематически подвергались преследованиям со стороны властных структур и вынуждены были действовать подпольно. Однако их ряды с конца XIX в. начали пополняться за счет прогрессивной мелкой и средней буржуазии, куда относились торговцы, офицерства, чиновничество и начали выступать против шахского деспотического режима, вмешательства иностранных держав во внутренние дела Ирана, религиозного обскурантизма в области просвещения и образования, закабаления страны иностранным капиталом. Хотя иранская интеллигенция представляла разные социальные слои общества, но общими были их конечные цели: осуществление политических и экономических преобразований и реформ в Иране.

Иранские просветители в конце XIX в. пытались разбудить иранский народ, вывести его из состояния пассивности, отсталости и призвать к политической борьбе с деспотическим шахским режимом.

Пробуждение национального сознания у передовой части буржуазных кругов находило свое выражение в открытии частных светских школ (Русские), организации по европейскому образцу, открытии библиотек, изданиях газет на персидском языке и т. д.

Иранская интеллигенция и просветители в эмиграции издавали газеты на персидском языке (в Константинополе – «Ахтар», в Египте – «Хекмат», в Калькутте – «Хабл-оль-Матин» и др.). В этих и других газетах печатали материалы о пагубном влиянии на экономику Ирана и на внутреннюю жизнь иранцев иностранного капитала, уступчивой политике шаха и его окружения иностранным концессиям, усугубляющих не только экономическую, но и культурно-политическую отсталость страны. Публиковались также статьи иранских просветителей, популяризовавших достижения науки техники европейских стран, европейскую систему образования, критиковалась иранская религиозная традиционная система образования, выдвигались требования предоставления политической свободы народу, призывали иранский народ к сплочению и действиям против шахского деспотического режима.

Формирование мировоззрения у прогрессивной части иранской молодежи в конце XIX – начале XX в. происходила на основе переведенных на персидский язык европейских художественных произведений, прежде всего, французского просветительства. Пользовались большой популярностью произведения Вольтера, Дефо, Лесажа, Мольера, и других авторов. Роман английского писателя Джеймса Морьера «Хаджи баба Исфакхани» [7, с. 59], в котором остро критиковался произвол шахской власти, произвел сильное отвлекающее влияние на иранцев и настроил их на революционную борьбу за свои права.

Мальком-хан, будучи высокообразованной личностью, находясь за границей, понимал, что для того, чтобы добиться поддержки всех слоев общества, в том числе и членов гильдий базара, торговцев и ремесленников, необходимо привлечь к политической деятельности духовенство. Купечество, торгово-ремесленное сословие и мелкая буржуазия больше всех страдали от засилья иностранного капитала, душившего их самостоятельность и были больше всех заинтересованы в социальных и политико-экономических пере-

менах и реформах. Мальком-хан понимал, что необходимо разбудить именно эти силы общества и привлечь их на свою сторону, а это было под силу только духовенству, которое имело тесные контакты с широкими слоями населения страны.

В конце XIX в. в Иране, как и в других странах Востока, была широко распространена пропаганда идей панисламизма, особенно среди духовенства.

Панисламисты, призывая все мусульманские народы к объединению в борьбе против иностранцев, в определенной степени отражали протест народных масс против закабаления Ирана и других мусульманских стран Востока иностранным капиталом. Особенно четко это проявилось в период массовых народных выступлений против табачной концессии, проходивших в 1891-1892 гг. под предводительством верхушки шиитского духовенства.

Именно в этот период сыграла важную роль идеология панисламизма для привлечения духовенства к участию в обществе «Джомэйе адамиyat» и в других тайных организациях, которая в тот период воспринималась как реформаторское учение. Но, однако, впоследствии панисламизм превратился в идеологическое оружие реакционных правящих кругов отдельных мусульманских стран.

Основателем панисламистской идеологии был Сейид Джамаль эд-Дин аль-Афгани, выходец из Асадабада. Он в 60-е гг. XIX в. занимал пост премьер-министра Афганистана, побывал во многих европейских и арабских странах, Индии, Москве, Петербурге, а в Иран прибыл в 1889 г. по приглашению Насер-эд-Дин шаха. В Тегеране он стал выступать с требованиями «возрождения ислама» и объединения всех мусульман в единое государство – умму (общину) во главе с халифом – турецким султаном Абдул-Гамидом. Он также требовал от правителей мусульманских государств проведения реформы в области образования и права, принятия конституции, основанной на законах шариата и ислама, которые защитили бы мусульман от засилья западных стран. Фактически, панисламизм, был политическим движением, направленным, прежде всего, против колониальных держав, нежели чем против произвола шаха. В конце 1890 г. из-за разногласий между шахом и Джамаль эд-Дином, отставив-

шим необходимость реформ, он был выслан под охраной из Ирана в Турцию [6, с. 195], а в эмиграции наладил связи и сотрудничал с иранской интеллигенцией. После высылки из Ирана Джамаль эд-Дина обострились отношения между его сторонниками и шахом.

Общества «Джомэе адамиyat» и «Эт-техад-е эслами» [6, с. 37], созданные в Иране, куда входили панисламисты, тесно сотрудничали друг с другом и выступали против шаха и колониальных держав, угнетавших Иран. Вскоре общество «Эт-техад-е эслами» было переименовано в «Хоузейе бидари» [6, с. 37].

В конце XIX – начале XX вв. формирование нового мировоззрения у иранского молодого поколения происходило под влиянием просветительских течений: либерального и радикального.

Радикальное течение подразделялось на два крыла – умеренно-радикальное и леворадикальное.

К либерально-настроенному крылу интеллигенции относились известные просветители Мальком-хан, братья Мирза Мохаммед и Али Мохаммед-хан Тарбийат из Тебриза, Али Кербела – Мосье, Сейид Хасан Таги-заде [13, с. 9-10] и др.

Учеником и последователем идеолога панисламизма Сейида Джамаль эд-Дина аль-Афгани можно признать одного из представителей радикального направления иранского просветительства публициста Ага-хана Кермани, который, как и его учитель, призывал к объединению мусульман с целью создания единой уммы. В его проповедях чувствовались патриотические и националистические идеи. По его мнению, только объединившись можно освободить Иран от колониальной зависимости западных держав и от диктаторского режима шаха. В то же время, Ага Хан Кермани был ярким пропагандистом идей паниранизма. Особое значение он придавал изучению иранцами истории своей страны, особенно молодым поколением, изучению культуры, предполагая, что исторический опыт поможет не повторить ошибок прошлого в будущем. Он

резко критиковал деспотический режим Насер эд-Дин шаха. Вскоре он был обвинен в причастности к убийству шаха, и новый правитель Ирана – Мозаффар эд-Дин шах – подверг Ага Хана Кермани казни.

Леворадикальное направление иранского просветительства представляли известный иранский публицист Ага Хан Кермани, Зейн ал-Абедин Марагеи, Мирза Фатхали Ахундов и Абдоррахим Талибов, которые сыграли огромную роль в просветительской и образовательной сфере Ирана, распространении прогрессивных философских взглядов, а также в обличении шахского произвола и критике реакционного шиитского духовенства.

Особенно большой популярностью пользовались не только в Иране, но и на всем Кавказе произведения Абдоррахима Талибова, выходца из Тебриза, из-за преследования властями эмигрировавшего из Ирана и проживавшего в Дагестане. В них обличались шахский произвол и беззаконие, творившиеся в Иране.

В романе Зейн ал-Абедина Марагеи «Путешествие Ибрагим-бека» разоблачались двуликая сущность, суеверие и жульничество реакционного духовенства.

К числу леворадикально настроенных просветителей можно отнести Малека оль-Мотакаллемина и Мирзу Джехангир-хана [1, с. 101-146], хотя отдельные исследователи считают их роль в революционно-просветительской работе слишком преувеличенной. За свои радикальные выступления и пропаганду по указу Мозаффар эд-Дин шаха они оба были казнены в 1908 г.

Заключение

Таким образом, к концу XIX в зависимости от иностранных колонизаторов затронула все слои населения Ирана и все стороны жизни страны, возрос накал антифеодальных и антиколониальных движений, а зарождавшаяся национальная буржуазия и иранские просветители являлись носителями передовых идей того времени.

Литература

1. Агахи А. М. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. Баку: изд-во Акад. наук АзССР. 1961. 252 с.
2. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 240 с.

3. Зейн ал-Абидин Марагеи. Дневник путешествия Ибрагим-бека или его злоключения по причине фанатической любви к Родине. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 267 с.

4. Ибрагимов (Шагин) Т. А. Политические партии, организации и общества Ирана (1858-

1917 гг.) Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Баку: Элм, 1972. 107 с.

5. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 468 с.

6. Исмаил Ризвани Мохаммед. Энджомене сэрридар энгелаб-е машрутийат-е Иран. Тегеран, Катабхане-е Ибн Сина, 1966. 203 с.

7. История Востока в 6 т. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 2. М.: Восточная литература, 2005. 574 с.

8. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 265 с.

9. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1981. 192 с.

10. Новая история Ирана. Хрестоматия / сост. Н. К. Белова. М.: Наука, 1988. 328 с.

11. Новая история стран Азии и Африки / сост. А. А. Губер. М.: Наука, 1982. 560 с.

12. Талипов Н.А. Общественная мысль Ирана в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1988. 295 с.

13. Abrahamian Edvard. Iran: Between Two Revolution. N. J., 1982. 561 p.

14. Algar Hamid. Religion and State in Iran 1785-1906. The role of Ulama in Qajar Period. Berkeley, Los Angeles, 1969. 286 p.

15. Bayat M. The Constitutional Revolution in Qajar Iran (1800-1925). Edinburgh, 1983. 271 p.

References

1. Agahi A. M. Dissemination of the ideas of Marxism-Leninism in Iran. Baku, Publishing house of the Academy of Sciences of the AzSSR. 1961. 252 p. (In Russian)

2. Doroshenko E. A. Shiite clergy in two revolutions: 1905-1911 and 1978-1979. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1998. 240 p. (In Russian)

3. Zein al-Abidin Maragei. The diary of the journey of Ibrahim bey or his misadventures due to fanatical love for the Motherland. M.-L.: Publishing House of Akad. Sciences of the USSR, 1963. 267 p.

4. Ibragimov (Shagin) T. A. Political parties, organizations and societies of Iran (1858-1917) Abstract of dissertation for Doctor of History degree. Baku, 1972. 107 p. (In Russian)

5. Ivanov M. S. An essay on the history of Iran. Moscow, Gospolitizdat publ., 1952. 468 p. (In Russian)

6. Ismail Rizvani Mohammed. Enjomene serridar engelabe mashrutiyate. Iran, Tehran, Katabkhane-e Ibn Sina, 1966. 203 p.

7. The History of the East in 6 volumes. Vol. IV. The East in modern times (late 18th-early

20th century). Book 2. Moscow. Oriental Literature, 2005. 574 p. (In Russian)

8. Kuznetsova N. A. Iran in the first half of the 19th century. Moscow, Nauka publ., 1983. 265 p. (In Russian)

9. Kulagina L. M. The expansion of British imperialism in Iran in the late 19th – early 20th centuries. Moscow, Nauka publ., 1981. 192 p. (In Russian)

10. New History of Iran. Anthology. Comp. by N. K. Belova. Moscow, Nauka publ., 1988. 328 p. (In Russian)

11. New history of Asian and African countries. Comp. by A. A. Guber. Moscow, Nauka publ., 1982. 560 p. (In Russian)

12. Talipov N. A. Public thought of Iran in the 19th-early 20th centuries. Moscow, Nauka, 1988. 295 p. (In Russian)

13. Abrahamian Edvard. Iran: Between Two Revolution. N. J., 1982. 561 p.

14. Algar Hamid. Religion and State in Iran 1785-1906. The role of Ulama in Qajar Period. Berkeley, Los Angeles, 1969. 286 p.

15. Bayat M. The Constitutional Revolution in Qajar Iran (1800-1925). Edinburgh, 1983. 271 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Мусаева Салихат Ибрагимовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Азии и Африки, Дагестанский государственный университет (ДГУ), Махачкала, Россия; e-mail: sirs888@mail.ru

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Salikhat I. Musaeva, Doctor of History, professor, the head of the chair of History of Asian and African countries, Dagestan State University (DSU), Makhachkala, Russia; e-mail: sirs888@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

Received 25.01.2023.

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94/37.035
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-19-26

Историческая память россиян в условиях глобализации: опыт социокультурной реконструкции

©2023 Нехай С. М. ¹, Еремина Е. А. ², Самсоненко Т. А. ²,
Нехай В. Н. ², Мишина Т. В. ²

¹ Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева,
Майкоп, Россия; e-mail: saida.nekhay.70@mail.ru

² Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар, Россия; e-mail: eremina-otdel-k@mail.ru, samsonenko1962@mail.ru,
slava0482@mail.ru, mishina84@list.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. В статье рассматриваются особенности трансформации исторической памяти общества в пространственно-временном континууме глобализации. **Методы.** На основе использования методов обобщения и анализа результатов социологических исследований, проведенных Фондом общественного мнения (ФОМ), Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2003 – 2020 гг., выявляются особенности трансформации исторической памяти в современном российском обществе в условиях активизации глобализационных процессов. **Результаты.** Выявлен амбивалентный характер глобализации, усиливающей энтропийное воздействие на традиционные соционормативные институты, которые, в свою очередь, выступают в качестве фундаментального ресурса сохранения культурно-исторического наследия. Эмпирически подтверждается тезис о том, что коммеморация становится одним из базовых факторов сохранения национальной идентичности, которая воспроизводится посредством обращения к базовым социоинтегративным принципам, заложенным в структуру национального сознания. Показано, что глобализация как унификационный процесс ослабляет консолидационный потенциал традиционной культуры, в связи с чем в обществе актуализируется потребность в реконструкции традиционных соционормативных институтов. Определяется роль и значение исторической травмы в сохранении исторической памяти народа. **Заключение.** Делается вывод о целесообразности реконструкции исторической памяти посредством воспроизводства смысла и содержания традиционной ценностно-нормативной системы, ретранслирующей наиболее устойчивые образы прошлого в духовное пространство современности.

Ключевые слова: историческая память, глобализационные процессы, глокализация, коммеморация, историческая травма, историогенез.

Формат цитирования: Нехай С. М., Еремина Е. А., Самсоненко Т. А., Нехай В. Н., Мишина Т. В. Историческая память россиян в условиях глобализации: опыт социокультурной реконструкции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 19-26. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-19-26

Russians' Historical Memory in the Context of Globalization: Socio-Cultural Reconstruction Experience

©2023 Saida N. Nekhay ¹, Elena A. Eremina ², Tatyana A. Samsonenko ²,
Vyacheslav N. Nekhay ², Tatyana V. Mishina ²

¹ T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies,
Maykop, Russia; e-mail: saida.nekhay.70@mail.ru

² Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russia; e-mail: eremina-otdel-k@mail.ru, samsonenko1962@mail.ru,
slava0482@mail.ru, mishina84@list.ru

ABSTRACT. Aim. The authors research the peculiarities of the historical memory transformation in the space-time continuum of globalization. **Methods.** Based on using the methods of generalization and analysis of the results of sociological research conducted by the Public Opinion Foundation (FOM), the Russian Center for the Study of Public Opinion (VCIOM) in 2003-2020, the transformation peculiarities of the of historical memory in modern Russian society are revealed. **Results.** It is revealed the ambivalent nature of globalization processes that enhance the entropic impact on traditional socio-regulatory institutions, which, in turn, act as a fundamental resource for preserving the cultural and historical heritage. Empirically, it is confirmed the thesis that commemoration becomes one of the basic factors of the national identity preserving, which is reproduced by referring to the basic socio-integrative principles embedded in the structure of national consciousness. It is shown that globalization as a unification process weakens the consolidation potential of traditional culture, in connection with which the need for reconstruction of traditional socio-regulatory institutions is actualized in society. The role and significance of historical trauma in preserving the historical memory of the people is determined. The conclusion is made about the expediency of reconstructing historical memory by reproducing the meaning and content of the traditional value-normative system, relaying the most stable images of the past into the spiritual space of modernity.

Keywords: historical memory, globalization processes, glocalization, commemoration, historical trauma, historiogenesis.

For citation: Nekhay S. M., Eremina E. A., Samsonenko T. A., Nekhay V. N., Mishina T. V. Russians' Historical Memory in the Context of Globalization: Socio-Cultural Reconstruction Experience. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. № 1. С. 19-26. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-19-26. (In Russian)

Введение

В начале XXI в. человечество оказалось в водовороте процесса смены цивилизационных парадигм. С одной стороны, наблюдается безудержное нарастание глобализационных процессов во всех сферах социальной жизни, которые кардинально перекраивают природу традиционных институций и усиливают унификационное воздействие на ценностный мир человека. Глобализация в своей всеохватной ипостаси форсирует размывание культурных, политических и экономических границ, тем самым подвергая эрозии существующие институциональные практики. С другой стороны, в мире реактуализируется потребность обращения к традиционным соционормативным принципам, которые на протяжении долгого времени фундаментализировали онтологический каркас различных цивилизаций. Представляется, что суммативная объективация указанных тенденций осуществляется в процессе, который американский социолог Р. Робертсон назвал глокализацией [13]. Под ней понимается процесс экономического и социокультурного развития, характеризующийся сосуществованием взаимоисключающих тенденций: на фоне глобализации вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление культурно-исторического значения традиционных ценностей.

По сути, глокализация как фоновая характеристика современности обостряет потребность обращения человечества к механизмам, способам и перспективам сохранения и воспроизводства аутентичных форм духовного бытия, которые конституируются в исторической памяти. Проблема осмысления данного феномена является предметом многочисленных дискуссий в различных социогуманитарных науках. В последние годы возрастает исследовательский и общественно-политический интерес к поиску инструментов объяснения механизмов ее формирования, воспроизводства и сохранения в социокультурном пространстве России. Особую актуальность проблема сохранения исторической памяти обретает в духовной жизни подрастающего поколения, поскольку ее ретрансляция выступает фундаментальным основанием воспроизводства социокультурного опыта прошлых поколений, а в перспективе - базисом для укрепления консолидационного потенциала российского государства. Поэтому столь важно теоретически осмыслить направление и практически оценить особенности самоорганизации сложных процессов конструирования и трансформации исторической памяти как символического ресурса укрепления национального единства [5, с. 181].

Материал и методы исследования

В целях определения трансформационного воздействия глобализации на содержательные (структурные) элементы исторической памяти используется метод исторической реконструкции, позволяющий всесторонне обосновать востребованность социоинтегративных ресурсов традиционных институтов в культурно-исторической перспективе России.

Посредством сравнительного анализа результатов социологических исследований, проведенных в России в 2003–2020 гг. Фондом общественного мнения и Всероссийским центром изучения общественного мнения, был выявлен уровень устойчивости и жизнеспособности в сознании россиян событийных элементов исторической памяти, которые сохраняют свой консолидационный потенциал на современном этапе развития российского государства.

Результаты и обсуждение

Как справедливо утверждают О. Б. Леонтьева и Л. П. Репина, природа и содержание феномена исторической памяти многогранны. Ее можно определить как систему воспроизводства культурно-исторических символов, основанную на преломлении исторических событий через призму доминирующих в обществе ценностей и норм [6, с. 278]. В данном контексте историческая память воспроизводится посредством переосмысления событий прошлого, реактуализации восприятия кризисных явлений современниками, рецензии социокультурного опыта их переживаний и реконструкции символического образа прошлого в нарративах идентичности.

С. Д. Багдасарян и Т. А. Самсоненко рассматривают историческую память как инструмент сохранения и воспроизводства культурного наследия, которое формируется в исторической эволюции материального и духовного производства человека, общества и природы, и под влиянием климатических изменений формирует ландшафт, становящийся историко-культурным наследием [2, с. 18].

Б. Л. Губман и К. В. Ануфриева под исторической памятью понимают совокупность нарративно оформленных представлений об историческом прошлом определенной общности людей, разделяемых в некоторый момент времени в её

пределах и служащих цели самоидентификации [4, с. 13]. Представляется, что подобное определение явно сжимает рамки ее существования, поскольку в своей онтологической потенции историческая память обладает свойством модуляции темпорального континуума и способностью его пролонгации в отдаленной социально-исторической перспективе.

Мы рассматриваем историческую память народа через призму его ментальных оснований, обеспечивающих воспроизводство и сохранение культурной идентичности посредством ценностно-символической реактуализации имманентных образов прошлого, которые объективируются в традиции и находят свое символическое воплощение в проектах настоящего и будущего. В этом смысле глобализация в своей западноевропейской вариации значительно ослабляет консолидационный потенциал традиции как институционального ресурса исторической памяти, поскольку унификационные процессы форсируют перестройку культурно-исторического кода народа, усиливают нарастание космополитических ориентаций в духовной жизни людей. В результате, в современном социуме закладываются каузальные предпосылки формирования неантропологического типа личности манкурта, который радикально разрывает связь со своим историческим прошлым и инкорпорирует в свою поведенческую матрицу систему нигилистических соционормативов, мимикрировавших в утилитарно-гедонические принципы современности.

Глобализация как унификационный процесс выхолащивает культурные ценности традиционного общества, нивелирует границы между примордиальными ценностями народа и современными духовными практиками, что превращает ее в фактор размывания исторической памяти. Усиленно деконструируя концепты прошлого и эмансипируя ценности современности, она четко очерчивает демаркационную линию между архаической, туманной ретроспективой и яркой, наполненной жизнеутверждающими смыслами перспективой. В данном случае происходит фундаментальный разрыв связи времен, порождающий дуалистическое восприятие действительности и фрагментирующий ценностный мир человека. На наш взгляд совершенно прав оказался

отечественный социолог Ж. Т. Тощенко, утверждавший, что историческая память представляет собой "сфокусированное сознание", в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность благодаря её тесной связи с настоящим и будущим [11].

Историческая память демонстрирует свою жизнеспособность тогда, когда она закрепляется в сознании народа как базовая ценностно-нормативная система, реактуализирующая образы прошлого и встраивающая их в структуру ментальных атрибуций современности. Именно в этом случае появляется социальный запрос на их актуализацию, сопровождающуюся высокой степенью распознаваемости в широких социальных массах и символической целостностью репрезентации событийных доминант.

Как показывают результаты регулярного мониторинга общественного мнения, осуществляемого различными социологическими службами (Фонд общественного мнения, Всероссийский центр изучения общественного мнения и т.д.), а также данные многочисленных социологических опросов, проведенных в ракурсе исследования отношения россиян к наиболее значимым событиям в жизни государства - Октябрьской Революции 1917 г. (Куква Е. С., Ильинова Н. А., Шадже А. Ю. [5]), Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. [10]), в России сформирована социальная потребность на их коммеморацию.

Так, согласно данным мониторинга отношения россиян к революции 1917 г., проведенного Фондом общественного мнения с 2003 по 2020 гг., доля лиц, воспринимающих октябрьские события как исторически значимое явление возросла с 36 до 51%. В то же время, число граждан, поддерживающих идею празднования дня октябрьской революции на федеральном уровне, увеличилось с 49 до 55% [3], что свидетельствует о сохранении в общественном сознании граждан России высокой символической значимости революционных событий 1917 г. как фундаментального маркера исторической памяти.

Более того, по-прежнему в сознании россиян преобладает положительная оценка последствий Революции 1917 г. Результаты исследования ВЦИОМ (октябрь 2017 г.) показали, что 61% опро-

шенных позитивно оценили ее влияние на жизнь российского общества. При этом, абсолютное большинство граждан (92%) считают повторение революционных событий 1917 г. недопустимым, что подтверждает наличие в исторической памяти россиян укорененных представлений, которые транслируют не только положительные образы прошлого (толчок к новому социально-экономическому развитию, преодоление классовой борьбы), но и негативные (потрясения, жертвы, репрессии, прелюдия к гражданской войне) [8].

Особое значение в воспроизводстве исторической памяти России имеют события Великой отечественной войны 1941 - 1945 гг (ВОВ). Сравнительный анализ социологических опросов, проведенных ВЦИОМ в 2007 и 2018 гг. показал, что доля россиян, корректно определивших хронологические рамки военных действий выросла с 65% в 2007 г. до 69% в 2018 г. При этом число граждан, не назвавших даты начала и окончания войны сократилось в два раза (с 6 до 3%) [9].

Показательно, что в России наблюдается рост количества коммеморативных мероприятий, посвященных ВОВ. Параллельно с этим, увеличивается и степень вовлеченности россиян в их организацию и проведение. Так, за период с 2007 по 2018 гг. выросло число граждан, встречавшихся с ветеранами Великой отечественной войны, выросло с 38 до 45%. Также россияне активнее стали посещать места боевой славы, музеи, мемориалы, посвященные ВОВ (32% в 2007 г. и 61% опрошенных в 2018 г.), кладбища и захоронения погибших воинов (32% и 51% соответственно) [9].

Как результат, смысловое наполнение событий Великой отечественной войны как маркера исторической памяти народа обретает сакральное значение, в связи с чем в общественном сознании нарастает потребность в обеспечении объективной и беспристрастной оценки действий ее участников, и в первую очередь, ветеранов, обеспечивших Великую Победу. Поэтому большинство россиян (64% респондентов) поддерживают предложение ряда депутатов Государственной Думы приравнять оскорбление ветеранов к оправданию преступлений нацистов [9]. Этот факт свидетельствует о стремлении россиян сохранить правду как имманентный атрибут исторической памяти и передать ее в

аутентичном виде последующим поколениям.

Вместе с тем, репрезентация исторических событий в условиях глобализации часто сопровождается упрощением их смысловых доминант, рафинированием форм их донесения до различных слоев населения, и, в первую очередь, до подрастающего поколения. Зачастую, молодежь ожидает получение ярких, насыщенных эмоциями и тусовочной ритмичностью ощущений от исторических реконструкций как инструмента сохранения исторической памяти. В отрыве от масскультурной риторики обращение к прошлому она воспринимает как архаизацию реальности, а реконструкция традиции как способа осовременивания исторической памяти определяется детерминантой социокультурной стагнации. В этой связи наиболее уязвимыми компонентами духовного пространства народа, которое сталкивается с рифами культурной глобализации становятся:

- патриотические ценности как социоинтегративные атрибуты национального самосознания, обеспечивающие востребованность сохранения памяти о прошлом;
- проект будущего народа как стратегическая модель самосохранения культурной/цивилизационной идентичности;
- традиционные институты общества, которые воспроизводят «жизненное пространство» прошлого, одухотворяют внутренний мир народа и противопоставляют ультрасовременной реальности эталонный, апробированный на практике образец соционормативного порядка.

Первые два компонента предполагают развитие патриотического воспитания, позволяющего по мнению отечественного историка З. М. Нахибашева в перспективе сформировать «общность талантливых и созидательных, гордых своим потенциалом многообразия самобытностей и единством граждан и народов, объединенных в многонациональный народ Российской Федерации, в российскую нацию – нацию, великую своими национально-культурными ресурсами, историческими символами и смыслами, опытом созидания и добра, талантами и духовным величием» [7; 20].

Касаемо третьего компонента духовного пространства народа необходимо отметить, что игнорирование соционормативных практик традиционного общества

только на время заглушает противоречия между прошлым и современностью, а это в перспективе расширяет деструктивный потенциал популистской риторики вульгарных традиционалистов, гиперболизирующих значение тех или иных исторических событий в духовной жизни народа. По сути, радикальный традиционализм усиливает аргументацию в обосновании дуализации категорий прошлого и настоящего посредством реактуализации символически значимого события через концепт «исторической травмы». Данный концепт, как полагает американский социолог Дж. Александер, инкорпорируется в коллективное сознание посредством болезненного переосмысления рокового события, пережитого народом и воспроизводимого в его духовном пространстве [12, с. 98].

Если в позитивном измерении историческая травма как способ ментальной рефлексии способна консолидировать общество и рельефнее очертить контуры его экзистенциального самосохранения, то в деструктивном измерении она выступает в качестве инструмента манипуляции социальными массами, тем самым радикализируя их восприятие действительности. Как показывает опыт человечества, аффективно-эмоциональное переживание категорий прошлого, концептуальная связь с которыми утрачивается ходом естественно-исторического развития, приводит к чрезмерному насыщению социальной памяти мифологическими конструкциями. По мнению Д. А. Аникина, особая эмоциональность связана либо с событиями, которые обладают крайне позитивным воздействием на развитие общества, либо демонстрируют критический момент в его истории, своеобразный слом исторического пути, после которого траектория (вне зависимости от того, повернула ли она в лучшую или в худшую сторону) уже никогда не останется прежней [1]. Как результат, общественные массы форсировано сплачиваются вокруг субъектов социального процесса (общественных движений, медийных личностей и т.д.), навязывающих эмоционально-алармистскую риторику восприимчивой части населения в вопросе определения онтологического значения исторического события.

В условиях глобализации возникает опасность ухода в плоскость симуляцион-

ных технологий, использование которых деформирует смысл и содержание объектов исторической памяти. Целенаправленная мифологизация прошлого, рассматриваемая в качестве сигнификационного пространства реконструкции образов коллективной памяти и человеческого рода, усиливает дуалистическое понимание истории. В своем нарративном дискурсе, зачастую лишенном целостного фактографического и концептуального объяснения особенностей историогенеза, симулякры деформируют ментальные образы, подменяя их мнимыми (либо не в полной мере отрефлексированными) атрибутами. Именно по этой причине назревает необходимость осмысленной и беспристрастной оценки исторических событий, формирования единого хронотопа в интерпретации исторической памяти и исторической травмы как ее примордиальной атрибуции.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что глобализация способствует нарастанию

энтропийных процессов в духовной жизни социума. Усиление размывания культурного ядра, ревизия традиционных соционормативных практик, переход к универсальности при одновременном дистанцировании от партикулярности как метапринципа воспроизводства аутентичности деформирует историческую память общества. В результате происходит перестройка культурно-исторического кода народа, который постепенно разрывает со своей ментальностью и неизбежно утрачивает коллективную память, выступающую в качестве его консолидационного ресурса. В этой связи, нам представляется, что сохранение исторической памяти народа как его имманентной идентификационной атрибуции возможно только в случае реактуализации традиционных институций, которые одним своим существованием терминализируют ценность единого прошлого народа в пространстве современных социокультурных координат.

Литература

1. Аникин Д. А. Травматизация исторической памяти: европейский проект vs национальный дискурс // Международный электронный научный журнал. №4. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalnyy-diskurs> [дата обращения: 21.03.2021].
2. Багдасарян С. Д., Самсоненко Т. А. Государственная политика России в отношении историко-культурного наследия в практике туризма // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 2(279). 2021. С. 15-26.
3. Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. Фонд общественного мнения. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru/Proshloe/14489> [дата обращения: 21.09.2021].
4. Губман Б. Л., Ануфриева К. В. Историческая память и история в культуре глобального сообщества // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2019. № 4(90). С. 13-20.
5. Ильинова Н. А., Куква Е. С., Макеев С. В. Октябрьская революция 1917 года в оценке студенческой молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 4(282). 2021. С. 10-14.

логия, юриспруденция, политология, культурология». Выпуск 4(209). 2017. С. 180-195.

6. Леонтьева О. Б., Репина Л. П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 274-317.

7. Нахибашев З. М. Межэтническое и этноконфессиональное развитие дагестанского общества в современных условиях: особенности и специфика развития // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12. № 2. 2018. С. 18-21.

8. Октябрьская революция: 1917-2017. Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolucziya-1917-2017> [дата обращения: 23.09.2021].

9. Память о войне: история и мифы. Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-vojne-istoriya-i-mify> [дата обращения: 29.09.2021].

10. Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. № 5. 2010. С. 62-66.

11. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.

12. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. – New York: Oxford University Press, 2003. 296 p.

13. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) / Roland Robertson // SAGE Publications, 1992. Printed in Great Britain by The Cromwell Press Ltd, Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire. 306 p.

References

1. Anikin D. A. Traumatization of historical memory: European project vs national discourse. In: International electronic scientific journal. No. 4. 2019. [Electronic resource]. Access mode: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalnyy-diskurs> [date of access - 03/21/2021].

2. Baghdasaryan S. D., Samsonenko T. A. State policy of Russia in the field of preservation of historical and cultural heritage in the practice of historical and cultural tourism // The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology". 2021, Issue 2(279). Pp. 15–26. (In Russian)

3. Anniversary of the Revolution. The October Revolution in the life of the country and Russian families. Public Opinion Foundation. 2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://fom.ru/Proshloe/14489> [accessed 21.09.2021].

4. Gubman B. L., Anufrieva K. V. Historical memory and history in the culture of the global community. In: Bulletin of the Moscow University of Culture and Arts. 2019. No. 4(90). Pp. 13-20. (In Russian)

5. Ilyinova N. A., Kukva E. S., Makeev S. V. The October Revolution of 1917 in the Assessment of Student Youth. In: Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology". Issue 4(209). 2017. Pp. 180-195. (In Russian)

6. Leontyeva O. B., Repina L. P. "Memorial turn" and "The history of memory" in Russia. In: Historians in the search of new perspectives. Collective monograph. Gen. ed. by Z. A. Che-

kantseva. Moscow, Aquilon publ., 2019. Pp. 274-317. (In Russian)

7. Nakhibashev Z. M. Interethnic and ethno-confessional Development of Dagestan Society in modern Conditions: Features and Development Specificity. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences Vol. 12. No. 2. 2018. Pp. 18–21. (In Russian)

8. The October Revolution: 1917-2017. Russian Center for the Study of Public Opinion. 2017. [Electronic resource]. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolycziya-1917-2017> [accessed 23.09.2021].

9. The memory of the War: history and myths. Russian Center for the Study of Public Opinion. 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-vojne-istoriya-i-mify> [accessed 29.09.2021].

10. Tavokin E. P., Tabatadze I. A. To the issue of the historical memory of the Great Patriotic War. In: Sociological research. No. 5. 2010. P. 62-66. (In Russian)

11. Toshchenko Zh. T. Historical consciousness and historical memory. In: Paradoxical human. Moscow, Gardariki publ., 2001. 398 p. (In Russian)

12. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. – New York: Oxford University Press, 2003. 296 p.

13. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) / Roland Robertson // SAGE Publications, 1992. Printed in Great Britain by The Cromwell Press Ltd, Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire. 306 p

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Нехай Саида Муратовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Майкоп, Россия; e-mail: saida.nekhay.70@mail.ru

Еремина Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма,

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Saida M. Nekhay, Ph. D. (Philology), leading researcher, Folklore Department, T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research, Maykop, Russia; e-mail: saida.nekhay.70@mail.ru

Elena A. Eremina, Ph. D. (Pedagogy), assistant professor, the chair of Social and Cultural Service and Tourism, dean of the faculty of Service and Tourism, Kuban State Universi-

декан факультета сервиса и туризма, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (КГУФКСТ), Краснодар, Россия; e-mail: eremina-otdel-k@mail.ru

Самсоненко Татьяна Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культуроведения и социальных коммуникаций, КГУФКСТ, Краснодар, Россия; e-mail: samsonenko1962@mail.ru

Нехай Вячеслав Нурбиевич, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, КГУФКСТ, Краснодар, Россия; e-mail: slava0482@mail.ru

Мишина Татьяна Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, КГУФКСТ, Краснодар, Россия; e-mail: mishina84@list.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

ty of Physical Culture, Sports and Tourism (KSUPCST), Krasnodar, Russia; e-mail: eremina-otdel-k@mail.ru

Tatyana A. Samsonenko, Doctor of History, professor, the head of the chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, KSUPCST, Krasnodar, Russia; e-mail: samsonenko1962@mail.ru

Vyacheslav N. Nekhay, Doctor of Sociology, professor, the chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, KSUPCST, Krasnodar, Russia; e-mail: slava0482@mail.ru

Tatyana V. Mishina, Ph. D. (Philosophy), assistant professor, the chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, KSUPCST, Krasnodar, Russia; e-mail: mishina84@list.ru

Received 25.01.2023.

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94(4/9)
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-26-32

Открытие и начало работы Дагестанского женского учительского института в годы Великой Отечественной войны

©2023 Суздальцева И. А.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: s.iren.a2010@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Статья приурочена к 80-летию основания Дагестанского государственного педагогического университета и посвящена проблемам открытия Дагестанского женского учительского института, который начал работать в Махачкале в период Великой Отечественной войны. Решение о создании нового учебного заведения было принято СНК РСФСР 1 ноября 1943 г., а первый прием студенток состоялся осенью 1944 г. **Методологической основой** исследования являются историзм и системный подход в изучении социально-экономических проблем развития общества. **Результаты.** В годы великой Отечественной войны в Дагестане осложнилась проблема подготовки педагогических кадров и изменилась демографическая ситуация в связи с призывом значительной части учителей в действующую армию. В этих условиях было принято решение начать подготовку женщин-учителей. **Выводы.** Несмотря на проблемы первых лет работы, Дагестанский женский учительский институт способствовал вовлечению горянок в сферу образования и повлиял на подъем культурного уровня всего женского населения республики. Вуз прошел долгий путь развития и в 1994 г. получил статус педагогического университета.

Ключевые слова: демографическая ситуация, женщины-горянки, факультеты, кафедры, подготовительные курсы, преподаватели.

Формат цитирования: Суздальцева И. А. Открытие и начало работы Дагестанского женского учительского института в годы Великой Отечественной войны // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 26-32. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-26-32

Opening and Activity Start of Dagestan Women's Teachers' Training Institute During the Great Patriotic War

©2023 Irina A. Suzdaltseva

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: sirs888@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The paper is dedicated to the 80th anniversary of founding Dagestan State Pedagogical University and to the problems of opening Dagestan Women's Teachers' Institute, which began working in Makhachkala during the Great Patriotic War. The decision to create a new educational institution was made by the Council of People's Commissars of the RSFSR on November 1, 1943, and the first acceptance for studies took place in the autumn of 1944. The **methodological basis** of the study is historicism and a systematic approach to the study of socio-economic problems of the development of society. **Results.** During the Great Patriotic War in Dagestan the problem of training teachers became more complicated and the demographic situation changed due to the conscription of a significant part of teachers into the army. Under these conditions, it was decided to start training women teachers. **Conclusions.** Despite the problems of the first years of work, Dagestan Women's Teachers' Training Institute contributed to the involvement of mountain women in the field of education and influenced the rise in the cultural level of the entire female population of the republic. The university has come a long way of development and in 1994 received the status of a pedagogical university.

Keywords: demographic situation, mountain women, faculties, departments, preparatory courses, teachers.

For citation: Suzdaltseva I. A. Opening and Activity Start of Dagestan Women's Teachers' Training Institute During the Great Patriotic War. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. № 1. С. 26-32. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-26-32. (In Russian)

Введение

Период Великой Отечественной войны стал трудным испытанием для всей страны, жизнь которой была перестроена применительно к нуждам военного времени. Серьезные изменения произошли в системе народного образования СССР. Проблемы военного времени значительно повлияли на работу вузов нашей страны. Однако даже в самые напряженные годы советское государство продолжало уделять внимание развитию образования.

Война внесла серьезные изменения в работу высших учебных заведений Дагестана: многие преподаватели ушли на фронт и сократился контингент студентов, были изменены учебные планы и введены сокращённые сроки обучения, пострадала материально-техническая база вузов, некоторые из них были закрыты или эвакуированы. В начальный период

войны вынужденно прекратил работу Буйнакский учительский институт с двухлетним сроком обучения, который торжественно открыли в 1922 г. в г. Темир-Хан-Шуре (г. Буйнакск) [2, с. 12].

В 1941–1942 гг. в Дагестанском обкоме КПСС и Совете народных комиссаров (СНК) республики неоднократно обсуждался вопрос о закрытии педагогического института в г. Махачкале. Однако, благодаря активной поддержке секретаря обкома партии Г. А. Аликберова и заместителя председателя СНК ДАССР Х.-М. Х. Хапашева было принято решение о продолжении его деятельности. Дагестанский педагогический институт объединили с Крымским педагогическим институтом имени М. В. Фрунзе, который был эвакуирован в г. Махачкалу осенью 1941 г. и работал здесь до лета 1944 г. В результате был создан единый Дагестанский педагогический

и учительский институт имени С. Стальского. Осенью 1942 г. в связи с наступлением фашистских войск на Кавказе правительство Дагестана приняло решение о его временном переводе в Касумкентский район республики. Эвакуация негативно отразилась на организации учебного процесса и состоянии материально-технической базы вуза, поэтому уже в декабре 1942 г. Педагогический институт вернулся в Махачкалу и продолжил работу [12, с. 131-132].

В годы Великой Отечественной войны задача подготовки педагогических кадров в Дагестане продолжала оставаться актуальной. Это было обусловлено тем, что на фронт ушли многие дагестанские учителя (3,5 тыс. человек только в первые два года войны) [13, л. 17], а на смену им пришли педагоги, не имевшие специального образования и опыта практической работы. Большое количество учителей готовилось заочно или на краткосрочных курсах.

На первом этапе войны к преподаванию активно привлекались учителя, прибывшие в Дагестан из оккупированных районов. По данным исследователей, в 1941-1942 гг. на работу в учебные заведения республики было направлено около 200 эвакуированных педагогов. В их числе были люди с высшим (100 человек), незаконченным высшим и средним (72 человека) образованием [4, с. 531]. Многие учителя, эвакуированные в Дагестан, имели хорошую профессиональную квалификацию и опыт педагогической работы. Они возглавили многие образовательные учреждения, помогли организовать их бесперебойную работу и способствовали повышению качества учебно-методического процесса. С развитием контрнаступления советской армии и освобождением оккупированных территорий началась реэвакуация учебных заведений, и многие эвакуированные работники возвратились на Родину.

В 1943 г., одновременно с переломом в ходе ведения военных действий в пользу СССР, начался процесс восстановления временно закрытых учебных заведений, увеличения контингента студентов, улучшения условий работы и быта преподавателей и учащихся. Для подготовки молодежи к получению высшего образования в Дагестане были открыты одногодичные курсы, на которые привлекались юноши и

девушки, окончившие школу в предыдущие годы.

В годы Великой Отечественной войны в системе дагестанского образования заметно изменилась демографическая ситуация: после ухода на фронт значительной части учителей-мужчин повысилась потребность в подготовке женских педагогических кадров. Во многом это определялось возросшей ролью женщин в жизни дагестанского общества. Женщины заняли передовые позиции в производстве, овладели новыми для себя профессиями и заменили мужчин на всех участках: ковали оружие для советских воинов, садились за руль трактора и автомашины, пасли скот, строили оборонительные рубежи.

Результаты исследования

К началу войны женщины-горянки составляли незначительное число педагогических кадров Дагестана, но в новых условиях их активное участие в развитии образования приобретало решающую роль. Поэтому, когда руководство ДАССР обратилось к правительству РСФСР с просьбой восстановить работу Буйнакского учительского института, было признано более целесообразным открытие женского учительского института.

1 ноября 1943 г. Совнарком РСФСР принял Постановление № 903 об открытии в Дагестане Женского учительского института [14, л. 1]. В нём подчеркивалось, что организуемое высшее женское учебное заведение призвано решить вопросы улучшения работы школ и подготовки национальных кадров женской интеллигенции.

Действительно, к концу войны дагестанские школы испытывали острый недостаток в учительских кадрах: более 50 % учителей не имели законченного среднего образования и необходимой методической подготовки, не хватало учителей-предметников, в школах не преподавались по 1-4 предметам учебного плана; не выполнялся план набора студентов в педагогические учебные заведения.

В течение года велась организационная работа, связанная с открытием вуза. Много сделал для создания Женского учительского института в г. Махачкале Р.М. Магомедов, возглавлявший Нарком просвещения ДАССР в 1943–1945 гг. Обосновывая необходимость открытия женского института, он подчеркивал, что «фронт

все больше и больше забирал учителей-мужчин и женщины-учителя должны выручить нас в благородном деле обучения молодого поколения» [11, с. 97].

29 июня 1944 г. СНК ДАССР принял Постановление № 459 об открытии в г. Махачкале Дагестанского государственного женского учительского института «с контингентом студенток для 1944/45 учебного года – 120 человек с факультетами: географический, физико-математический, русского языка и литературы» [10, с. 34]. По словам А. М. Магомедова, это было «первое в Российской Федерации высшее женское педагогическое учебное заведение» [8, с. 7].

Работа по набору студенток в Женский учительский институт велась сложно. На это особое внимание обращено в Постановлении Бюро Дагестанского Областного Комитета ВКП (б) от 29 августа 1944 г., которое обсуждало ход подготовки к новому 1944-1945 учебному году в ВУЗах республики [10, с. 37].

Женский учительский институт начал работу осенью 1944 г. Он был призван облегчить приход горянки на учебу в вуз и сформировать кадры национальной женской педагогической интеллигенции. Однако руководству приходилось учитывать реальные особенности быта республики. Многие дагестанские семьи не хотели отпускать дочерей из дома, переселение дочери в город на несколько лет, жизнь в отрыве от заботы и контроля семьи представлялись в то время чем-то немислимым. Учитывая сложность набора абитуриенток, при вузе были открыты постоянно действующие подготовительные курсы, рассчитанные на 90 человек [10, с. 34].

В 1944–1945 учебном году на 1 курс дневного обучения Дагестанского женского учительского института было принято 110 девушек. Среди них были представительницы основных национальностей Дагестана: аварки, лезгинки, кумычки, даргинки, лачки и др. [10, с. 47].

Проверка, проведенная в конце 1944 г., показала, что работа Женского учительского института имеет много недостатков и не отвечает требованиям высшего учебного заведения. В частности, в Постановлении СНК ДАССР от 28 декабря 1944 г. отмечалось, что большинство студенток слабо владеют русским языком, учебные

планы по основным дисциплинам выполняются формально, преподавание русского языка и литературы ведется без учета особенностей студенток, никто из преподавателей не имеет опыта работы в нерусской школе; педагогические совещания не проводятся, в институте достаточно учебников, отсутствует учебное оборудование, студентки не имеют письменных принадлежностей и опаздывают на занятия, внеклассная и воспитательная работа проводятся слабо, плохо подготовлено общежитие и т.д. В связи с этим, директору института П. Н. Некрасову было предложено перестроить весь учебный процесс в институте и поставить главной задачей обучение студенток русскому языку, создать Совет института и обсуждать на нем ход работы вуза, обеспечить контроль качества преподавания и систематически пополнять библиотеку. СНК ДАССР обязал Дагторг включить институт в плановое снабжение учебными принадлежностями, выделить ему необходимое количество учебников и 1 тыс. тетрадей. До середины января 1945 г. Народный комиссариат просвещения ДАССР взялся подобрать для института опытных преподавателей русского языка и литературы и обеспечить подготовительные группы всеми необходимыми учебными пособиями с расчетом один учебник на 2-х студенток. Кроме того, правительство Дагестана обратилось к наркому просвещения РСФСР П. Потемкину с просьбой выделить в 1-м квартале 1945 г. Дагестанскому женскому учительскому институту необходимые учебники и учебное оборудование. Было решено организовать обучение студенток кройке и шитью, передать институту 3 швейные машины, обеспечить регулярную стирку белья и для работы прачечной ежемесячно выделять 10 кубометров дров; отвести вузу земельный участок для подсобного хозяйства и 1 гектара виноградников [10, с. 48, 47].

Правительство Дагестана решило обратиться в Совнарком РСФСР за разрешением организовать в Дагестанском женском учительском институте одну подготовительную группу со сроком обучения 2 года. Кроме того, было признано целесообразным открытие пансионата при вузе. СНК ДАССР поручил директору института П. Н. Некрасову и наркому просвещения С. С. Швачко до 1 февраля 1945 г. решить вопрос о необходимости продления

срока обучения в Женском учительском институте [10, с. 48].

С 1945 г. институт начал работать в составе трёх факультетов – был открыт еще один факультет русского языка и литературы [7, с. 11-12].

На первых порах женский учительский институт давал неполное высшее образование: обучение велось в течение 2-х лет, а выпускницы могли работать учителями в 5–7 классах.

Первые годы вузу приходилось работать в сложных условиях. Он не имел своего учебного здания, поэтому занятия проводились во вторую смену. Институт занимал сначала несколько комнат в механическом техникуме, затем временно ему было предоставлено здание школы № 5 г. Махачкалы. В 1947 г. Женский учительский институт решением правительства Дагестана был переведён в здание городской школы № 6. Здесь на 1 этаже были обустроены учебные помещения, лаборатории и кабинеты (по педагогике и психологии, русскому языку и литературе, физике и т. д.), а на 2 этаже – комнаты студенческого общежития [8, с. 9, 11].

Государство и местные органы власти уделяли большое внимание созданию благоприятных материальных условий для учебы будущих учительниц-горянок. По данным А. М. Магомедова, в соответствии с Постановлением СНК СССР 1945 г. студенткам института было выделено 250 одеял и по 250 пар обуви, галош и чулок [8, с. 9]. С февраля 1950 г. студентки вуза обеспечивались общежитием и бесплатным питанием [7, с. 14].

Обучением и воспитанием первых студенток занимался небольшой коллектив преподавателей. В первый год работы в его состав входили 4 кандидата наук, доцента, 5 старших преподавателей и 1 ассистент. Педагогический коллектив включал представителей дагестанских народов: 1 доцент и 2 старших преподавателя [10, с. 40]. В 1945–1946 учебном году число преподавателей вуза выросло до 15 человек. В числе первых работников вуза были П. И. Амирханова, Т. В. Коржева, А. К. Селимханова, А. А. Новикова, К. Ф. Хамошина, И. В. Зиморой, Л. И. Мегаева, Т. П. Махонькова и другие. Они работали на кафедрах: русского языка и литературы (основана в 1944 г.), физики и математики (основана в 1945 г.), педагогики (основана

в 1946 г.), естествознания и географии [8, с. 11]. Директором института в 1944–1947 гг. был доцент П. Н. Некрасов. Он же возглавил кафедру марксизма-ленинизма, созданную в 1947 г. [7, с. 12].

Государство оказывало материальную поддержку педагогическому коллективу молодого вуза. Так, в марте 1945 г. преподавателям было выделено 10 отрезков на костюмы, 10 пар мужской обуви и галош, 8 мужских и 2 женских пальто, 2 тысячи метров хлопчатобумажной ткани для пошива белья. Кроме того, институту передали 10 пивейных машин, 2 лошади, 3 коровы и 15 овец [8, с. 9].

Несмотря на проблемы приема студентов и сложности в организации учебного процесса, открытие нового педагогического вуза стало для республики событием исключительной важности. По словам З. К. Раджабовой, женский учительский институт сыграл большую роль в подъеме общего культурного уровня женского населения Дагестана и содействовал дальнейшему приобщению горянок к науке и культуре [11, с. 98]. М. Д. Адухов отмечал его большую роль в расширении влияния светского образования в республике [1, с. 48].

В первые послевоенные годы контингент студенток Дагестанского женского учительского института постепенно увеличивался, но план набора абитуриенток не выполнялся. О сложностях подбора контингента учащихся женских педагогических заведений сообщал в 1945 г. секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. М. Алиев [9, с. 296]. Так, в 1945 г. в институт поступили только 54 девушки и 50 – на подготовительное отделение [3, с. 16]. В последующие годы набор студенток несколько вырос: в 1946 г. поступила 41 студентка, в 1947 г. – 65, в 1948 г. – 68 [7, с. 12].

В 1946 г. состоялся первый выпуск института, который стал огромным событием в культурной жизни Дагестана. Ряды учителей республики пополнили 33 девушки – представительницы всех национальностей Дагестана (20 преподавательниц географии, 13 – физики и математики), которые выехали на работу в отдаленные районы республики. Среди них были отличницы учебы: С. Хайдакова, А. Рапкучева, С. Гебекова, А. Гайдарова, П. Абдурахманова и др. [7, с. 12].

В 1948 г. в женском учительском институте начал работать четвертый факультет – исторический. В 1950 г. первые 11 выпускниц этого факультета были направлены в школы [8, с. 12-13].

В 1951 г. на четырех факультетах женского учительского института обучалось 189 студенток. Кроме того, 80 девушек получали образование на двухгодичном подготовительном отделении при институте. По данным Л. Г. Каймаразовой, в 1946-1950 гг. Дагестанский женский учительский институт подготовил более 300 учительниц [6, с. 22].

Выпускницы института активно включились в работу и общественную жизнь Дагестана. Среди них были учителя и директора школ, работники Отделов народного образования и других государственных учреждений, партийных и общественных организаций.

1 сентября 1954 г. Дагестанский женский учительский институт был преобразован в женский педагогический институт. 30 декабря 1963 г. он стал называться Дагестанский педагогический институт. Здесь были открыты дневное и заочное отделения. К 1990-м гг. вуз стал одним из крупнейших педагогических образовательных

учреждений страны и в 1994 г. получил статус педагогического университета.

Заключение

В военный период 1941-1945 гг. развитие высшего педагогического образования в Дагестане не прервалось. Вузы республики смогли преодолеть трудности первых лет войны, которые привели к резкому сокращению профессорско-преподавательского состава и студенческого контингента. Важным событием в развитии педагогического образования военных лет стало открытие в г. Махачкале первого в СССР женского учительского института, который в первые годы работы давал неполное высшее образование. Его целью стала подготовка педагогических работников для семилетних школ республики из числа представительниц коренных народностей Дагестана. Открытие учебного заведения для девушек – горянок сыграло большую роль в подъеме их общего культурного уровня и стало событием исключительной важности. Работа Женского учительского института содействовала вовлечению дагестанских женщин в профессионально-педагогическую сферу деятельности и приобщению их к науке и культуре.

Литература

1. Адухов М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане (вторая половина XIX – XX вв.). Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. Ставрополь, 2004. 62 с.
2. Акавов З. Н. Старейший вуз Дагестана. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 1 (1). С. 7-13.
3. Бычихина С. В. Становление и развитие высшего образования Дагестана в 20-70-е гг. XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 25 с.
4. История многовековых взаимоотношений и единства народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
5. Каймаразов Г. Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. 464 с.
6. Каймаразова Л. Г. Высшее педагогическое образование в Дагестане в 30-50-е годы XX века. // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 4. С. 19-23.
7. Магомедов А. М. Дагестанский педагогический. Краткий исторический очерк. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. 270 с.

8. Магомедов А.М. Кузница педагогических кадров. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 88 с.
9. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (Документы и материалы) / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, Р. И. Джамбулатова, Н. Д. Чекулаев. Махачкала: изд-во ДНЦ РАН, 2005. 776 с.
10. Наука и высшая школа в Дагестане. 1941-2001 гг. (Документы и материалы). Том II. В 2-х частях. Ч. 1 / сост. Г. И. Какагасанов, Н. Д. Чекулаев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. 212 с.
11. Раджабова З. К. Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2001. 180 с.
12. Суздальцева И. А. Педагогические вузы Дагестана в годы Великой Отечественной войны. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. СПб., 2021. № 1. С. 131-143.
13. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. А-1. Оп. 1. Д. 5714.
14. ЦГА РД. Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 18.

References

1. Adukhov M. D. *Stanovleniye i razvitiye svetskogo obrazovaniya v Dagestane (vtoraya polovina XIX – XX vv.)* [Formation and development of secular education in Dagestan (the second half of the 19th–20th centuries)]. Author's abstract of dissertation for Dr. of History degree. Stavropol, 2004. 62 p. (In Russian)
2. Akavov Z. N. *Stareyshiy vuz Dagestana* [The oldest university in Dagestan]. In: Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences. 2008. No. 1(1). Pp. 7-13. (In Russian)
3. Bychikhina S. V. *Stanovleniye i razvitiye vysshego obrazovaniya Dagestana v 20-70-ye gg. XX veka* [Formation and development of higher education in Dagestan in the 20-70s of the 20th century]. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (History) degree. Makhachkala, 2004. 25 p. (In Russian)
4. *Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i yedinstva narodov Dagestana s Rossiyei* [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia]. On the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia. Makhachkala, DSC RAS publ., 2009. 752 p. (In Russian)
5. Kaymarazov G. Sh. *Obrazovaniye i nauka v Dagestane v XX veke* [Education and science in Dagestan in the 20th century]. Makhachkala, 2007. 464 p. (In Russian)
6. Kaymarazova L. G. *Vyssheye pedagogicheskoye obrazovaniye v Dagestane v 30–50-ye gody XX veka* [Higher pedagogical education in Dagestan in the 30-50s of the 20th century]. In: Bulletin of Dagestan State University. 2011. Issue 4. Pp. 19-23. (In Russian)
7. Magomedov A. M. *Dagestanskiy pedagogicheskiy. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Dagestan Pedagogical Institute. A brief historical sketch]. Makhachkala, Dagknigoizdat publ., 1981. 270 p. (In Russian)
8. Magomedov A. M. *Kuznitsa pedagogicheskikh kadrov* [Talent pool of teaching staff]. Makhachkala, Dagknigoizdat publ., 1968. 88 p. (In Russian)
9. *Narody Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War] (1941-1945). (Documents and sources). Comp. by G. I. Kakagasanov, M. D. Butaev, R. I. Dzhambulatova, N. D. Chekulayev. Makhachkala, DSC RAS publ., 2005. 776 p. (In Russian)
10. *Nauka i vysshaya shkola v Dagestane. 1941–2001 gg.* [Science and higher education in Dagestan. 1941-2001]. (Documents and sources). Vol. II. In 2 parts. P. 1. Comp. by G. I. Kakagasanov, N. D. Chekulayev. Makhachkala, IHAЕ DSC RAS publ., 2008. 212 p. (In Russian)
11. Radzhabova Z. K. *Zhenshchiny Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Women of Dagestan during the Great Patriotic War]. Dissertation for Ph. D. (History) degree. Makhachkala, 2001. 180 p. (In Russian)
12. Suzdaltseva I. A. *Pedagogicheskiye vuzy Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Pedagogical universities of Dagestan during the Great Patriotic War]. Bulletin of Saint Petersburg State University of Technology and design. Series 2: Art history. Philological science. 2021. No. 1. Pp. 131-143. (In Russian)
13. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). Fund A-1. List 1. Case 5714. (In Russian)
14. CSA RD. Fund r-1353. List 1. Case 18. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Суздальцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: s.iren.a2010@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Irina A. Suzdaltseva, Ph. D. (History), assistant professor, the chair of General History, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: s.iren.a2010@mail.ru

Received 25.01.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821.351.42
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-33-38

Способы художественной реализации авторской идеи в романе Канты Ибрагимова «Детский мир»

©2023 Ахмадова Л. К.

Чеченский государственный педагогический университет,
Грозный, Россия; e-mail: lyoooha1@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель исследования – выявить основные способы и приемы художественной реализации авторской идеи на материале романа К. Ибрагимова «Детский мир». **Методы.** В исследовании применены приемы структурно-стилистического и дискурсивного анализа. Комплексный филологический анализ позволил раскрыть отдельные способы авторского присутствия в романе. **Результаты.** К. Ибрагимов основной художественной задачей считает отображение сформировавшегося в гражданском социуме мнения по отношению к национальной истории, созвучного его точке зрения. В прологе писатель обозначает свою позицию неравнодушного повествователя, поэтому в структурных частях, в которых появляется фигура автора, эмоциональность текста повышается. Отношение автора к событиям романа, его мировоззренческие концепции и ценностные ориентации выражаются в романе «Детский мир» через модальность и отдельные стилистические приемы. В отличие от современной установки на отстранение автора от текста, посредством чего должна создаваться иллюзия абсолютной объективности, Ибрагимов не только показывает свою позицию через портреты, описания, комментарии, но и «входит» в текст как реальный свидетель происходящего, в частности, в таких структурных компонентах, как пролог и эпилог

Ключевые слова: современная чеченская литература, автор, Канта Ибрагимов, дискурс, драматизм, конфликт.

Формат цитирования: Ахмадова Л. К. Способы художественной реализации авторской идеи в романе Канты Ибрагимова «Детский мир» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 33-38. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-33-38

Ways of Literary Realizing the Author's Idea in the "Children's World" Novel by Kanta Ibragimov

©2023 Layla K. Akhmadova

Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia; e-mail: lyoooha1@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the study is to reveal the main means and techniques of the literary realization of the author's idea as exemplified in the novel "Children's World" by K. Ibragimov. **Methods.** The following methods such as structural-stylistic and discursive analysis are applied in the study. A comprehensive philological analysis revealed certain facts of the author's presence in the novel. **Results.** K. Ibragimov considers the opinion formed in civil society in relation to national history which is consonant with his view to be of the main literary concern. In the prologue, the writer positions himself as an indifferent narrator, therefore, in the structural parts, where the author's figure appears, the emotionality of the text increases. The attitude

of the author to the events of the novel, its ideological outlines and value orientations, are expressed in the novel "Children's World" by means of modality and certain stylistic devices. **Conclusion.** In contrast to the modern attitude towards the removal of the author from the text, due to which the illusion of absolute objectivity should be created, Ibragimov does not only show his view through portraits, descriptions, comments, but also "enters" the text as a real witness to what is happening, in particular, in such structural sections like prologue and epilogue.

Keywords: modern Chechen literature, author, K. Ibragimov, discourse, drama, conflict.

For citation: Akhmadova L. K. Ways of Literary Realizing the Author's Idea in the "Children's World" Novel by Kanta Ibragimov. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 33-38. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-33-38 (In Russian)

Введение

Роман К. Ибрагимова «Детский мир» мы относим к жанровой форме произведений на историческую тематику. В процессе анализа данного вида художественного текста следует отталкиваться от понимания, что творческий процесс – есть процесс интерпретации. В романе художественный мир конструируется автором посредством переработки реалий окружающего мира в художественные образы, которые обладают той или иной степенью достоверности. В частности, пространственно-временные координаты романа вполне адекватны реальным, но при этом ситуации, конфликты, поступки персонажей вымышлены.

К. Ибрагимов обращается к одной из самых актуальных тем в современной чеченской литературе. Через личности и судьбы центральных героев романа «Детский мир» писатель стремится показать и осмыслить суть событий периода первой чеченской войны. Как и другие национальные авторы, Ибрагимов с разных мировоззренческих позиций стремится показать трагедию своего этноса, транслируя главную мысль, что она произошла не по вине народа, а была спровоцирована вышестоящими силами, преследующими геополитические, экономические и другие цели. История чеченского этноса в разные периоды – это основная тема К. Ибрагимова, и он не может быть отстраненным летописцем, так как является частью своего народа, следовательно, для писателя очень важно показать свое отношение к трагическим и драматическим событиям, описываемым в его романе.

Материал и методы исследования. Материалом исследования стал роман Канта Ибрагимова «Детский мир». Для научного осмысления поставленной задачи использованы приемы структурно-стилистического и дискурсивного анализа.

Комплексный филологический анализ исследуемых художественных текстов позволил раскрыть способы авторского присутствия в романе.

Результаты и обсуждение

Хронотоп романа «Детский мир» охватывает глобальный период исторического развития Чечни и России – от довоенного времени до первой чеченской войны. Семьдесят лет истории – это жизненный цикл трех поколений, следовательно, можно отнести текст к типу произведений об историческом прошлом. К. Ибрагимов поставил задачу значительного масштаба – с максимальной достоверностью осветить события первой Чеченской войны – и подошел к ее решению через судьбы своих героев. В одном из интервью на вопрос журналиста: «Почему вы решили оглянуться назад?» – Ибрагимов ответил: «Во-первых, чтобы мы не забывали то страшное время, которое, к счастью, позади. Во-вторых, чтобы больше не повторять таких ужасных ошибок». Исходя из данного заявления, можно сказать, что это роман-предупреждение, следовательно, автор четко обозначает свою позицию.

В прологе романа писатель пишет от своего лица: «Пора бы мне уgomониться и забыть все. Но не могу, не могу. Я должен, я обязан рассказать о своей вине, о нашей общей вине, о нашей трагедии...» [1, с. 3]. Стилистический прием повтора, используемый автором, усиливает эмоциональность высказывания, отражающего неисчезающую боль, которую по происшествии многих лет испытывают все чеченцы, прошедшие войну.

Каждое событие, происходящее в романе, оценивается автором через его последствия, всегда драматические и трагические. На основании подобной установки можно говорить о драматизме произведения. Драматическая идейно-эмоциональная настроенность романа

«Детский мир» обуславливает и особенности конфликтов, и специфику дискурсивных практик. Характерной чертой романа «Детский мир» является конфликтность героев и ситуаций. На протяжении всего сюжетного действия его герои вступают в бесконечную череду социальных и бытовых конфликтов – конфликт Анастасии Афанасьевой с Аркадием Столетовым; Розы с Туаевым; конфликты между простым народом и чиновниками и военными; метафизический конфликт Канта с мировой несправедливостью и другие. Разрешение данных конфликтов неоднозначно и не всегда в пользу положительных героев романа.

Военные действия в романе сменяются периодом восстановления разрушенного города, символом которого становится здание бывшего «Детского мира». Существенным фактором для понимания авторской идеи является то, что в название романа автор вводит концепт «дом», который несет в себе важнейшие составляющие национальной культуры. Дом выступает как символ объединения, кровного и духовного родства, о которых в последнее время человек стал забывать, это не просто место жительства, это одушевленная часть жизни самосознания его главного героя – Канта.

Все события, описываемые в романе, становятся основой для постановки Ибрагимовым серьезных проблем и обличения войны, казнокрадства и коррупции. Писатель пытается быть объективным и нередко показывает, насколько наивны люди и как легко их ввести в заблуждение, «кинув маленький кусок».

В этом плане показателен фрагмент, в котором описывается выступление основного отрицательного персонажа Гуты Туаева, в очередной раз вернувшегося в Чечню с миссией «восстановления» республики, когда он обещает «золотые горы», и люди верят ему:

«- Дрянь! – довольно громко прошепелявила Роза.

- Замолчи! – злобно выдала рядом стоявшая габаритная женщина. – Таких грамотных не любим» [1, с. 293].

Туаев – собирательный образ, в этот период на поверхность вышло множество сомнительных личностей, которые, воспользовавшись неразберихой, стремились как можно быстрее отхватить свой

кусочек от бюджета на восстановление Чечни. Но пострадавшие люди хотели верить, что их братья-чеченцы приложат все силы для восстановления родной республики, что они не станут наживаться на горе своих соплеменников. Вся правда открылась позже, а в период, описываемый в романе «Детский мир», мало кто реально понимал, что происходит: вину москвичей, боевиков, иностранцев, кого угодно, только не своих, которые, как Гута Туаев, говорили правильные слова с высоких трибун.

Основной лейтмотив романа – мысль о том, что войны не нужны простым людям – автор транслирует в наиболее яркой, наглядной форме через сюжетную линию, связанную с мальчиком Кантом. Ребенок не понимает, что происходит, он просто хочет вернуться в прошлое, в свое счастливое детство, когда все были живы и можно было пойти в «Детский мир» за игрушками. Своими наивными вопросами, на которые нет ответа, он ставит в тупик взрослых. Вопросы одни и те же: «Когда закончится война? Встретиться ли он с мамой и папой? Почему чеченцев все бьют и в них стреляют?» Вопросы, на первый взгляд, наивные, но в них заложен глубокий смысл, и взрослые, пытаясь ответить мальчику, теряются, находят какие-то слова, но он им не верит. Кант верит в то, что он видит. Возможно, понимание того, что жизнь не войдет в мирное русло и его родители никогда уже не вернуться, и подтолкнуло его к самоубийству.

В отличие от главных персонажей, которые в определенной степени индивидуализированы, в романе предстают собирательные, обобщенные образы представителей различных уровней власти. Чаще всего они не имеют имен, называются лишь их должности. Таким приемом автор создает схематичные типажи, в которых концентрируются наиболее типичные черты, и перед читателем предстают не личности, а функциональные фигуры – милиционеры (здоровяк, толстяк), следователь прокуратуры, который «*похозяйски сразу же сел, обдавая комнату зловонием перегара и слащавого дезодоранта*» [1, с. 348]. Портреты, поведение и речь этих персонажей оставляют крайне негативное впечатление, таким образом автор показывает свое отношение к происходя-

щему, к людям, которые были орудием в руках тех, кто творил чеченскую историю.

Исторический контекст вполне достоверен – в этот период шла охота на боевиков, и здесь одна из главных героинь романа – бабушка Учитал подчеркивает, что существует огромная разница между боевиками и ополченцами, тем самым защитив Багу, который сражался не за деньги, сепаратистские и религиозные идеи, а пошел с оружием в руках против людей, которые напали на его родину.

С. Ш. Шарифова отмечает, что «Автор художественного произведения может отображать в своем произведении авторскую (художественную) оценку исторических событий и фактов» [2]. Приведенный тезис обосновывает авторские стратегии К. Ибрагимова, который всегда показывает свое отношение к происходящим в романе ситуациям и поступкам персонажей – через портреты, описания, комментарии, воспоминания. Здесь следует отметить, что в тех структурных частях, когда автор появляется в качестве участника событий, художественный дискурс сменяется документальным или автобиографическим, как, например, в прологе и эпилоге.

Историзм К. Ибрагимова основывается на концепции исторической справедливости, и, опираясь на нее, писатель пытается отобразить сформировавшееся в гражданском социуме видение истинной национальной истории, с которым он согласен. Это не значит, что оно единственно правильное, но автор художественного текста имеет право на субъективность в силу интерпретативности художественного дискурса.

Содержание романа «Детский мир» не вызывает сомнений в том, что Ибрагимов отдает себе отчет, насколько важные для общественного мнения вопросы поднимаются в его произведении, и осознает свою ответственность как автора, опираясь на принципы объективизма и историзма. Об этом говорит тот факт, что по авторскому замыслу группа отрицательных персонажей романа состоит из представителей разных этносов – российских и чеченских граждан, также, как и положительные герои представлены и чеченцами, и русскими.

Гуту Туаева как личность в полной мере характеризует разговор, состоявшийся у него в самом конце военной операции с одним из важных чиновников – чеченцев:

«... И, кстати, надо и своим боевикам помочь (бежать, уточнение наше – Л.А.), все скидываются, кто как может.

– А если федералы узнают? Пособником боевиков назовут, расстреляют.

– Ныне не расстреляют. Этот негласный указ от них же и исходит.

– Что творится?

– Ничего нового. Как издревле говорится: «разделяй и властвуй», а народ – быдло, ему хлеба и зрелищ. А чеченская война – ну, где лучшее зрелище устроишь?» [1, с. 333].

Сниженный издевательский дискурс одного из самых важных чиновников Чечни Гуты Туаева отражает его пренебрежение к своему народу и полную безнравственность. Для Гуты существует один идол – деньги, ради которого он готов на все. Других, как, например, своего собеседника, у которых еще остались какие-то проявления совести, Гута вынуждает совершать предательство и казнокрадство шантажом и угрозами расправы.

Подобное поведение противоречит представлениям простого человека, родственника Гуты Тугана, который, не понимая сути происходящего, оказался в подчинении могущественного родственника. Туган – необразован, невежествен, он мало размышляет, и его интересы не идут дальше желания хорошо поесть и поспать. Но даже его удивил подслушанный разговор:

«– В этой войне я ничего не могу понять: кто с кем, и кто против кого? ... У Гуты много денег и две дладни – вроде, служит федералам, Москве; в то же время дружит с боевиками, по крайней мере, с чеченскими «генералами» в полном контакте. В общем, видимо, кого надо, уластил...» [1, с. 334].

Оппозиционность проявляется на всех уровнях текста: персонажи выстроены в антагонистические пары, и каждая сторона совершает поступки, которые оцениваются в романе с морально-этической и нравственной стороны. Таким образом, автор показывает, что война становится катализатором, дающим толчок для раскрытия истинной человеческой сути. На основании авторской идеи в жанровом плане мы определили роман К. Ибрагимова, как роман – испытание. Все герои романа оказываются перед нравственным выбором: Анастасия Афанасьева, поступившая когда-то своими принципами, поддавшись давлению Столетова, в конце жизни совершает человеческий подвиг,

спасая мальчика, и не боится говорить правду в лицо негодяям; Роза, подвергавшаяся избиениям и издевательствам Гуты Туаева, нравственно выпрямляется и противостоит ему; Бага защищает свой город и свой народ; Аркадий Столетов, начинавший талантливым ученым и интеллигентным человеком, поддается низменному началу своей натуры и выбирает путь обогащения; Гута Туаев не меняется – это статичный персонаж, отрицательные качества которого только усиливаются. Названные нами персонажи проявили себя именно под давлением исторических событий, времени катастрофы и насилия.

Таким образом, историческое движение в романе показывается и осмысливается через восприятие автора и персонажей: для кого-то война – бедствие, антигуманная акция, для других – зрелище и способ нажиться.

Истинные ценности транслируются в романе через восприятие происходящего главным героем – Кантом. Мальчик инстинктивно противопоставляет кровавой бойне музыку, он играет классику для простых людей – Розы, Баги, Анастасии Тихоновны – и видит, как под волшебным воздействием искусства разглаживаются и просветляются их лица.

К. Ибрагимов одним из первых среди чеченских писателей показал негативные проявления человеческой натуры, нарушения своими соплеменниками морально-этических и нравственных законов, установленных веками. Эта направленность вызвала критику со стороны ряда представителей чеченского этноса, но здесь, как нам представляется, писатель не имел целью оскорбить свой народ, а попытался быть максимально объективным, заострив внимание на отрицательных общественных явлениях, что является одним из базовых принципов реалистического искусства.

Л. В. Шаляпина выявляет, что «Общественное сознание в разные эпохи фокусирует свой интерес на определенных точках истории и вырабатывает свои версии событий, выстраивает свои системы доказательств» [3, с.4]. Б. А. Успенский, в свою очередь, отмечает: «Существуют разнообразные возможности объяснения исторических событий, и, соответственно, одни и те же события могут получить различную интерпретацию – в частности, государственно-политическую, социально-

экономическую, культурно-семиотическую и т.д. За каждым из этих объяснений стоит определенная модель исторического процесса, то есть некоторые представления о его сущности... Историческое прошлое не дано нам в конкретном опыте и поэтому нуждается в дешифровке и реконструкции. Поскольку прошлое принадлежит чужому опыту, само существование в каких-то случаях может подвергнуться сомнению» [4, с. 9, 16].

Таким образом, реконструкция исторических событий со всеми сопровождающими ее факторами, как, например, интерпретация и вымысел, вполне применима при создании художественного произведения на историческую тему. Здесь нужно отметить важность жанровой специфики текста: в произведениях реалистической направленности интерпретация максимально приближена к реальности, что достигается обращением к документам – официальным и человеческим.

Эмоциональный дискурс повествования, в свою очередь, подчеркивает художественную природу текста. К. Ибрагимов в прологе обозначает свою позицию равнодушного повествователя, поэтому в структурных частях, в которых появляется фигура автора, эмоциональность текста повышается. Выявленная нами тенденция характерна для литературы non-fiction – литературы без вымысла, но с выраженной художественной составляющей.

Заключение

В творческом методе К. Ибрагимова проявляется тенденция к синтезу национальных и общенациональных ценностей, нередко он акцентирует внимание на конкретных нравственных, моральных устоях чеченцев, но в целом интерес для писателя представляют такие понятия, как человечность, честь и достоинство, умение сохранить свои жизненные ценности в любых обстоятельствах.

Н.С. Валгина совершенно справедливо отмечает, что «Образ автора – это «выражение личности художника в его творении» (по В.В. Виноградову). Часто это называется и по-другому: субъективизация, т.е. творческое сознание субъекта в его отношении к объективной действительности» [5].

К. Ибрагимов предельно внимателен ко всем внутренним психологическим изменениям в своих героях, через диалоги и поступки своих персонажей он показывает

изменения в сознании, мировосприятии, в системе ценностей персонажей. Основным способом создания психологической картины становится детализация портретных описаний посредством психологических деталей. Писатель раскрывает социально-политические конфликты чеченского общества военного периода, в котором царят

нищета, воровство, социальная несправедливость, обман. Вину за состояние общества он возлагает, прежде всего, на само общество, а не на простых людей и показывает, что все эти негативные явления порождены развязанной российскими и чеченскими правителями войной.

Литература

1. Ибрагимов К. Детский мир. Грозный: Грозненский рабочий, 2010. 384 с.
2. Шарифова С. Ш. Интерпретация и фальсификация в художественно-исторической романистике // История и современность. № 1(13). 2011.
3. Шаляпина Л. В. Эволюция художественной концепции истории в современном

историческом романе. Дисс. ... к. филолог. н. 2000. 206 с.

4. Успенский Б. А. История и семиотика // Успенский Б. А. Избранные труды. В 2-х т. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 9-28.
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003.

References

1. Ibragimov K. Children's world. Grozny: "Grozny Worker" Federal State Unitary Enterprise, 2010. 384p. (In Russian)
2. Sharifova S. Sh. Interpretation and Falsification in Fiction-Historical Romance. In: History and Modernity. No. 1(13). 2011. (In Russian)
3. Chalyapina L. V. The Evolution of the Literary Concept of History in the Modern Historical

Novel. Dissertation for Ph. D (Philology) degree. 2000. 206 p. (In Russian)

4. Uspensky B. A. History and Semiotics. In: B. A. Uspensky. Selected Works. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Gnosis publ., 1994. Pp. 9-28. (In Russian)
5. Valgina N. S. Text Theory. Moscow, Logos publ., 2003. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Ахмадова Лайла Кюриевна, аспирант, старший лаборант кафедры литературы и методики ее преподавания, Чеченский государственный педагогический университет (ЧГПУ), Грозный, Россия; e-mail: lyoooha1@mail.ru

THE AUTHORS' INFORMATION

Affiliation

Layla K. Akhmadova, postgraduate, senior laboratory assistant, the chair of Literature and its Teaching Methods, Chechen State Pedagogical University (ChSPU), Grozny, Russia; e-mail: lyoooha1@mail.ru

Принята в печать 25.09.2022 г.

Received 25.09.2022.

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821(470.67)
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-39-42

Верлибр в системе поэтических форм даргинской лирики

©2023 Багомедов Р. Р., Казимагомедова Ф. И., Сулейманова М. С.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: rashid-bagomedov@mail.ru, fainamaka@mail.ru,
maryam944@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью настоящей статьи является исследование такой своеобразной поэтической формы даргинской поэзии как верлибр, выявление его специфики. **Методы.** Сравнительно-сопоставительный, аналитический. **Результаты.** Изучение обозначенной проблемы дает возможность отобразить характерные черты свободного стиха, обозначить его место и роль в даргинской художественной словесности. **Выводы.** В творческом багаже Р. Рашидова верлибр занимает определенное место. Его свободные стихи характеризуются весомостью поэтической мысли.

Ключевые слова: верлибр, силлабизм, изосиллабизм, даргинская поэзия, ритм, форма. содержание, авторская мысль.

Формат цитирования: Багомедов Р. Р., Казимагомедова Ф. И., Сулейманова М. С. Верлибр в системе поэтических форм даргинской лирики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 39-42. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-39-42

Free Verse in the Poetic Forms System of Dargin Lyrics

©2023 Rashid R. Bagomedov, Faina I. Kazimagomedova,
Maryam S. Suleymanova
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: rashid-bagomedov@mail.ru,
fainamaka@mail.ru, maryam944@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to study such a peculiar poetic form of Dargin poetry as a free verse, to identify its specifics. **Methods.** Comparison and collation, analytical. **Results.** The study of the designated problem makes it possible to display the characteristic features of free verse, its place and role in Dargin fictional literature. **Conclusions.** On R. Rashidov's creative background the free verse occupies a certain place. His free poems are characterized by the weight of poetic thought.

Keywords: free verse, syllabism, isosyllabism, Dargin poetry, rhythm, form. content, author's idea.

For citation: Bagomedov R. R., Kazimagomedova F. I., Suleymanova M. S. Free Verse in the Poetic Forms System of Dargin Lyrics. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 39-42. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-39-42 (In Russian)

Введение

Большинство устно-поэтических произведений даргинцев от начала до конца выдержано в какой-то определенной силлабической форме. Но в народно-песенном наследии представлены также произведения с нервносложными стро-

ками [5, с. 109-110]. По мнению З. Магомедова, слоговая неравномерность в таких произведениях дополняется протяженностью голоса: «Эти песни без мелодии немислимы. Возможно, в свое время их пели с определенной, присущей только им мелодией. Ритмическая система в этих

песнях возникает только при пении, но вне напева вряд ли можно найти в них какую-нибудь другую систему, кроме системы логических ударений, присущей обычно прозаической речи. Напев же, на который пелись эти песни, нам неизвестен» [5, с. 109-110].

И в фольклоре других народов Дагестана, например, в лакском, представлено большое количество неравносложных произведений. А. Г. Гусейнаев утверждает, что дагестанский народный стих от неравносложия к изосиллабизму шел давно, что «железное равностоение» стало закономерностью не сразу, изосиллабизм у нас утвердился окончательно где-то в XVII веке. Он пишет, что неравносложие в народных песнях «далеко не случайное явление, не каприз исполнителя или записавшего их, а живые осколки еще не совсем вымерших традиций народного свободного стиха, закономерность нашего стихосложения» [2, с. 32].

«Железное равностоение» не наблюдается и в одном из ранних известных нам письменных стихотворений даргинцев «Когда меня схватит болезнь смерти...» (1727), но явно чувствуется тенденция к упорядоченности слогов в стихах, к изосиллабизму. Это стихотворение, представляющее собой завещание-напутствие человека, завершившего свой земной путь, состоит из двенадцати строк, из которых 7 – одиннадцатисложные, 3 – двенадцатисложные, 2 – десятисложные.

Материалы и методы исследования

В даргинском фольклоре представлены астрофические произведения, к которым не прикреплен определенная силлабическая форма. Используя сравнительно-сопоставительный, аналитический методы, в данной статье выдвигается тезис, что даргинский свободный стих берет свое начало из родного устно-поэтического творчества, что он следует национальным традициям. Несмотря на то, что в народно-песенном наследии представлено значительное количество образцов свободного стиха, в авторской поэзии он получает развитие лишь в 50-е годы XX века. Произведения О. Батырая, С. Курбана, А. Мунги, Абдуллагаджи, Зияутдинкади, Х. Абдуллаевой, А. Иминагаева, Р. Нурова, С. Абдуллаева и др., созданные до указанных хронологических рамок, выдержаны в той или иной определенной, единой для всего произведения силлабической форме,

хотя в отдельных строках иногда наблюдается выпадение или наращение одного-двух или нескольких слогов.

Результаты и их обсуждение

Свободный стих предстает как разрушитель оков и канонов. Он выступает противником ритмической монотонности, строгого строфического членения, рифмового однообразия, то есть помогает стиху выявить, как пишет М.-З. Аминов, «естественный ритмический строй, заложенный в языке», освободить мысль от штампов и схем. Он «выявляет многое, что удается скрыть традиционным стихом». Верлибр не разрушает форму, а «предельно приближает форму к содержанию, откликаясь на каждый оттенок смысла и авторского жеста» [1, с. 129, 146].

Дагестанский верлибр свободен от жестких предписанных правил, от заданной формы. В нем, говоря словами А. Жовтиса, «в отличие от всех «несвободных» систем, нет сквозных мер повтора» [3, с. 102], т. е. отсутствует какая-то определенная силлабическая форма, четкое строфическое разграничение, обязательная рифма. Иные считают, что отсутствие строгой формы и рифмы делает верлибр неритмичным и прозаичным. Полиритмия верлибра, как пишет А. И. Мамонов, некоторыми «принимается за «безритменность» прозы» [6, с. 96]. На первый взгляд кажется, будто его отличие от прозы только в том, что он подчиняется заданному членению на стиховые периоды. Но от прозы он отличается «подчеркнутым членением фразы, особой густотой, фантазийностью, афористичностью мысли и остротой рисунка» [9, с. 251]. Авторы «Краткого словаря литературоведческих терминов» полагают, что в основе верлибра «лежит однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию, с которой произносятся каждую из стихотворных строк-фраз свободного стиха. Эта повторяющаяся интонация, выраженная в схожем синтаксическом построении фразы, и определяет своеобразный ритм стихотворения» [4; 8, с. 137]. Вот это своеобразие ритма, необычная интонация понимается некоторыми как отсутствие ритма.

В стихотворении «В моем народе говорят...» из одноименного сборника Р. Рапидов поднимает традиционную для его творчества тему предназначения поэзии. Здесь дается цепь образов, которая

помогает автору подчеркнуть, углубить, усилить главную мысль: поэзия должна служить интересам народа. По убеждению автора, истинным мерилom и высшей оценкой для поэта является признание народа, потому что поэты остаются в памяти народа не по табелю о рангах, не по чинам, должностям, которые они занимают при жизни. Не фальшивый, а объективный «глас народа» для него ценнее всего на свете. Идея произведения заключается в следующем: весомость, ценность, значимость поэзия приобретает только тогда, когда она становится выразительницей «дум и чаяний» народа, его радостей и скорбей, побед и бедствий, его дыханием, его голосом.

Произведение Р. Рашидова состоит из неравнострочных отрезков. Каждый стихотворный период представляет собой фразу-мысль, начинающуюся словами «В моем народе говорят...». В каждом из этих отрезков автором постулируется мысль, которая раскрывает одну из сторон житейского, нравственного кодекса горца, его мышления. Например: «если возьмешься за работу, трудись до седьмого пота»; «вставай рано утром»; «если станешь воевать, войой, пока не уничтожишь врага»; «если мужчина влюбится, он не остановится ни перед чем и завоюет любимую».

Поэт постепенно и плавно переходит к основной мысли. Далее отмечается, что в народе говорится также и о дружбе, и о верности, и о многих других сторонах жизни. Смысловой узел кроется в самом конце:

<i>Гур набчив</i>	<i>Чем я счастливее</i>
<i>Талих1чев</i>	<i>Не был бы на земле (человек),</i>
<i>Х1ейри ванзаличив,</i>	<i>Если мой народ</i>
<i>Нагагь дила халкьли</i>	<i>Поговорку</i>
<i>Бурала</i>	<i>Хоть раз сказал бы</i>
<i>Ца гьачамалра буралли-</i>	<i>Из моих стихов,</i>
<i>ри</i>	<i>Не ради смеха,</i>
<i>Дила назмуртазибад,</i>	<i>А серьезно –</i>
<i>Дукелц1илис ах1и,</i>	<i>От чистого сердца.</i>
<i>Мар-марли -</i>	
<i>Урк1илизибад [7, с. 32]</i>	

Хотя количество слогов в строках этого стихотворения разное (имеются двухсложные (три), трехсложные (пять), четырехсложные (один), пятисложные (двадцать), шестисложные (четыре), семисложные (два), восьмисложные (один), девятисложные (один), четырнадцатисложные (один) стихи), но в нем наметилась тенденция к уравновешенности слоговой суммы в строках: половина, даже

чуть больше половины стихов – двадцать строк из тридцати восьми – равносложные. Такая же тенденция наблюдается и в строфах: из шести строф четыре (первая, вторая, третья, пятая) пятистишия, а две остальные (четвертая и шестая) – восьмистишия и десятистишия. Встречается и рифма. Одноштишный строй построения предложений способствует образованию рифмы между первой, второй, третьей строфой. Рифмовка имеется и внутри четвертой и пятой строфы.

Поэтическая мысль представлена здесь в своем естественном виде, без прикрас и украшений. Обязательные атрибуты подавляющего большинства стихотворных текстов даргинских поэтов (звукое оформление, четкое строфическое членение, принцип строгого равносложия) здесь как система не выступают. Они подчинены раскрытию авторской мысли. Внешние барьеры разрушены автором единственно для того, чтобы они не обременяли полет поэтического воображения, чтобы максимально точно и глубоко передавали мысль.

Вольная форма придает стихотворению «В моем народе говорят...» своеобразную интонацию, которая достигнута не силлабическим принципом, а интонационно-синтаксическим.

Заключение

Наблюдения над свободным стихом приводят к следующим выводам. Даргинский свободный стих не следует считать простым перенесением западного верлибра на дагестанскую почву. Основой возникновения свободного стиха является родной фольклор, в котором были представлены астрофические поэтические произведения свободные от определенной силлабической формы и рифмы.

Р. Рашидов первым из даргинских поэтов обратился к верлибру и создал художественно зрелые произведения в этой форме. Такие компоненты стихосложения, как рифма, строфа, силлабическая форма могут присутствовать в даргинском свободном стихе, но как закономерность, как основополагающий принцип построения произведения не являются характерными. Ритмообразующим началом в верлибре выступает интонация, пауза, графическая разбивка текста на стихотворные строки, каждая из которых начинается с большой буквы. Значение верлибра для поэзии в том, что он разрушает

все внешние преграды, чтобы мысль сохранила естественный пафос, первоизданную свежесть, все оттенки и краски, кото-

рые нередко притушаются, тускнеют при сохранении норм традиционного стихосложения

Литература

1. Аминов М. А. Тенденции развития дагестанского стихосложения. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1974.
2. Гусейнаев А. Г. Основы дагестанского стихосложения (на материале лакской поэзии). М.: Наука, 1979;
3. Жовтис А. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 105-123.
4. Казимагомедова Ф. И. Творчество Ханбиче Хаметовой: жанровое многообразие и художественное своеобразие в контексте традиции и новаторства. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.

5. Магомедов З. А. Даргинская народная лирика. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1983.
6. Мамонов А. И. Свободный стих в японской поэзии. М.: Наука, 1971.
7. Рашидов Р. В моем народе говорят... Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. (На дарг. яз.)
8. Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Учпедгиз, 1958.
9. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

References

1. Aminov M. A. Trends in the development of Dagestan versification. Makhachkala, Dagknigoizdat publ., 1974. (In Russian)
2. Guseynaev A. G. Fundamentals of Dagestan versification (based on the material of Lak poetry). Moscow, Nauka publ., 1979. (In Russian)
3. Zhovtis A. The free verse boundaries. In: Questions of literature. 1966. No. 5. Pp. 105-123. (In Russian)
4. Kazimagomedova F. I. Khanbiche Khametova's work: genre diversity and artistic originality in the context of tradition and innovation. Dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Makhachkala, 2003. (In Russian)

5. Magomedov Z. A. Dargin folk lyrics. Makhachkala, Dagknigoizdat publ., 1983. (In Russian)
6. Mamonov A. I. Free verse in Japanese poetry. Moscow, Nauka publ., 1971. (In Russian)
7. Rashidov R. My people say that... Makhachkala, Dagknigoizdat publ., 1957. (In Darg. lang.)
8. Timofeev L., Vengrov N. A short dictionary of literary terms. Moscow, Uchpedgiz publ., 1958. (In Russian)
9. Tynyanov Yu. N. Poetics. The history of literature. Cinema. Moscow, Nauka publ., 1977. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Багомедов Рашид Расулович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Россия, Махачкала, e-mail: rashid-bagomedov@mail.ru

Казимагомедова Фаина Исламовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, ДГПУ, Россия, Каспийск; e-mail: fainamaka@mail.ru

Сулейманова Марьям Саидовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры дагестанской литературы, ДГПУ, Россия, Махачкала; e-mail: maryam944@mail.ru

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Rashid R. Bagomedov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of of Dagestan Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Russia, Makhachkala; e-mail: rashid-bagomedov@mail.ru

Faina I. Kazimagomedova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Literature, DSPU, Russia, Kaspiysk; e-mail: fainamaka@mail.ru

Maryam S. Suleymanova, Ph. D. (Philology), senior lecturer, the chair of Dagestan Literature, DSPU, Russia, Makhachkala; e-mail: maryam944@mail.ru

Принята в печать 25.02.2023 г.

Received 25.02.2023.

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821.351.42.03
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-43-47

Черты автобиографизма в лирике Магомед-Салаха Гадаева

©2023 Джамбекова Т. Б., Шадукаева З. С., Исмаилова М. В.

Чеченский государственный педагогический университет,
Грозный, Россия; e-mail: atb-1952@mail.ru, shadukaeva_1995@mail.ru,
ismakka73@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является исследование проблемы влияния автобиографического контекста на поэтику лирики чеченского поэта М.-С. Гадаева. **Методы.** Биографический, культурно-исторический. **Результаты.** Автобиографизм обнаруживается в поэтическом творчестве Гадаева при обращении к таким темам, как родина, свобода, неволя. **Заключение.** Определенные биографические ситуации, события и переживаемое эмоциональное состояние самого поэта становятся импульсом «рождения» вторичной художественной поэтической реальности.

Ключевые слова: автобиографизм, родина, чужбина, природа, памятник.

Формат цитирования: Джамбекова Т. Б., Шадукаева З. С., Исмаилова М. В. Черты автобиографизма в лирике Магомед-Салаха Гадаева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 43-47. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-43-47

Autobiographic Patterns in Magomed-Salakh Gadaev's Lyrics

©2023 Tamara B. Dzhambekova, Zaza S. Shadukaeva,
Makka V. Ismailova

Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia; e-mail: atb-1952@mail.ru, shadukaeva_1995@mail.ru,
ismakka73@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to study the problem of the influence of the autobiographical context on the lyric poetics of M.-S. Gadaev, the Chechen poet. **Methods.** Biographical, cultural and historical. **Results.** Autobiographism is found in Gadaev's poetic works when referring to such topics as homeland, freedom, captivity. **Conclusion.** Certain biographical situations, events and the emotional state experienced by the poet himself become the impulse of the "birth" of a secondary artistic poetic reality.

Keywords: autobiographism, motherland, outland, nature, monument.

For citation: Dzhambekova T. B., Shadukaeva Z. S., Ismailova M. V. Autobiographic Patterns in Magomed-Salakh Gadaev's Lyrics. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 43-47. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-43-47 (In Russian)

Введение

Проблема автобиографизма в литературном тексте остается одной из актуальных в современном литературоведении. Автобиографизм как художественный феномен был объектом научного изучения

М. М. Бахтина, О. А. Большева, М. Л. Выготского, Л. Гинзбург, Д. С. Лихачева, М. Медарича, И. П. Карпова, В. Б. Шкловского и др. Существует достаточно много современных исследовательских работ, посвященных изучению

специфики автобиографизма в творчестве отдельных как русских, так и зарубежных писателей.

В исследовательских трудах представлены разнообразные варианты определения данного термина: «преломление биографического материала в художественном творчестве... связано со стремлением к подлинности выражения переживаний, конкретности в передаче психологических движений и событий» [7, с. 23]. «Автобиографизм – отражение в литературном произведении сведений из жизни автора; близость героя произведения автору по взглядам, чувствам, характеру» [5]. «Автобиографизм – трансформация реалий личного внешнего и внутреннего опыта автора, связанного с обстоятельствами его жизни, в художественно-образную систему литературного произведения» [8]. «Автобиографизм как форма присутствия автора в произведении может представлять собой прямые или зашифрованные сведения биографического характера, а также типичную авторскую реакцию на восприятие событий, лиц, ситуаций в ретроспективном плане» [9] и т. д.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что автобиографизм предполагает отражение в литературном произведении фактов личной жизни писателя, чувств, вызванных биографической ситуацией, осмысление автором собственного жизненного опыта. Как отмечает В. Н. Смаль: «Литература, как искусство творчества предполагает обязательное и постоянное осмысление автором опыта личной жизни, использование в произведениях воспоминаний, биографических элементов. При этом, через воссозданный мир своей биографии, путем самопрезентации писатель не просто осмысливает, интерпретирует, отражает, но и через акты миропонимания и мировосприятия стремится убежать от тягот сегодняшнего дня в иллюзорный мир прошлого» [9]. Таким образом, определенные жизненные ситуации, переживания, впечатления самого автора являются организующим началом автобиографического произведения; биографические события лежат в основе вторичной художественной реальности.

Результаты и их обсуждение

Обращение к концепту «автобиографизм» представляется особо актуальным при интерпретации поэтического творчества М.-С. Гадаева, поскольку лирика по-

эта основана на личном жизненном опыте, отражает жизненные ситуации, в которых он оказывался. Судьба лирического героя, его эмоциональные переживания – точный слепок судьбы поэта, его мироощущения.

В корпус автобиографических стихотворений Гадаева входят поэтические тексты периода ссылки, где встречаются мотивы «свободы/неволи», «родного дома», «родной земли», «терпения/нетерпения» и т. д; в них поэт запечатлел самые тяжелые моменты своей жизни, отразил внутреннюю жизнь, боль человека, разлученного с родиной. Стихотворения этого периода являются лирической исповедью, своеобразным лирическим дневником поэта.

Обратимся прежде всего к его программному стихотворению «Тоска по Родине». Следует отметить, что жизнь М.-С. Гадаева была полна трагических испытаний: с одной стороны, Великая Отечественная война, с другой – репрессия чеченского народа. С трагедией народа совпала и личная трагедия поэта: в 1946 году, будучи репрессированным вместе с народом в Киргизию, Магомед-Салах был арестован. «Как грамотный человек, М.-С. Гадаев был назначен заведующим продуктовым складом. Было холодно, людей начал косить тиф. Видеть каждый день, как от голода умирают десятки людей, его буйная и отчаянная натура не могла. Он раздал голодным продукты со склада и получил за это 10 лет тюремного заключения» [2, с. 11]. Так, находясь в ссылке в нечеловеческих условиях, Гадаев был арестован и заключен в тюрьму. Болезненным отражением трагедии поэта, всего народа в целом, пережитого им стало стихотворение «Тоска по Родине».

Автобиографический лирический герой, находящийся в «двойном заточении», уподобляет свою участь судьбе могильного камня: *«Чурт санна лавтта со // Глум-Азин арахь... (Стою словно памятник в просторах Азии...).* Образ памятника (надмогильного камня) в данном случае является символом, с одной стороны, – несвободы, страдания, омертвления лирического героя, с другой – символом памяти, хранителя исторической судьбы народа. В невыносимо тяжелые моменты тоски автобиографический герой в мыслях оказывается на родине: *Тянь-Шанан лавмнашка // бIаьрг тоьхча, кийрахь // Генарчу Даймехкан сурт хIоттало, // Малхбузе мел*

хыйжи // дог Иийжадо (Глядя на горы Тянь-Шаня, в душе Далекой Родины образ встает, С приближением заката сердце изнывает). Однако родина предстает перед взором лирического героя в совершенно неожиданном образе. Вместо великолепной пышной природы горного края, которую любил созерцать поэт, возникает картина мрачного запустения: *Тезетехь техкаш го / вайн бошмаи, хьаннаи, // Пайганехь юэзна го / тогленаи, аннаи, // Дайн кешнаи доьнчохь / упханийн аннаи // Хьулдан да воцуш го, // Язал Жалала* (В трауре качаются / наши сады, леса, // Печали полны / овраги, долины // Где могилы отцов // кладбищенские доски // Некому их прикрыть, О, Всевышний). Благодатная земля родного края, словно мать, разлученная с детьми, находится в глубокой печали, остро переживает длительную разлуку с людьми. Мир природы и мир человека в стихотворении предельно сближены. Здесь проявляется особенность поэтического мышления Гадаева – видеть в природе человеческие проявления, природа страдает так же, как и человек, ей тоже нанесли глубокую рану.

С лирическим героем печаль расставания делят объекты материального мира – «сторбил плечи дом», «родные дворы, словно могилы». Дом выступает выразителем душевного состояния лирического героя как свидетель прошлого и настоящего, истории и судьбы человека.

Чувство отчаяния и безысходности представлено в стихотворении звучно и эмоционально. Метафоры (*чурт* – надгробный камень, памятник), аллитерации (*с, ш, к*) и ассонансы (*у, а, и*), ритмика, способ рифмовки (*вуссий, кхуссий, дуссий, хаьннаи, таьннаи, аннаи*) стиха способствуют не только передаче трагического мироощущения лирического героя, но и в высшей степени дают читателю почувствовать катастрофичность ситуации, муки одиночества и незащитности, создают ритм сочувствия, со-переживания. Строки в форме лесенки придают особую экспрессивную силу, способствуют эмоциональному воздействию на читателя. Обилие глаголов движения, интонация передают лихорадочное стремление лирического героя вырваться из оков удушающей тесноты.

Мотивы одиночества, тревоги и страха высокохудожественно, очень зримо и осязательно реализуются в стихотворении

через метафорические зрительные («Как на похоронах, качает ветки седая роцца») и слуховые («Крик вырывается из горла, а за мною Уцелья, горы и поля кричат...») образы.

Загнанный судьбой и эпохой в угол, лишенный человеческих прав, лирический герой Гадаева обращается к Всевышнему. Обращение *Язал Жалала* (что в переводе с арабского означает «О, Всевышний») проходит рефреном через все стихотворение. Автобиографический герой взывает к Всевышнему, надеется на его милость, в мольбе к нему находит успокоение, живет верой в Него.

Поэтическим выражением острого переживания сложившейся ситуации стало стихотворение «Простят ли мне грехи...»:

*Простятся ли мои грехи?
 Поймут ли меня люди?
 Для них, сгибаясь от тоски,
 Влачил я бремя буден.
 Свою нужду откинув прочь,
 Раздал по горстке света –
 Мне так хотелось всем помочь!..*

Зачтется ли мне это? (перевод М. Гешаева)

Автобиографический характер носит и стихотворение-завещание «Красный берег», наполненное глубоким драматизмом и отчаянием. В 1957 году, после долгих лет тяжелейших физических мучений и душевных страданий, поэт вместе с народом возвращается на родину, но жить на родной земле ему суждено было недолго. «Из-за трагического случая, следствия его несдержанного и вспльчивого характера, не терпящего несправедливости, высокомерия и оскорбления чести его и его народа, М-С. Гадаев снова был осужден, опять начались годы пересылок и тюрем» [6, с. 93]. Поэт, пламенно призывавший народ проявить терпение (*собар*) во всем: *Хинца вай вешан цлахь ду. Махкахь даьжна даьржина лелаи хлуьу лелийна хиллехь а, хлинца доллучунна тлехь вешан халкъана масал хилла дахлитта декхар дув ай. Доккха жопалла ду яздархочунна тлехь. Цундела, муьлххачу а ледарлонах, муьлхха а вониг шегара даларх ларлуш хила веза яздархо. Сихвала мегар дац цхьана а хлуманна тлехь... Собар! Собар! Кхин цкъа а собар!» – баьхна вайн дайша. Иза дицдан мегар дац [1, с. 96] в порыве неконтролируемой ярости совершает роковой поступок (по его вине погиб человек). Безусловно, поэт не мог не переживать за*

свою дальнейшую судьбу, но муки совести были сильнее. «Мы видим жизнь в лицо, но познаем только в спину, – писал он из очередного лагеря, словно извинялся перед друзьями и коллегами. Усилилась боль души. Мне стыдно перед вами не только за свое чудовищное преступление, но и еще за неприятные хлопоты, которым вы подвергаете себя из-за меня. Я всегда любил отдавать людям, тем более друзьям, а не брать от них. И это вовсе не потому, что я боялся мелкопомещанской «зависимости» или «похвалы»... Непростительно провинившись перед вами, перед нашим народом и перед людьми вообще, я находил неудобным просить вас выступить за облегчение моей участи...» [4, с. 614-615] – так, сожалея о содеянном, писал Гадаев. Таким образом, на протяжении двадцати пяти лет поэт был лишен дома. Он стал для него образом мечты, памяти. Поэтической рефлексией, связанной с этим драматическим событием, стало стихотворение «Красный берег». Будучи уже немощным человеком, здоровье которого разрушено, чувствующим конец жизни, при этом потерявшим всякую надежду вернуться домой, поэт с горечью размышляет: *Иожало 1ехаво, овций д1ахвой, // Ял йоцуш вирзинарг, лар йоцуш вов. // Уьйрашна вицвелчахь, Далла вицдой, // Базло бах, лахьти чохь упханан тхов* (Когда забывают приятели, забытому Богом / становится тяжелым в могиле покров). Для автобиографического героя важно быть похороненным на своей родной земле, иметь надгробный камень-памятник (*чурт*), желание оставить память о себе после смерти, поскольку «... по Гадаеву, от памяти (любви) твоих приятелей, т.е. окружающих тебя людей, зависит и память (любовь) Бога» [10, с. 97]. Находясь в ситуации трагического пограничья между жизнью и смертью, автобиографический герой вспоминает родину, знаменитый Красный берег – место в селении Чурч-Ирзе, где в детстве любил бывать поэт, наслаждаясь утренним пением птиц, вдыхая аромат дубового и чинарового лесов.

Неудивительно, что природа стала вечным магнитом поэта, источником вдохновения. Сам поэт писал: *Винчу юьртахь, ломахь, хьаннашкахь суна ца хууш меттиг яцара. Суна ца бевзаш олхазаран бен а бацара. Дийнахь хьовха, кест-кестта буса а кхерташ лелара со лаьмнашкахула а, хьунхахула а, бух1а ган, борз я цхьогал дуйхьалкхета сатуьйсуйш.* (В родном селе, в горах, лесах не было места, неизвестного мне. Не было гнезда птицы, которого бы я не знал. Не только днем, а часто и ночью бродил я по горам и лесам, мечтая увидеть сову, встретить лису или волка)» [3, с. 7], поэтому образы природы столь значимы для Гадаева. Быть может, природа родного края и сформировала его личность, выстроила его внутренний мир.

В вышеназванном стихотворении в памяти лирического героя возникает образ детства. В нем нет описания детских переживаний и эмоций, однако благодаря одной строке, повторяющейся во второй и пятой строках: *...Цигахь дийнера ас бераллин той* (Там я вкушал детства пир), читатель получает представление о чувствах, испытанных поэтом в детском возрасте: восхищение красотой горной природы, радость переживания каждого мгновения и впечатления. Детство – мир, в котором нет грехов, где нет места черствости души, а есть радость бытия, нет деления на национальности, на своих и чужих. На родной земле в объятиях воспоминаний о детстве лирический герой хотел бы завершить свой жизненный путь. На склоне лет в душе одно желание – быть похороненным там, где начиналась его жизнь: *... Цигахь лиьнера сайн чурт а, дагахь* (Там и могилу желал в душе).

Заключение

Таким образом, лирика М.-С. Гадаева имеет автобиографический характер, его лирический герой в основном наделен характерным самому поэту комплексом переживаний, личная подлинность которых удостоверяется биографическими событиями.

Литература

1. Бурчаев Х. Х. Литература-критикин 1алашонехь (на чеч. яз.) Р-н/Д.: Медиа-Полис, 2021.
2. Гадаев М.-С. Г. Синлехамаш. Шина томах (на чеч. яз.). II том. Грозный: Грозненский рабочий, 2010.

3. Гадаев М.-С. Г. Заманаш чеккхерстина ойланаш. Поэзия, проза. (на чеч. яз.) Р-н/Д.: Медиа-Полис, 2019.

4. Гешаев М. Красный берег жизни и печали // Знаменитые чеченцы: исторические

очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М.: Мусаиздат, 2005. С. 614-615.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 томах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/izmy.html#> [дата обращения: 29.08.22].

6. Кусаев А. Д. Писатели Чечни: Проза. Грозный: Книжное издательство, 2005.

7. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.

8. Первушина Л. В. Проблемы автобиографизма в творчестве современных писателей США. [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: <https://clck.ru/33DYZ> [дата обращения: 27.08.22].

9. Смаль В. Н. Автобиографический модус в художественном пространстве литературного произведения // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы VI Международной научно-практической конференции, Брянск, 08 июня 2019 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2019. С. 25.-31.

10. Цуруев Ш. М. Духовно-нравственные искания в творчестве М.-С. Гадаева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Словесная культура чеченцев в контексте культур народов России». Грозный, 2011. С. 96-101.

References

1. Burchaev Kh. Kh. Literature criticism. Rostov-on-Don: Media-Policy publ., 2021. (in Chechen)

2. Gadaev M.-S. G. Collected works. Vol. II. Grozny: Groznensky Rabochiy publ., 2010. (in Chechen)

3. Gadaev M.-S. G. Poetry, prose. Rostov-on-Don, Media-Polis publ., 2019. (in Chechen)

4. Geshaev M. Red shore of life and sadness. In: Famous Chechens: historical essays. In 4 books. Book 2. Moscow: Musaizdat publ., 2005. Pp. 614-615. (In Russian)

5. Efremova T. F. New Russian dictionary. Explanatory word-formation. In 2 volumes. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.efremova.info/word/izmy.html#> [accessed 29.08.22].

6. Kusaev A. D. Writers of Chechnya: Prose. Grozny: Book Publishing House, 2005. (In Russian)

7. Lermontov Encyclopedia. Chief editor V. A. Manuilov. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1981. 784 p. (In Russian)

8. Pervushina L. V. Problems of autobiography in the work of modern writers of the USA. [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/33DYZ> [accessed 08.27.12].

9. Smal V. N. Autobiographical mode in the artistic space of a literary work. In: Actual problems of modern humanities. Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference, Bryansk, June 08, 2019. Bryansk, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, 2019. Pp. 25-31. (In Russian)

10. Tsuruyev Sh. M. Spiritual and moral studies in M.-S. Gadaev's works. In: Materials of the All-Russian scientific and practical conference "Verbal culture of Chechens in the context of cultures of the peoples of Russia". Grozny, 2011. Pp. 96-101. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Джамбекова Тамара Белаловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания, Чеченский государственный педагогический университет (ЧГПУ), Грозный, Россия; e-mail: atb-1952@mail.ru

Шадукаева Заза Султанбековна, преподаватель, кафедра чеченской филологии, ЧГПУ, Грозный, Россия; e-mail: shadukaeva_1995@mail.ru

Исмаилова Макка Вахаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и методики ее преподавания, ЧГПУ, Грозный, Россия; e-mail: ismakka73@mail.ru

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Tamara B. Dzhambekova, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of Literature and its Teaching Methods, Chechen State Pedagogical University (ChSPU), Grozny, Russia; e-mail: atb-1952@mail.ru

Zaza S. Shadukaeva, lecturer, the chair of Chechen Philology, ChSPU, Grozny, Russia; e-mail: shadukaeva_1995@mail.ru

Makka V. Ismailova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the head of the chair of Literature and its Teaching Methods, Chechen State Pedagogical University (ChSPU), Grozny, Russia; e-mail: ismakka73@mail.ru

Литературоведение / Literature Studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК 82

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-48-52

Восточная символика творчества Михаила Лермонтова

© 2023 **Ильясов Х. И., Магомедова П. А., Саадулаева Р. Щ.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: ilyasov-h@mail.ru,
shabanova.patimat@mail.ru, med_00@bk.ru

РЕЗЮМЕ. **Цель.** Исследование восточных мотивов творчества М. Ю. Лермонтова. Главными **методами** в исследовании их своеобразия являются типологический, текстологический, культурно-исторический. **Результаты.** Во-первых, он еще в детстве побывал на Кавказе, который оказал неизгладимое впечатление на его сознание. Во-вторых, опальный поэт служил на Кавказе и был знаком с бытом и жизнью горцев. **Заключение.** От природы наделенный острым, пытливым умом, он изучал фольклор горцев и татарский язык. Здесь и сокрыты истоки восточных символов и мотивов в творчестве великого поэта.

Ключевые слова: Лермонтов, серебряный век, символ, ассоциативный метафорический ряд, восточная символика, образы, мотивы, идеалы свободы, равенства и братства.

Формат цитирования: Ильясов Х. И., Магомедова П. А., Саадулаева Р. Щ. Восточная символика творчества Михаила Лермонтова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 48-52. DOI: 10.31161/1995-0667-2020-17-1-48-52

Oriental Symbolism of Mikhail Lermontov's Writing

© 2023 **Khizri I. Ilyasov, Patimat A. Magomedova,**
Rimlyana Sch. Saadulaeva
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia, e-mail: ilyasov-h@mail.ru,
shabanova.patimat@mail.ru, med_00@bk.ru

ABSTRACT. **Aim.** The study of oriental motifs of M. Yu. Lermontov's writing. The main **methods** in the study of their uniqueness are typological, textual, cultural and historical. **Results.** Firstly, he visited the Caucasus as a child, which had an indelible impression on his consciousness. Secondly, the disgraced poet served in the Caucasus and was familiar with highlanders' living. **Conclusion.** Naturally endowed with a sharp, inquisitive mind, he studied the highlanders' folklore and the Tatar language. This is where the origins of oriental symbols and motifs in the work of the great poet are hidden.

Keywords: Lermontov, silver age, symbol, associative metaphorical series, oriental symbolism, images, motifs, ideals of freedom, equality and brotherhood.

For citation: Ilyasov Kh. I., Magomedova P. A., Saadulaeva R. Sch. Oriental Symbolism of Mikhail Lermontov's Writing. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2020. Vol. 14. No. 1-2. Pp. 48-52. DOI: 10.31161/1995-0667-2020-14-1-2-48-52 (In Russian)

Введение

Творчество М. Ю. Лермонтова никогда не переставало удивлять читателей. В наследии великого поэта и писателя каждый находит что-то близкое сердцу,

что-то соответствующее душевному состоянию читателя.

Лермонтова сопровождала тема Востока на всем протяжении жизни, и в этом немалую роль сыграли обстоятельства

биографии поэта и то место «восточного вопроса», который существовал в политической жизни России 20-40-х гг. XIX века.

В творчестве М. Ю. Лермонтова важное место занимает тема самобытной культуры Востока. Приобщение Михаила Юрьевича к культуре Востока началось с детских лет: бабушка возила внука на Кавказ, он имел возможность познакомиться с обычаями горцев. В Московском университете Лермонтов изучал дисциплины, связанные с культурой древнего Востока [2, с. 2]. Лермонтов изучал быт народов Востока, их обычаи по разным литературным источникам (труды Гёте, Гюго, Байрона, Пушкина, Болдырева и т. д.) [5, с. 5].

Результаты исследования

У многих поэтов XIX века существует символ Пламенеющей звезды, звезды Свободы, звезды Давида, Шестиконечной звезды (Магендод). Она олицетворяет собой высший идеал свободы, равенства и братства. Также «присутствуют» символы Ладьи, Челнока и связанные с ними образы Бури, Шторма, Водоворота, Кормчего (А. С. Пушкин «Арион», М. Ю. Лермонтов «Парус», А. А. Бестужев-Марлинский «Челнок», Д. П. Ознобишин «Челнок»).

Этот символический ряд Бури, Кормчего, Паруса, Звезды присущ и поэзии Серебряного века. Эти образы, словно звезды, кочуют по поэтическому небосклону. Они не потеряли актуальности и в последующие литературные эпохи и даже в наше время, поэтому можно уверенно сказать, что истоками Серебряного века послужили Золотой век русской литературы в лице романтизма и, в частности, западноевропейская мистическая литература (романтизм Байрона, Т. Готье, В. Шекспира, Ш. Бодлера, П. Верлена) и восточная поэзия (Хафиз, Хайям).

Ассоциативный метафорический ряд, характерный для Серебряного века, включает в себя такие символы как Звезда, Чаша, Река, Буря, Ладья, Парус, Вино, Эликсир, Застолье, Маскарад, Карнавал, Сатурналии, Звезда Давида, Перстень Соломона, Прекрасная Дама, Незнакомка, Любовь, Рок, Предопределение, Судьба, Скрижали, Свитки и др., которые являются архитектурными и от которых берут начало другие, производные от них или второстепенные. Одни и те же символы, образы и мотивы встречаются у представителей различных течений (символистов, акмеи-

стов, футуристов), где символы приобретают те или иные оттенки, ведь они многозначны. Так, например, символ Звезды служит и образом Равенства, Свободы и Справедливости и в то же время образом Прекрасной Дамы, Возлюбленной или прообразом идеала Счастья, всеобщего Благоденствия, т. е. Царства Божия на земле.

Восточная символика наиболее пестро и богато представлена у Михаила Юрьевича Лермонтова. Это объясняется разными причинами. Во-первых, он еще в детстве побывал на Кавказе, который оказал неизгладимое впечатление на его сознание. Стихотворение «Кавказ» нам красноречиво говорит об этом:

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О, южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!.. [1, с. 74]*

Во-вторых, опальный поэт служил на Кавказе и был знаком с бытом и жизнью горцев. От природы наделенный острым, пытливым умом, он изучал фольклор горцев и татарский язык. Здесь и сокрыты истоки восточных символов и мотивов в творчестве великого поэта.

Духом вольности и свободы дышат произведения Лермонтова. Эти настроения, несомненно, навеяны ему заснеженными вершинами Кавказских гор.

Идеалы свободы, равенства и братства, выпорхнувшие из гнезда декабристов, поразили воображение Михаила Юрьевича. На их манер сложены его стихи о звезде, челноке, парусе.

В стихотворении «Звезда» поэт пишет:
*Светись, светись далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда,
Твой слабый луч, сражаясь с темнотою,
Несет мечты душе моей больной...
[1, с. 88]*

В другом стихотворении «Челнок» поэт признается:

*По произволу дивной власти,
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибленный челнок... [1, с. 250]*

В унисон «Челноку» те же мотивы борьбы за идеалы свободы, равенства и братства звучат и в стихотворении «Парус»:

*Белеет парус одинокой,
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?.. [1, с. 54]*

Внешним обрамлением многих поэтических произведений Михаила Лермонтова являются восточные образы и мотивы. Их внутренним содержанием, наполненным мыслями и чувствами, являются ассоциативные метафорические ряды.

Так, например, символика Челнока, Паруса, Звезды влечет за собой ассоциативный метафорический ряд: Звезда надежды, Ладья спасенья, Завеса, Скиния завета, Ковчег Завета, Радуга Завета, Звезда Давида, перстень и посох Соломона. Этот ассоциативный ряд невидим, но тем сильнее его духовное воздействие на нас, так как он действует помимо нашей воли и нашего сознания, инстинктивно, на подсознательном уровне.

Сила поэзии не только в сказанном слове, но и в недосказанном...

Полно недомолвок и недосказанности стихотворение М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни»:

1

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;*

2

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадет,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;*

3

*Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша! [1, с. 190]*

Это небольшое по объему стихотворение насыщено ассоциативным метафорическим рядом: чаша бытия, закрытые очи, златые края, златая чаша, напиток мечты вызывают к образам – мир дольний и мир горний, мир проявленного и мир сокрытого, чаша Джамшида, шар Калиостро, тангенциальная модель Мироздания Пьера Шардена, Корона, Скипетр, Трон, мост Сират, Ад и Рай, Судный день. В то же время «завязка», которая упадет перед смертью, – уменьшенная копия Скиннии завета, аль-Барзаха (Срединный мир между миром проявленного и миром сокрытого), Радуги завета, моста Сират... Напиток мечты «сродни» медовому напитку, медовым и молочным рекам, текущим в Раю, эликсиру молодости алхимиков.

Другое стихотворение под названием «Ангел» тоже многозначно:

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой,
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов,
Под кущами райских садов,
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была... [1, с. 225]*

В этих первых двух строфах бросаются в глаза такие слова-сигналы, как *ангел, песня, безгрешные духи, кущи райских садов*, которые вызывают к памяти ассоциативный метафорический ряд: херувимы, серафимы, тимпаны, свирель, серенады, мадригалы, пасторали, блаженный рай, чертоги рая.

*Он душу младую в объятиях нес,
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов – но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли,
Ей скучные песни земли. [1, с. 226]*

Во второй и третьей строфе мы находим тот же ассоциативный метафорический ряд, связанный с миром печали и слез, небесными звуками и скучными песнями земли. Так, мир печали и слез есть мир проявленных вещей, временный дольний мир, противоположность которому составляет вечный, горний мир. Антитезу «скучным песням земли» составляет «звуки небес».

По своему исполнению замечательно стихотворение «Кинжал» Михаила Лермонтова. Кинжал – яркий восточный символ мужества и благородства. Он олицетворяет собой честь и достоинство. В первой вступительной строфе автор как бы дает характеристику этому предмету гордости и смелости:

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный,
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
[1, с. 289]*

Строка «булатный мой кинжал» вызывает к ассоциативному метафорическому ряду: сабля Македонского, сабля Сигурда, обоюдоострая сабля Зульфикар, Дольный и Горний миры.

Вторая и третья строфа исполнены трогательного лиризма:

*Лилейная рука тебя мне поднесла,
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.*

*И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали. [1, с. 289]*

Лилейная рука «протянута» к ассоциативному ряду: рука Моисея, посох Моисея, радуга Завета, скиния Завета, Завеса, Барзах, ладья Зиусудры, Ноев Ковчег.

Жемчужина страдания олицетворяет собой чашу Джамшида, перстень Соломона, Хранимую Скрижаль, Ковчег Завета, Трон Создателя.

В завершающей строфе, как и во вступительной, автор обращается к кинжалу со словами:

*Ты дан мне в спутники любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный,
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*
[1, с.300]

Слова-сигналы *спутник, странник, залог* вызывают к ассоциативному метафорическому ряду: *адепт, неофит, путь само-совершенствования, радуга Завета, скиния Завета...*

Не менее интересно с рассматриваемых нами позиций другое стихотворение нашего автора под названием «Поэт»:

*Отделкой золотой блистает мой кинжал,
Клинок надежный без порока,
Булат его хранит таинственный закал,
Наследье бранного востока.* [1, с. 291]

Кинжал, клинок на ассоциативном уровне вызывают к памяти образы сабли и плема Александра Македонского, сабли Сигурда, радуги и ковчега Завета.

*Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу,
Не по одной груди провел он страшный след,
И не одну прорвал кольчугу.* [1, с. 291]

Кольчуга вызывает к памяти ассоциативный метафорический ряд: *цит Давида (Магендод), скипетр, жезл, трон, корона, тиара, диадема.*

*Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным,
В те дни была б ему богатая резьба,
Нарядом чуждым и постыдным.*

*Он взят за Терекот отважным казаком,
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом,
В походной лавке армянина.*

*Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!*

*Никто привычною, заботливой рукой,
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.* [1, с. 292]

В последующих строфах главным ключевым словом является «надписи». Оно

взывает к ассоциативному метафорическому ряду: *скрижали закона, ковчег завета, радуга завета, свитки Моисея, аяты и суры Корана.*

К кругу произведений М. Ю. Лермонтова, отличающихся восточной символикой, относится его стихотворение «Ветка Палестины»:

*Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?*

*Молитву ль тихую читали,
Иль песни пели старины,
Когда листы твои слетали
Солима бедные сыны?* [1, с. 309]

Обращают на себя внимание такие слова как «ветка Палестины», «воды Иордана», «луч Востока», «горы Ливана», «сыны Солима». За этой нехитрой восточной символикой «скрывается» ассоциативный метафорический ряд: *древо жизни, древо Мироздания, огненный столб Моисея, посох Моисея, земля обетованная, очарованный берег, сыны Израиля...*

*И пальма ты жива ль поныне,
Все так же ль манит в летний зной,
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?*

*Или в разлуке безотрадной,
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?*

*Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?* [1, с. 310]

В этих строках нас интересуют такие ключевые слова как «пальма», «прохожий в пустыне» и «набожная рука» след от которого проступает в ассоциативном метафорическом ряду: *дерево Сефирот, странник, дервиш, каландар, рука Моисея...*

*Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин,
Перед людьми и божеством?..*

*Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Иерусалима,
Святыни верный часовой!*

*Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.* [1, с.310]

Под «божьей рати лучшим воином» мы читаем между строк – «ангел», «безоблачным челом» – лик святой, «ветвью Иерусалима» – град Небесный, небесный Иерусалим.

Заключение

Все творчество М. Ю. Лермонтова – это автопортрет его души. Стихи Михаила Юрьевича Лермонтова звучат искренне; они волнуют и заставляют задуматься.

Лермонтовская лирика с ее многообразием тем, идей и мотивов – это целый мир, в котором каждый может найти то, что близко лично ему, поэтому Лермонтов так любим, читаем и почитаем народом.

Наш беглый экскурс в творчество М. Ю. Лермонтова показывает, что оно до конца не изучено, многогранно и необъятно по своей сути и ждет своих исследователей.

Литература

1. Афанасьев В. В. М. Ю. Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1991.
2. Белинский В. Г. Статьи о Лермонтове. Саратов: Приволжское изд-во, 1981.
3. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество. М.: Современник, 1987.

4. Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // Литературное наследство. М., 1941. С. 673-734.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения. СПб.: изд-во Пушкинского Дома, 2014.

References

1. Afanasyev V. V. M. Yu. Lermontov. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 1991. (In Russian)
2. Belinsky V. G. Articles about Lermontov. Saratov, Volga Region publ., 1981. (In Russian)
3. Viskovatov P. A. Mikhail Yuryevich Lermontov: life and writings. Moscow, Sovremennik publ., 1987. (In Russian)

4. Grossman L. Lermontov and the cultures of the East. Moscow, 1941. Pp. 673-734. (In Russian)
5. Lermontov M. Yu. Collected edition. In 4 volumes. Vol. 1. Poems. St. Petersburg, Pushkin House publ., 2014. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Ильясов Хизри Ильясович, доктор филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: ilyasov-h@mail.ru

Магомедова Патимат Алиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: shabanova.patimat@mail.ru

Саадулаева Римляна Шамхаловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: med_00@bk.ru

Принята в печать 25.01.2023.

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Khizri I. Ilyasov, Doctor of Philology, assistant lecturer, the chair of Dagestan Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: ilyasov-h@mail.ru

Patimat A. Magomedova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: shabanova.patimat@mail.ru

Rimlyana Sch. Saadulaeva, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Languages, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: med_00@bk.ru

Received 25.01.2023.

Литературоведение / Literature Studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК 82.09

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-53-57

Ориентальные мотивы в творчестве Назыма Хикмета

© 2023 Кадыров Р. С.,¹ Ильясов Х. И.,² Халипаева И. А.²

¹Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия; e-mail: ruskadir@yandex.ru,

²Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: ilyasov-h@mail.ru, turkdgpu@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Изучение поэзии Назыма Хикмета, исследование природы и сущности его стихов, освещение аспектов его творчества, касающихся влияния на него восточной суфийской лирики, является основной проблемой, стоящей сегодня перед турецкой литературой. **Результаты.** Поэзия Назыма Хикмета – явление мирового значения, о котором написано достаточно много. В данной статье впервые делается попытка описания восточных мотивов, где выделяется суфийский элемент, так как он играет важную роль в тематике лирических произведений европейских поэтов. Проведена аналогия между поэзией Назыма Хикмета и Расула Гамзатова на основе сравнительного анализа. **Заключение.** Исследование поэзии Назыма Хикмета в турецкой литературе приобретает особую актуальность. Так как восточные символы и мотивы распространены во всей мировой литературе, Назым Хикмет и Расул Гамзатов оказались «в плену» одних и тех же поэтических образов.

Ключевые слова: суфийская лирика, турецкая литература, восточные мотивы, тематика, метафора, символ.

Формат цитирования: Кадыров Р. С., Ильясов Х. И., Халипаева И. А. Ориентальные мотивы в творчестве Назыма Хикмета // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 53-57. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-53-57

Oriental Motifs in Nazim Hikmet's Writings

© 2020 Ruslan. S. Kadyrov,¹ Khizri I. Ilyasov,² Imperiyat A. Khalipaeva ²

¹Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: ruskadir@yandex.ru

²Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: ilyasov-h@mail.ru, turkdgpu@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The study of Nazim Hikmet's poetry, the study of the nature and essence of his poems, the coverage of aspects of his work concerning the influence of Eastern Sufi lyrics on him is the main problem facing Turkish literature today. **Results.** The poetry of Nazim Hikmet is a phenomenon of world significance, about which quite a lot has been written. In this paper, for the first time, an attempt is made to describe oriental motifs, where the Sufi element is highlighted, since it plays an important role in the theme of the lyrical works of European poets. An analogy is drawn between the poetry of Nazim Hikmet and Rasul Gamzatov on the basis of comparative analysis. **Conclusion.** The study of Nazim Hikmet's poetry in Turkish literature is becoming particularly relevant. Since oriental symbols and motifs are common throughout the world literature, Nazim Hikmet and Rasul Gamzatov were "captured" by the same poetic images.

Keywords: Sufi lyrics, Turkish literature, oriental motifs, themes, metaphor, symbol.

For citation: Kadyrov R. S., Ilyasov Kh. I., Khalipaeva I. A. Oriental Motifs in Nazim Hikmet's Writings. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 53-57. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-53-57 (In Russian)

Введение

Турецкий поэт, публицист, сценарист, общественный деятель Назым Хикмет широко известен во всем мире своими оригинальными произведениями как в литературе, так и в кинематографе. Но мы хотели бы заострить внимание не на его творчестве вообще, как явлении мировой культуры, но на преэминентность типологических символов и образов в его произведениях.

Известно, что всей мировой литературе присущ ассоциативный метафорический ряд «кочующих» сюжетов. В этот метафорический ряд органично вплетены и восточные мотивы. Они стали составной частью содержания многих популярных творений искусства и литературы. Среди восточных мотивов необходимо выделить суфийский элемент, так как он играет важную роль в тематике лирических произведений европейских поэтов. Чего стоит с этой точки зрения только один «Западно-восточный диван» И. В. Гете. Несмотря на уникальность и своеобразие этого произведения, нельзя отрицать наличие факта влияния на западного гения Омара Хайяма, Мухаммада Хафиза Ширази, Фаридулина Атгара, Джалалудина Руми и других корифеев суфийской поэзии.

Результаты исследования

От внимательного читателя не укроется и тот факт биографии Назыма Хикмета, что он с детства был увлечен суфийской поэзией и находился под сильным ее влиянием. Казалось бы, это детско-юношеское увлечение, но оно оставило в след и в его взрослой жизни, отразившись на его более поздних произведениях. Казалось бы, бунтарь, революционер, который пострадал за свои идеи и сидел в тюрьмах в общей сложности более 17 лет – и тут суфийская лирика. Такой парадокс можно объяснить лишь тем, что фигура Назыма Хикмета слишком уж величественна и вмещала в себя культурные пласты различных эпох. Иногда это происходило спонтанно, подсознательно, а иногда автор обращался к архаичным образам и символам, чтобы ярче высветить современность и обнажить то, что происходит в душе его лирического героя.

Назым Хикмет напоминает Расула Гамзатова или, наоборот, – Расул Гамзатов напоминает Назыма Хикмета тем, что оба они придерживались коммунистических взглядов и политического курса партии и

Правительства СССР. Тем не менее, надо отдать должное его мужеству и искренности: на закате жизни Расул Гамзатов публично признавался в том, «что пил вино, вместо того чтобы молиться» и повернулся к Всевышнему, каялся и просил прощения, стал посещать мечети. Подобная же метаморфоза происходила и с Назымом Хикметом, хотя в отличие от своего соотечественника по перу, он публично не раскаялся, но болезненно переживал все это внутри себя. В его поэтических сборниках «Песня пьющих солнце», «385 строк», «Джоконда и Сияу», «Почему Бенерджи покончил с собой», «Письма к Таранта Бабу» мы обнаруживаем тот же ассоциативный метафорический ряд, характерный Р. Г. Гамзатову и далее средневековым суфийским поэтам. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые примеры, подтверждающие наши утверждения. Так в одном из стихотворений автор пишет:

Среди заснеженных берёз

Бреду я, не скрывая слёз.

Сжимает сердце мне тоска.

О, где же, где твоя рука? [2, с. 57]

Из контекста стихотворения мы видим, что автор находится в России. Об этом нам сообщает строка «Среди заснеженных берёз». Берёза – символ России. Вторая строка нам сообщает о том, что автор находится вдали от Родины, на чужбине: «Бреду я, не скрывая слез...». О том, что лирический герой находится на чужбине и горюет о любимой, повествуют строки: «Сжимает сердце мне тоска. О, где же, где твоя рука».

Вторая строфа не оставляет сомнения, что герой находится в России, «где не видно звезд сквозь облака... здесь холодно, вокруг темно...» Затем следует признание: «Моя Отчизна далека!»:

Не видно звёзд сквозь облака,

Моя Отчизна далека,

Здесь холодно, вокруг темно,

Лишь теплится вдали окно. [2, с. 59]

Третья строфа наполнена глубокой любовной тоской по Розе, которую герой оставил на Родине:

В далёком солнечном краю

Оставил Розу я свою...

О смерти думать – не беда,

Её бояться – нет стыда... [2, с. 61]

Роза в суфийской поэзии символизирует Возлюбленную, Соловей – Возлюбленного. То, что «изгнанник» использует символ Розы, говорит о его привязанно-

сти и приверженности суфийской символике.

Очень примечательно стихотворение под названием «Голубой залив»:

*Я сильно устал, капитан, так не ждите меня,
Журнал бортовой пусть допишет другой,
Чинарли, словно купол, залив голубой,
Но в залив сей тебе не доставит меня...*
[2, с. 63]

Несмотря на кажущуюся простоту, это произведение глубоко драматическое и полное тяжелых раздумий о судьбе Родины и гражданина. Далекая Родина поэту-гражданину кажется Голубым заливом, Райским уголком. Плывущий на «коммунистическом» корабле гражданин пассажир обращается к капитану: «Я сильно устал, капитан, так не ждите меня, журнал бортовой пусть допишет другой». И далее: «Чинарли, словно купол, залив голубой» – заветная мечта, несбыточный Рай. И полный драматизма финал: «Но в залив сей тебе не доставит меня», то есть лирический герой обречен, нет обратной дороги, нет пути на Родину. И здесь это четверостишие переключается с «Потерянным Раем» Джона Мильтона, с «Божественной комедией» Данте Алигьери, в которой страждущий, взыскующий истину путник отлучен от Родины, от Рая.

Оригинальным способом в приводимом ниже стихотворении без названия Назым Хикмет «подаёт» символ Розы. Для наглядности приведем его текст:

*Когда рогов моих быков рассвет коснется,
я с терпеливой гордостью пащу,
и на моих босых ногах сырая теплая земля...
После полудня собираю я мастины.
Я – свет, весь с головы до ног, лицо, глаза, одежда.
А ночью в море по колено я сеть тащу,
смешались звезды, рыбы...
И спрос с меня теперь за всю планету,
за человека, землю, свет и тьму.*

*Ты видишь, дела у меня по горло.
Не занимай меня, о роза, разговором.
Я занят тем, что я тебя люблю.* [2, с. 63]

Если в суфийской поэзии мы привыкли видеть набившую оскомину картину «плачущего соловья» и «трепещущей Розы», то в нашем случае рисуется совсем иная картина, а именно картина рассвета, когда труженик пашет поле, а на рога его быков опускается солнце, а «ночью в море по колено я сеть тащу, смешались звезды, рыбы...». Кто когда-либо рыбачил знает, как только, что пойманная рыба в сети серебрится яркими звездочками. Эту деталь уловил поэт, написавший «смеша-

лись звезды, рыбы.» И совершенно неожиданное и оптимистическое: «И спрос с меня теперь за всю планету!». Это выражение будоражит наше воображение и вызывает к жизни матрицу мировой литературы: Судного Дня, Ада и Рая.

Поэту-сеятелю, поэту-пахарю, поэту-рыбарю чуждо пустословия, поэтому он заявляет предмету своего обожания: «Ты видишь дел у меня по горло, не занимай меня, о Роза, разговором. Я занят тем, что я люблю тебя!». Поэт полностью погружен в созидание новой жизни и считает, что простой труженик достоин любви Розы так же, как и сладкоголосый соловей.

В стихотворении «Люблю тебя» мы также встречаем восточную мозаику:

Люблю тебя, как хлеб, что в соль ма-
каю...

*Как жажду свою рано поутру,
когда я жадно к крану припадаю,
как будто без воды сейчас умру...
Как радость ожидания от чуда,
когда посылку раскрываю я,
что прислана неведома откуда
и неизвестно кем в мои края...
Как робкое волнение от полёта
над ширью океана в первый раз,
когда крыло сверкает самолёта
и лучик попадает прямо в глаз...
Как странное предчувствие тревоги,
когда глотают сумерки Стамбул...
Люблю тебя, как моря вечный гул,
как восклицанье: «Жив я, слава Богу!»*

(Перевод с турецкого Марины Ахмедовой-Колюбакиной) [1, с. 112].

В этом произведении Назым Хикмет сравнивает любовь с жизнью: с хлебом, что макает в соль; с водой «когда жадно припадаю к крану, как будто без воды сейчас умру»; с почти детской, неподдельной радостью ожидания чуда, когда раскрывает посылку, «что прислана неведома откуда и неизвестно кем в мои края...»; его чувство любви сродни «робкому волнению от полёта над ширью океана в первый раз» или предчувствию тревоги «когда глотают сумерки Стамбул».

В финале поэт восклицает: «Люблю тебя, как моря вечный гул!». Рене Декарт писал: «Я мыслю, значит, я существую!». Назым Хикмет вторит ему: «Я люблю», следовательно «жив я, слава Богу!». Ширь океана, моря вечный гул взывают к ассоциативному ряду: твердь небесная, царь небесный, дольний и горный мир, град небесный, небесный Иерусалим, утопающий в сумерках Стамбул. Все это призва-

но подчеркнуть безграничность, безмерность любви Поэта.

В другом стихотворении под названием «Люблю» мы читаем такие строки:

*Любимая, когда тебе солгу,
Лишусь я языка, и пусть тогда
"Люблю" сказать я больше не смогу.
Останусь я несчастным навсегда.
Когда тебе неправду напишу,
Моя рука отсохнет, и тогда
Тебя коснуться больше не смогу,
Останусь я несчастным навсегда.
Когда солгут тебе мои глаза,
Рекою слез в ладони потекут,
Тебя увидеть больше не смогу,
Останусь я несчастным навсегда.* [2, с. 69]

Вновь и вновь в своем творчестве Назым Хикмет обращается к теме любви и верности. Стихотворение «Люблю» напоминает клятву верности в любви: «когда тебе солгу, лишусь я языка, и пусть тогда, люблю сказать я больше не смогу», – откровенно признается автор. Далее он продолжает клясться в своей верности: «когда тебе неправду напишу, моя рука отсохнет, и тогда «тебя коснуться больше не смогу», – говорит автор и продолжает: «когда солгут тебе мои глаза, рекою слез в ладони потекут, тебя увидеть больше не смогу» – не это ли самое страшное наказание для влюбленного?! И рефреном звучит строка: «останусь я несчастным навсегда!» Язык, рука, глаза призывают к ассоциативному метафорическому ряду: птичий язык, длань Моисея, перстень Соломона, созвездие Андромеды, Сириус, Плеяды, Орион. Эти предметы и явления олицетворяют ложь и правду, верность и предательство, клятву и клятвопреступление.

Одно из лучших своих стихотворений «Твои глаза» Назым Хикмет посвящает глазам любимой:

*О глаза, глаза, глаза твои.
Приходи ко мне в темницу,
Приходи ко мне в больницу,
Май к концу пришел-ты не забывай,*

*А в Анталье, как всегда, будет урожай.
О глаза, глаза, глаза твои.*

*О глаза, глаза, глаза твои.
Сколько раз передо мной плакали они,
И открыты оставались навсегда они,
Как дитя, огромны, были для меня,
Солнца лишены не были ни дня.* [2, с. 62]

На подсознательном уровне, когда мы читаем про глаза, в нашем воображении предстают образы Чаши Джамшида, Звезды Востока, Сириуса, Венеры, созвездий Андромеды и Девы.

*О глаза, глаза, глаза твои.
Если даже зло видели они,
Счастье навсегда поселилось в них,
Ум и совершенство молча отражают,
Тем, кто любит мир, песни посвящают.*

*О глаза, глаза, глаза твои,
Как каштаны Бурсы осенью темны,
Листьями от ливня летнего светлы,
Временем Стамбула навсегда полны.*

*О глаза, глаза, глаза твои,
Верь, о моя роза, что настанет час,
Будем мы друг друга мыслями встречать,
И узрим друг друга взором твоих глаз.* [2, с. 68]

Время Стамбула, летний ливень, листья, Капшаны Бурсы, Роза, «настанет Час» и «взор твоих глаз» призывают к восточной символике: Дерево Жизни, Дерево познания Добра и Зла, Райские гущи, Райские сады, Небесный Иерусалим, Судный День, День Часа, Роза Розенкрейцеров. Все эти явления и понятия так или иначе связаны с глазами, со светом глаз, с лучезарностью глаз и облика любимой.

Заключение

Поэзия Назыма Хикмета – явление мирового значения, о котором достаточно много написано. Мы лишь затронули некоторые аспекты его творчества, касающиеся влияния на него восточной суфийской лирики. Творчество Назыма Хикмета ждет еще своих исследователей.

Литература

1. Алькаева Л. А. Из истории турецкого романа: 20-50-е годы XX века. М.: Наука, 1975. 278 с.
2. Симонов К. М. Разговор с товарищами: воспоминания, статьи, литературные заметки, о собственной работе. М.: Советский писатель, 1970. 326 с.
3. Akgül, Hikmet, Nazım Hikmet Siyasi Biyografi, Chiviyazıları Yayınevi, İstanbul, 2002.

4. Atsız, Hüseyin Nihâl, Komünist Don Kişotu Proleter-Burjuva Nâzım Hikmetof Yoldaşa, İstanbul, 1935.
5. Babayev, Ekber, Nazım Hikmet, İnkılap Kitabevi, İstanbul, 2002.
6. Göksu, Saime; Timms, Edward, Roman-tik Komünist Nazım Hikmet'in Yaşamı ve Eserleri, İstanbul, 2001.
7. Vâlâ Nurettin, Bu Dünyadan Nazım Geçti, Milliyet Yayınları, İstanbul, 1999.

References

1. Alkaeva L. A. From the history of the Turkish novel: 20-50-ies of the XX century. Moscow, Nauka publ., 1975. 278 p. (In Russian)
2. Simonov K. M. Conversation with comrades: memoirs, articles, literary notes, about his own work. Moscow, Sovetsky Pisatel publ., 1970. 326 p. (In Russian)
3. Akgyl, Hikmet. Nazim Hikmet Political Biography. Chiviyazlı Publishing House, Istanbul, 2002. (In Turkish)
4. Atsiz, Hüseyin Nihal, Communist Don Quixote Proletarian-Bourgeois Nazim Hikmet's Comrade. Istanbul, 1935. (In Turkish)
5. Babayev, Akbar, Nazim Hikmet, Revolution Bookstore, Istanbul, 2002. (In Turkish)
6. Göksu, Saime; Timms, Edward, The Life and Works of the Romantic Communist Nazim Hikmet, Istanbul, 2001. (In Turkish)
7. Vala Nurettin, Nazim Passed from This World. Milliyet Publications, Istanbul, 1999. (In Turkish)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Кадыров Руслан Султанович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской и тюркской филологии, Дагестанский государственный университет (ДГУ), Махачкала, Россия; e-mail: ruskadir@yandex.ru

Ильясов Хизри Ильясович, доктор филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: ilyasov-h@mail.ru

Халипаева Империят Арсланбековна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: turkdgpu@mail.ru

Принята в печать 25.02.2023г.

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Ruslan S. Kadyrov, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of Iranian and Turkic Philology, Dagestan State University (DSU), Makhachkala, Russia; e-mail: ruskadir@yandex.ru

Khizri I. Ilyasov, Doctor of Philology, assistant lecturer, the chair of Dagestan Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: ilyasov-h@mail.ru

Imperiyat A. Khalipaeva, Doctor of Philology, professor, the chair of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: turkdgpu@mail.ru

Received 25.02.2023.

Литературоведение / Literature Studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК 82

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-58-65

Повести «Бедные люди», «Двойник» и «Хозяйка» Ф. М. Достоевского в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы

© 2023 Кукуева А. А., Магамдаров Р. Ш.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: kukueva.asiyat2015@yandex.ru,
magamdarow@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. В статье на основании анализа повестей Ф. М. Достоевского «Двойник» и «Хозяйка» рассматривается проблема «преодоления Гоголя» как принципа становления поэтики художественной прозы писателя. **Методы.** Ведущими методами в исследовании данной проблемы являются сравнительно-исторический, текстологический, культурологический, типологический, позволяющие комплексно рассмотреть развитие темы «лишнего» человека и «двойничества» в творчестве Ф.М. Достоевского. **Результаты.** Исследование посвящено актуальной проблеме указанных произведений в контексте евразийского литературоведения, оформившегося в трудах князя Трубецкого и Святополк-Мирского, и надолго забытого в условиях реформы государственного строя 20-21 веков. **Заключение.** Анализ названных произведений позволил выявить отличительную особенность художественной трактовки Достоевским темы «маленького человека» в её амбивалентности и отходе от классической традиции к новой форме и типу художественного мышления и интерпретации.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Гоголь, лишний человек, евразийская литература, диалог культур.

Формат цитирования: Кукуева А. А., Магамдаров Р. Ш. Повести «Бедные люди», «Двойник» и «Хозяйка» Ф. М. Достоевского в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 58-65. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-58-65

"Poor People", "Double" and "Mistress" Stories by F. M. Dostoevsky Within the Context of the Eurasian Cultural and Historical Paradigm

© 2019 Asiyat A. Kukueva, Rumik Sh. Magamdarov

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: kukueva.asiyat2015@yandex.ru,
magamdarow@yandex.ru

ABSTRACT. Aim. Based on the analysis of Fyodor Dostoevsky's novels "Double" and "Hostess", the paper considers the problem of "overcoming Gogol" as a principle of forming the poetics of the writer's fiction. **Methods.** The leading methods in the study of this problem are comparative-historical, textual, culturological, typological, allowing a comprehensive look at the development of the theme of "superfluous" man and "duality" in the works of Fyodor Dostoevsky. **Results.** The study deals with the topical problem of these works in the context of Eurasian literary studies, which took shape in the works of Knyaz Trubetsky and Svyatopolk-Mirsky, and was forgotten for a long time in the conditions of the reform of the state system of the 20th and 21st centuries. **Conclusion.** The analysis of these works revealed a distinctive feature of Dostoevsky's artistic interpretation of the theme of the "little man" in its ambivalence and departure from the classical tradition to a new form and type of artistic thinking and interpretation.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Gogol, superfluous man, Eurasian literature, dialogue of cultures.

For citation: Kukueva A. A., Magamdarov R. Sh. "Poor People", "Double" and "Mistress" Stories by F. M. Dostoevsky Within the Context of the Eurasian Cultural and Historical Paradigm. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 58-65. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-58-65 (In Russian)

Введение

В произведении «Двойник» Достоевского, выпущенном в свет в 1846 году, находит художественное отражение и развитие тема «маленького человека» в творчестве писателя. Основоположителем этой темы, определившей целую эпоху русской классики, был А. С. Пушкин. В этом плане следует отметить также, что проблема «маленького человека» и выросшая из нее тема «двойничества» имела достаточно устоявшиеся традиции в русской и европейской литературе XIX столетия. При этом уместно напомнить, что исследование проблемы «двойничества» в творчестве Ф. М. Достоевского проводилось с точки зрения оценки содержательной и поэтической: она рассматривалась как проблема личности с «разорванным» сознанием и как следствие – изъеденной сомнениями и самоуничижением, и – с другой стороны, как проблема поэтики, т. е. проблема приема, мотива, композиции, художественного мышления в целом. Повесть «Двойник» была вторым после «Бедных людей» крупным и самобытным произведением писателя.

Результаты исследования

Пристальное изучение истории восприятия «Двойника» кругом Белинского, предложенное Г. М. Фридлиндером в примечаниях к изданию произведения 1988 г., демонстрирует любопытную ситуацию в этом вопросе. Учитывая ее важность, нам представляется уместным привести интересующий нас фрагмент из примечаний ученого. Вот что занимает наше внимание в указанных отрывках: «Работа над «Двойником», начатая летом 1845 г., возобновилась в сентябре и продолжалась в течение всей осени и начала зимы. Белинский, с нетерпением ожидавший следующего – после «Бедных людей» – произведения Достоевского, по словам писателя, «с самого начала осени 1845 г. очень интересовался этой новой моей работой» [3, с. 49]. И далее: 8 октября 1845 г. Достоевский пишет брату: «Яков Петрович Голядкин выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, присугу нет к нему; никак не хочет вперед идти, претен-

дуя, что еще ведь он не готов, а что он теперь покамест сам по себе, что он ничего, ни в одном глазу, а что, пожалуй, если уж на то пошло, то и он тоже может, почему же и нет, отчего же и нет? Он ведь такой, как и все, он только так себе, а то – такой, как и все. Что ему! Подлец, страшный подлец! Раньше половины ноября никак не соглашается окончить карьеру. Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нем во всем литературном мире и чуть не запродавал Краевскому...». Тогда же критик познакомил с Краевским самого Достоевского, который «уговорился» с издателем «Отечественных записок» о предоставлении ему повести «для первых месяцев наступающего 46-го года» [3, с. 51].

Несмотря на обещание, данное брату Михаилу (а, вероятно, также и Краевскому), кончить повесть к 15 ноября, Достоевскому не удалось завершить ее к этому сроку. 16 ноября он писал М. М. Достоевскому: «Голядкин до сей поры еще не кончен; а нужно кончить непременно к 25-му числу <...>. Голядкин выходит превосходно; это будет мой chef-d'oeuvre». Но 25 ноября повесть не была закончена, и работа над ней продолжалась вплоть до 28 января 1846 г., т. е. почти до самого выхода в свет книжки «Отечественных записок». Книжка эта вышла через четыре дня (1 февраля). Достоевский сообщал в день ее выхода брату: «...я до самого последнего времени, то есть до 28-го числа, кончал моего подлеца Голядкина. Ужас!» И, продолжая: «Сегодня выходит Голядкин. 4 дня тому назад я еще писал его. В «Отечественных записках» он займет 11 листов. Голядкин в 10 раз выше «Бедных людей». Наши говорят, что после «Мертвых душ» на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное, и чего-чего не говорят они! <...> Действительно, Голядкин удался мне донельзя» [3, с. 69].

Еще до окончания «Двойника», в начале декабря 1845 г., Достоевский на вечере у Белинского, определявшего весь литературный процесс в России 40 годов XIX в., прочитал в присутствии И. С. Тургенева и других членов кружка Белинского первые

главы повести, имевшие в его прочтении большой успех.

Важнейшая особенность еще раннего Достоевского, в период формирования его художественного метода заключалась в том, что автор в повествовании – не всезнающий, в отличие от автора-демиурга Толстого. Достоевский сразу все свое «знание» передает главному герою, который равносильен в повести, романе автору; каждый герой выражает свою собственную точку зрения. Здесь все герои равноправны, равноценны, паритетны (М. Бахтин), автор смотрит на мир и сознание героя иначе, чем вся русская литература до него и – после.

Автор указанных повестей Достоевского каждый раз принимает то одну, то другую точку зрения; создается большой спор, герои вступают в диалог, где сталкиваются различные точки зрения на мир и автор таким образом участвует в остром диалогическом споре.

Достоевский долго вынашивал указанные темы, проблемы, ведя записные книжки, дневники, а в самом тексте автор словно отстывает; таким образом, опосредованно, создается большой спор, где сам читатель должен выявить, кто прав и кто не прав, так как взгляд Достоевского на мир диалогичен, и Достоевский-автор (в отличие от Толстого) лишь помогает читателю. Через указанные элементы внутренней композиции, проявляющиеся через внешний сюжет, достигается полифоничность текста Достоевского – это насквозь диалогические повествования, где герои выступают в роли носителей самостоятельных, неслиянных голосов.

В центре его внимания – человек, и это роднило писателя с натуральной школой, но в этом и заключается главное отличие от требований натуральной школы и Белинского: для Достоевского человек вместе с тем, не просто социальная единица, для него важна его человеческая душа и – что с ней происходит.

Сразу же после появления на страницах журнала «Двойника», произведение вызвало разочарование в кругу Белинского, и это заставило автора переоценить свое произведение. Об этом Достоевский сообщил старшему брату 1 апреля 1846 г. Если Белинский, и, вслед за ним Дружинин, высоко отзывались о «Бедных людях», то «Двойник», можно сказать, их се-

рьезно разочаровал. Особенно резким в этом плане было восприятие Белинского. Так, в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» критик-демократ пишет: «... в «Двойнике» есть еще и другой существенный недостаток: это его фантастический колорит. Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов» [1].

Несмотря на сложное отношение к Достоевскому – человеку и писателю, – обусловленное различиями в воспитании, образовании, мировоззрении, способах обработки и передачи материала, А. В. Дружинин внимательно следил за творчеством писателя, его эволюцией. Ни одно произведение Достоевского 40-х гг. не ускользнуло от внимания либерального критика. Анализируя повести Достоевского «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова», он касается и предыдущих произведений писателя – романа «Бедные люди» (1846), повестей «Двойник» (1846), «Хозяйка» (1847). В оценке произведений Достоевского в 1846–1847 гг. А. В. Дружинин во многом следует за Белинским, в русле эстетики натуральной школы, рьяно отстаиваемой критиком. Считая роман «Бедные люди» вершинным произведением писателя, проникнутым пафосом гуманизма, в котором отчетливо проявилась боль за униженного и подавленного человека, Дружинин с неудовольствием пишет о повестях «Двойник» и «Хозяйке», в которых отмечает чрезмерный интерес Достоевского к болезненным проявлениям психики человека, а также отсутствие внешней занимательности сюжета, неровности стиля, многословие. Как и Белинский, он считал, что после «Бедных людей» развитие писателя происходило по нисходящей линии, предвещая упадок и закат его таланта.

Между тем повесть «Двойник» во многом определяется художественным миром и поэтикой гоголевских петербургских повестей. Можно сказать, что фантастический и непостижимый Петербург романов Достоевского берет начало в этой повести. Неслучайно произведение имеет подзаголовок «Петербургская поэма».

Во внимание критиков-современников Достоевского почему-то не попал ряд существенных отличий «Двойника» от «Бед-

ных людей». С одной стороны в Девушкине, как и в Голядкине, живет человеческая гордость, а с другой стороны – страшная пассивность, и получается, что бунт его, по сути, уродлив и смешон.

Психологическая струя в повести усиливается: Быков решил жениться на Варе, ему нужна безропотная жена. Варенька просит Девушкина делать покупки. «Что вы делаете, Варенька? – Ведь это тряпичи... вдали от близких ваше сердечко разобьется. Я не позволю вам уезжать». Но, с другой стороны, выступает с бунтом: «Я на колени брошусь перед ним...» – так проявляется характерная психологическая ситуация героев Достоевского уже в самой ранней повести. Достоевский показывает глубоко раздвоенное сознание героев, проявляющееся даже в монологе, который внутренне глубоко диалогичен.

Уже в ранних произведениях обнаруживается трагизм и несовместимость контрастов обитателей трущоб Петербурга. В первом романе этот герой окрашен комическими чертами (эпизод, в котором герой описывает себя в зеркале, когда ползет за пуговицей). Даже обращаясь к изображению среды, Достоевский акцентирует внимание на психологии окружающих Девушкина людей. Ратазьев смешон, раздражитель Марлинского, а чиновник Горшков – представитель натуральной школы (своего рода подмигивание Белинскому). Горшков выиграл дело и ... умер от несовместимости контрастов, «душа изломалась». Белинский сразу заметил эту особенность произведений Достоевского, и почувствовал резкое уклонение от требований эстетики натуральной школы.

Второе произведение было также создано в 1840-е годы. «Хозяйка», «Белые ночи» – сентиментальный роман в письмах, к 40-м годам относится и повесть «Двойник», с которой началось охлаждение Белинского к Достоевскому, так как он резко выступал против произведений романтического, сентиментального толка. Повесть «Двойник» не удовлетворила Белинского своим фантастическим колоритом.

По сравнению с Девушкиным, главный герой «Двойника» Голядкин не особенно беден: у него приличная квартира, имеется слуга; во-вторых, он даже кое-что может позволить себе, например, ездить на извозчике и даже на целый день нанимать экипаж, в-третьих, служебное положение

его выше положения Макара Девушкина. Помимо этих, в основном внешних, особенностей, в критике Белинского и его последователей осталась незамеченной главная – внутренняя – отличительная черта в обоих произведениях: в «Двойнике» представлен честолюбивый герой, который хочет сделать карьеру, подняться на высшую ступень в обществе, стать чем-то большим, чем он есть на самом деле, более того, его внутренняя жизнь антиномично двойственна.

С одной стороны, он скромный, застенчивый человек, мечтающий ступеньками и раствориться, уступающий каждому дорогу, пасующий перед каждым сколько-нибудь решительным и уверенным человеком. С другой стороны, ему хотелось бы быть совсем другим человеком – самоуверенным, самонадеянным, независимым, прямым и смелым, идущим своим путем, не глядя на других и не позволяя наступать себе на ноги. По тонкому наблюдению Н. С. Трубецкого, давшего блестящий анализ повестей Достоевского в контексте евразийского литературоведения, «двойственность», расколотость сознания Голядкина мотивирована именно этой дихотомией социального статуса героя, которая сформировала в нем неизлечимый комплекс неполноценности и самоуничужения.

Здесь уместно упомянуть отмеченную еще Трубецким преемственную связь «Двойника» с гоголевской традицией, с художественным миром Гоголя и с поэтикой гоголевских петербургских повестей. Как говорилось выше, на это указывала еще прижизненная критика. Однако, осмысляя вопрос о дальнейшей истории изучения текстов Достоевского, в частности, повести «Двойник», приходится отметить полное отсутствие в литературоведении исследовательского опыта Трубецкого, который указывал, как основные сюжетные узлы повести – поражение мелкого чиновника (кстати, отметим, что фамилия Голядкин образована от «голяда, голядка», что, по Далю, значит: голь, нищета) в неравной борьбе с более богатым, поставленным выше него на иерархической лестнице соперником в борьбе за сердце и руку дочери «его превосходительства» и развивающееся на этой почве безумие героя – непосредственно продол-

жают сходные ситуации «Записок сумасшедшего».

Другой главный мотив повести, по наблюдению Трубецкого, – столкновение героя со своим фантастическим «двойником» – также (хотя и в зародышевой форме) уже содержится в гоголевском «Носе». Наконец, Трубецким подмечено и то, что к Гоголю восходят и имена многих персонажей «Двойника» (Петрушка, Каролина Ивановна, господа Бассаврюковы и др.) и самый метод образования имен и фамилий героев со скрытым значением (Голядкин) или нарочитым подчеркиванием комического неблагозвучия (княжна Чевчханова).

Дело в том, что и по-настоящему основательный и фундаментальный историк и теоретик литературы Г. М. Фридендер при написании своих примечаний к изданию повести «Двойник» не упомянул работу Трубецкого. Между тем, в своих примечаниях к изданию повести 1988 г. почти точь-в-точь повторил произведенные в начале 1930-х годов наблюдения Трубецкого по этому произведению Достоевского. Мы далеки от какой-либо сомнительности или недоверия к известному крупному специалисту-теоретику в его корректности, а склонны, скорее всего, объяснить ситуацию «умолчания» господствовавшим в «однополярной» партийно-советской действительности запретом к определенной ею «белоэмигрантской» науке, вследствие чего, в том числе, и научные труды Трубецкого (впрочем, как и его единомышленников Вернадского, Савицкого, Сятополк-Мирского, Флоровского, Алексеева и др.) не могли быть в ходу и в свободном обращении.

Наряду с «Двойником», повесть «Хозяйка», как по авторскому определению, так и по мнению поколений исследователей творчества писателя, относится к ряду его сочинений, в которых центральное место занимает образ Петербурга и его обитателей, в данном случае молодого интеллигентного «мечтателя» Василия Ордынова, посвятившего себя изучению истории церкви и на этой основе мечтающего создать свою научную систему.

Следуя сюжетной канве, герой переживает сложные драматические события, связанные с контактами со стариком-старообрядцем Муриным и подпавшей под его колдовское влияние молодой кра-

савицей Катериной, которые приводят его к идейному кризису, в результате которого он отказывается от своей программы. Ордынов пытается освободить Катерину из-под власти Мурина. Борьба Ордынова с Муриным за влияние над Катериной имеет некое символическое значение: по мнению комментаторов, образ хозяйки-Катерины навеян героиней под именем Катерина из повести Гоголя «Страшная месть» и становится у Достоевского символом «национальной стихии, народной души, страдающей под мрачной властью прошлого», отобразенного в образе «колдуна» - старообрядца. Но всё, что Ордынов может противопоставить Мурину, это его любовь к Катерине, и силой своей любви он и борется со злой волей таинственного старика. Катерина, находясь под гипнотическим влиянием Мурина, не спешит освободиться «от своего тягостного и одновременно сладостного плена».

Мы имеем в виду, в частности, следующее письмо писателя к брату, содержащее весьма интересное сообщение: «работа идет как некогда в «Бедных людях», свежо, легко и успешно» (письмо брату Михаилу, конец октября 1846 г.). Сравнение с «Бедными людьми» не было случайным. Оно подсказывалось автору ощущением сходной значимости произведений в его творческом развитии. Спустя несколько месяцев писатель еще резче повторит мысль о взаимной близости между первым романом и «Хозяйкой».

Хорошо известна печальная литературно-критическая судьба «Хозяйки», постигшая ее с легкой руки и росчерка пера (как это он продемонстрировал в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» в крайне субъективных, не подтвержденных анализом текста, поэтому предвзятых, саркастических выражениях) Белинского, который, не считаясь с авторскими заметками, комментариями и многими другими составляющими его личностного отношения к своему созданию, в принципе, априори заслуживающими объективного и глубокого осмысления, допустил непозволительную для творческой среды высокомерность и резкую некорректность.

Так, в октябре 1847 года в журнале «Отечественные записки» увидела свет первая половина повести, тут же вызвавшая немедленный ядовитый отклик Виссариона Белинского в письме к Павлу Ан-

ненкову: «Достоевский славно подкузьмил Краевского: напечатал у него первую половину повести; а второй половины не написал, да и никогда не напишет...» [1]. Мы знаем, однако, что желчность знаменитого критика не имела под собой никаких оснований: уже в следующем, ноябрьском номере журнала появилась и вторая часть повести. Своё негативное отношение к новому произведению писателя критик повторил и публично. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он писал: «... Но мы должны сказать еще несколько слов о «Хозяйке», повести г. Достоевского, весьма замечательной, но только совсем не в том смысле, как те, о которых мы говорили до сих пор. Будь под нею подписано какое-нибудь неизвестное имя, мы бы не сказали о ней ни слова. Герой повести – некто Ордынов; он весь погрузился в занятия науками; какими – об этом автор не сказал своим читателям, хотя на этот раз их любопытство было очень законно. Наука кладет свою печать не только на мнения, но и на действия человека? вспомните доктора Крупова. Из слов и действий Ордынова несколько не видно, чтоб он занимался какою-нибудь наукою; но можно догадаться из них, что он сильно занимался кабалястикой, чернокнижием, словом, чаромутьем... Но ведь это не наука, а сущий вздор; но тем не менее и она наложила на Ордынова свою печать, то есть сделала его похожим на поврежденного и помешанного» [8]. Впрочем, в письмах к Василию Боткину и Павлу Анненкову Белинский отозвался ещё резче: «мерзость» и «ерунда страшная» [8].

Вместе с этим следует отметить, что немногим более тепло отозвался о «Хозяйке» Аполлон Григорьев, который среди заслуг произведения выделил его «тревожную лихорадочность». В то же время критик осудил отвергаемый им сентиментальный натурализм, к которому, по его мнению, относилось всё раннее творчество Достоевского до «Неточки Незвановой».

Эти ранние повести свидетельствовали о появлении нового оригинального писателя, соединяющего в своём творчестве правду действительности, «трагедию обыденного» с глубоким психологизмом. Белинский ждал филантропического

направления, считая, что романтизм уже изжил себя. Достоевский, однако, широко использовал эстетику романтизма: обращение к необычным ситуациям, обращение к сознанию, идеям героя.

Между тем, в критике того времени нашло отражение и более прозорливое видение обсуждаемого произведения писателя. Так, по мнению критика Николая Страхова, дружески расположенного к Достоевскому, во многом разделявшего его взгляды, в «Хозяйке» впервые была затронута важнейшая для 1860-1870-х годов тема – взаимоотношений народа и интеллигенции, вызревавшая ещё за полвека до отмены крепостного права.

В то же время, на наш взгляд, литературная критика на повесть «Хозяйка» более объективно смогла взглянуть только после смерти Достоевского, когда наряду с общим повышением интереса к творчеству писателя произведение стало интерпретироваться как один из первых подступов к позднейшей социально-политической тематике, вершиной которой стали его повести и романы 1860-1870 гг.

Здесь в качестве подтверждения изменившегося в критике в отношении к повести Достоевского «Хозяйка» «климата» представляется нужным сослаться на сопровождающие издание «Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 1» [IV] комментарии Г. М. Фридендера, где сказано: «Сохраняя в «Хозяйке» внешнюю рамку «петербургской» повести, насыщенной в ее описательных частях материалом столичной «физиологии» (картины петербургской окраины, переезда бедняка на новую квартиру, его взаимоотношений с квартирохозяином, дворником, полицией и т. д.), Достоевский на место прежнего своего героя – бедного чиновника – ставит в центр повести новый, иной, более сложный в психологическом отношении характер молодого «мечтателя», – характер, которому вскоре после окончания «Хозяйки» он будет стремиться дать, как типическому явлению русской жизни конца 1840 х годов, широкое философско-историческое и социально-психологическое обоснование в своих фельетонах «Петербургская летопись» (1847). Образ «мечтателя» займет центральное место также в ряде последующих его про-

изведений – прежде всего в “Белых ночах” (1848) и “Неточке Незвановой” (1849)» [9].

В заключении нельзя не отметить, что в литературоведении и критике до сих пор не упоминается вклад в науку о творчестве Достоевского (в частности, и в осмысление места повести «Двойник» и «Хозяйка») основоположника евразийского литературоведения князя Николая Сергеевича Трубецкого, который, доказывая осуществленное Достоевским в изображении героев художественное новаторство, писал: «Что касается до художественных приемов, выработанных Достоевским в ранних произведениях, то все они находятся в связи с основным фактором – борьбой против бездушия гоголевских образов...» [8, с. 3]. Это, по сути, первое исследование, доказывающее преодоление Достоевским гоголевского влияния и направления в своем творчестве.

Таким образом, прочтение произведений Ф. М. Достоевского, в частности, и повести «Хозяйка» через призму евразийской концепции литературы и её методологии, позволило нам выявить принципиальное различие этого метода от предшествовавшей традиции анализа произведений литературы. При этом, основное внимание акцентируется на диалектике или эволюции отношений русской крити-

ки и читателей, публики 40-х годов XIX века к творчеству писателя этого периода.

Заключение

Представленный в статье анализ «Бедных людей», «Двойника» и «Хозяйки» в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы позволяет автору, во-первых, удостовериться в том, какое место они занимают как в творческом пути самого Достоевского, так и в более поздней литературе, и что в этом двуедином художественном процессе они имеют большое значение. Во-вторых, прием превращения объекта в субъект, с которым мы впервые встречаемся в «Бедных людях», в «Двойнике» выступает ещё ярче. В-третьих, техника описания художественных ситуаций в непосредственной близости, эта специфически «достоевская» техника, достигает в «Двойнике» высокой степени совершенства. В-четвертых, внутреннее раздвоение, борьба против собственного комплекса неполноценности, воплощение одной из сторон душевной жизни в виде искаженного изображения своей личности и сознания – все эти элементы поэтики встречаются вновь в зрелых произведениях Достоевского, формируя уже окончательно сложившийся к этому времени художественный метод писателя.

Литература

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://az.lib.ru> [дата обращения: 18.01 2023].
2. Воспоминания и исследования о творчестве Ф. М. Достоевского: документально-художественная литература. Т. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=336066> [дата обращения: 19.01 2023].
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Ноябрь. Гл. 1, § 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1877/> [дата обращения: 18.01 2023].
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 15 томах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publ.lib.ru> [дата обращения: 18.01 2023].
5. Достоевский Ф. М. Бедные люди. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://imwerden.de/> [дата обращения: 18.01 2023].

6. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы. 1846-1847. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.net> [дата обращения: 18.01 2023].
7. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы 1846-1847. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruslit.traumlibrary.net> [дата обращения: 18.01 2023].
8. Кукуева А. А. Творчество Ф. М. Достоевского в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/tvorchestvo-fjordora-mihajlovicha-dostoevskogo-v-kontekste-evrazijskoj-kulturno.html> [дата обращения: 18.01 2023].
9. Фридлендер Г. М. Комментарии: Ф. М. Достоевский «Двойник». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/02.htm> [дата обращения: 18.01 2023].

References

1. Belinsky V. G. Collected works. [Electronic resource]. Access mode: <http://az.lib.ru> [accessed 18.01 2023].
2. Memoirs and research about the work of F. M. Dostoevsky: documentary fiction. Vol. 3. [Electronic resource]. Access mode: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=336066> [accessed 19.01 2023].
3. Dostoevsky F. M. Writer's Diary. 1877. November. Chapter 1, § 2. [Electronic resource]. Access mode: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1877/> [accessed 18.01 2023].
4. Dostoevsky F. M. The complete collection of works in 15 volumes. [Electronic resource]. Access mode: <http://publ.lib.ru> [accessed 18.01 2023].
5. Dostoevsky F. M. Poor people. [Electronic resource]. Access mode: <http://imwerden.de/> [date of reference: 18.01 2023].
6. Dostoevsky F. M. Novellas and short stories. 1846-1847. Vol. 1. [Electronic resource]. Access mode: <https://coollib.net> [accessed 18.01 2023].
7. Dostoevsky F. M. Novellas and short stories 1846-1847. Vol. 1. [Electronic resource]. Access mode: <https://ruslit.traumlibrary.net> [accessed 18.01 2023].
8. Kukueva A. A. F. M. Dostoevsky's writing in the context of the Eurasian cultural and historical paradigm. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/tvorchestvo-fjodora-mihajlovicha-dostoevskogo-v-kontekste-evrazijskoj-kulturno.html> [accessed 18.01 2023].
9. Friedlander G. M. Comments: F. M. Dostoevsky "Double". [Electronic resource]. Access mode: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/02.htm> [accessed 18.01 2023].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Кукуева Асият Абдуллаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: kukueva.asiyat2015@yandex.ru

Магамдаров Румик Шихкеримович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: magamdarow@yandex.ru

Принята в печать 25.02.2023 г.

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Asiyat A. Kukueva, Ph. D. (Philology), assistant professor, the head of the chair of Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: kukueva.asiyat2015@yandex.ru

Rumik Sh. Magamdarov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the head of the chair of English Philology, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: magamdarow@yandex.ru

Received 25.02.2023.

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821(470.67)
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-66-71

Кумыкская публицистика 30-х годов XX века

© 2023 Шабаета Л. А., Магомедова С. А.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: leilatarki@mail.ru, sagidat.akhmedova@bk.ru

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является исследование состояния кумыкской публицистики 30-х годов минувшего столетия. **Методы.** Сравнительно-исторический, наблюдение и описание. **Результаты.** Рассматриваются публицистические произведения З. Батырмурзаева, Н. Батырмурзаева, Т. Бейбулатова, Х. Мусаева и др., опубликованные в журнале «Тангчолпан». **Выводы.** Собранные данные дают более полную картину развития кумыкской литературы и публицистики 30-х годов XX века.

Ключевые слова: публицистика, Тангчолпан, советская литература, классовая борьба, театр, идеи социализма.

Формат цитирования: Шабаета Л. А., Магомедова С. А. Кумыкская публицистика 30-х годов XX века // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 66-71. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-66-71

Kumyk Journalism in the 30s of the 20th Century

© 2019 Leyla A. Shabaeva, Sagidat A. Magomedova

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: leilatarki@mail.ru, sagidat.akhmedova@bk.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to study the state of the Kumyk journalism in the 30s of the last century. **Methods.** Comparative-historical, observation and description. **Results.** The authors consider the journalistic works by Z. Batyrmurzaev, N. Batyrmurzaev, T. Beybulatov, Kh. Musaev, etc., published in the "Tangcholpan" journal. **Conclusions.** The collected data give a more complete picture of the development of Kumyk literature and journalism of the 30s of the 20th century.

Keywords: journalism, Tangcholpan, Soviet literature, class struggle, theater, socialist ideas.

For citation: Shabaeva L. A., Magomedova S. A. Kumyk Journalism in the 30s of the 20th Century. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 66-71. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-66-71 (In Russian)

Введение

В 30-е годы наблюдается бурный процесс расширения потенциала информационного поля, в котором резко обозначились тенденции усиленной идеологизации общества, всех сфер общественной жизни и, в первую очередь, литературы, публицистики.

Как пишет известный исследователь дагестанской публицистики З. К. Магомедова: «Во многом стихийный поток публицистических публикаций 20-х годов теперь уже подчиняется целенаправленному организованному руководству. Литераторы сверяли свою деятельность с требованиями партии и государства... Задачей

газетно-журнального корпуса всей страны было сплочение народа вокруг партии, всемерное содействие выполнению задач, поставленных партией перед народом. Именно тогда зародилась та официальная лексика, которая в течение нескольких десятилетий пронизала все составные части советского человека. Заработал механизм канонизации идеологии, выработались основные постулаты мифологии, ставшей господствующей на протяжении десятилетий и усвоенной последующими поколениями уже на генном уровне» [7, с. 115].

Требование жесткого подчинения нормативным рамкам, необходимость постоянно находиться в русле метода социали-

стического реализма определили формирующуюся картину советской литературы.

В деле формирования дагестанской публицистики этого периода, как и в 20-е годы, большую роль сыграли газеты, журналы, литературно-художественные антологии. В начале 30-х годов на языках народов Дагестана стали появляться издания ДАПП (Дагестанской ассоциации пролетарских писателей), в которой сотрудничали многие писатели. В журнале «ДАПП» на кумыкском языке, изданном в 1932 году под редакцией Б. Астемирова, печатались Т. Бейбулатов, К. Султанов, Ю. Гереев, А.-В. Сулейманов, Аткай Аджаматов, В. Дыдымов.

Значительное количество публицистики было представлено в первых антологиях кумыкской советской литературы – «Ростки новой кумыкской литературы» («Янгы кьумукь адабиятны ысьюмлери», 1932), «Цветы» (Чечеклер», 1939), составленных А.-В. Сулеймановым и К. Султановым.

В 30-е годы Дагестан не был обойден вниманием русских писателей. В результате приезда в Дагестан Н. Тихонова, П. Павленко, В. Луговского в 1936 году в Москве был издан сборник очерков «Дагестан», а в 1937 году – «Дагестанский альманах», составленный Р. Фатуевым. В названных выше сборниках были размещены очерки русских писателей, посвящённые своеобразной красочной природе Дагестана и его замечательным людям – представителям самых разных профессий.

Материалы и методы исследования

З. К. Магомедова пишет, что в 30-е годы в Дагестане происходило развитие очерковой литературы, и что дагестанский очерк развивался в нескольких направлениях: литературный портрет различной модификации, художественно-публицистический очерк (эссе), проблемный (деревенский, производственный), лирический [7, с. 115].

К созданию очерков в кумыкской литературе обратились Ю. Гереев, К. Султанов, А. Аджаматов, А.-П. Салаватов, В. Дыдымов. Героями их очерков становились известные люди республики, писатели с яркими судьбами, труженики полей и представители других профессий. В 30-е годы свои многочисленные очерки, посвящённые поэтам прошлого и современности, опубликовали А. Сулейманов, К. Султанов, Ю. Гереев и др. Эти очерки были посвящены А. Какашуринскому, Й. Казаку,

Т. Бейбулатову, А. Магомедову, Д. Магомедову, К. Али и многим другим.

В проблемных очерках в открытой публицистической форме находила отражение борьба нового со старым в условиях нарастающей классовой борьбы, связанной с ликвидацией кулачества как класса. Проблемы аула решались в пользу социалистического переустройства жизни. Эти темы охватывали не только публицистику, но и другие жанры кумыкской литературы.

30-е годы были временем расцвета вульгарно-социологических взглядов на природу художественной литературы и развития декларативной ура-патриотической поэзии. РАПП и пролеткульт командовали парадом. Всех писателей, владеющих арабским языком, причисляли к религиозным фанатикам. Нередко художественная ценность поэтических произведений исходила не из анализа конкретных произведений, а из того, каково было социальное положение автора. Отвергалось творчество тех авторов, кто в той или иной мере был связан с духовенством и господствующим классом. В их число попали А. Какашуринский, М.-Э. Османов, Абусуфьян Акаев, Шихаммади кади и др.

Третировалось и творчество современных поэтов – Т. Бейбулатова, К. Али как не принявших новую власть, а А.-В. Сулейманова как автора пейзажных стихотворений. В те годы пейзажная и любовная лирика открыто осуждалась в качестве атрибутов буржуазной лирики.

Ура-патриотическая поэзия заполнила страницы газет и издаваемых поэтических сборников. При отрицании дореволюционной жизни, где «господствовал социальный гнёт», прославлялась жизнь при советской власти, даровавшей народам «свободу и счастье». Прославлялись не только колхозная жизнь, труд рабочего человека, но и великие стройки периода индустриализации – Магнитострой, ДнепроГЭС, Саратовский комбайновый завод и т. д. Создавалось впечатление, как будто поэзия состояла из одних лозунгов. В этом плане были созданы многие произведения, посвящённые революции, Октябрю, 1 мая, 8 марта, Советской власти и её вождям.

На состояние всей жизни того периода, культуры, литературы и искусства, в том числе и публицистики, пагубное влияние оказали репрессии, обстановка травли, подозрительности, когда любой человек,

независимо от ранга, мог быть арестован, подвергнут пыткам, сослан, расстрелян.

Вопреки неблагоприятным социально-политическим условиям в кумыкской литературе всё ещё продолжали развиваться средневековые формы литературной деятельности и гуманистические идеи Нового времени. Традиции дореволюционной хроникальной и гуманистической литературы были продолжены Н. Ханмурзаевым в его большой поэме-хронике «Что перевидел Дагестан», а также в лирической поэзии Абдурахмана Казиева и в его поэме «Зеркало Кумыкской равнины».

Об этом также свидетельствует и создание в 20-30-е годы Назиром из Доргели на арабском языке крупнейшего библиографического труда о дагестанских алимах, поэтах и писателях (их более 220) «Нухзат ал-азхан фи тариджим улама Дагестан» («Услада умов в биографиях дагестанских учёных»), охвативший семисотлетний период, который благодаря большим усилиям известного дагестанского ориенталиста Амри Рзаевича Шихсаидова, а также М. Кемпера, А. К. Бустановы был в 2004 году издан в Амстердаме в переводе на немецкий язык, а в 2012 году – в переводе на русский язык в Москве издательским домом Марджани.

Результаты и обсуждение

Развитие литературно-критической и эстетической мысли у кумыков началось ещё до революции в недрах творчества Абусуфьяна Акаева (вспомним его статью о том, как писать стихи, опубликованную ещё в «Дуа мажмуа») («Сборник молитв») (1910).

Позже литературоведческая и эстетическая мысль кумыков развивалась на страницах журнала «Танг-Чолпан» в 1917-1918 годах, в котором были опубликованы статьи, посвящённые литературе и искусству. Иначе и не могло быть, так как его издателями были поэт и музыкант Т. Бейбулатов, писатели Н. и З. Батырмурзаевы и художник Х. Мусаев, каждый из которых обладал незаурядным талантом в своей сфере.

Как отмечает М. А. Гусейнов, «культурная, литературная ориентированность журнала «Танг-Чолпан» подтверждается публикациями на его страницах поэтических и прозаических произведений З. Батырмурзаева, Т. Бейбулатова, переводов произведений классиков русской и европейской литературы Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, В. Гюго, К. Гамсуна и др.,

произведений кумыкского фольклора» [6, с. 115].

На страницах журнала «Тангчолпан» были опубликованы статьи З. Батырмурзаева «Что такое театр?», Н. Батырмурзаева «Несколько слов о тех, кто занимается литературой», Т. Бейбулатова «Эстетика – духовная пицца и музыка», Х. Мусаева «Эстетика – духовная пицца».

В первом же номере журнала в августе 1917 года была опубликована статья З. Батырмурзаева «Что такое театр?» [3], в которой автор отстаивает реалистические принципы отражения действительности. Он пишет, что театр является зеркалом жизни, т. е. отражает жизнь такой, какая она есть. З. Батырмурзаев пишет и о большой воспитательной роли театра, способного изменить взгляды и воззрения соотечественников.

Статья пронизана высокими идеями служения народу, родине и делу свободы народа. З. Батырмурзаев жалеет, что народ пока ещё находится в состоянии спячки, и надеется, что театр сможет оказать определённое воздействие в деле его пробуждения. Автор верит в возможность, что «революционные ветры могут резко повлиять на жизнь народа». В этом случае он отстаивает необходимость театра. Отсюда можно сделать вывод о том, что З. Батырмурзаев отстаивал не только высокое общественное назначение театра в жизни народа, но и подчёркивал его революционную роль в условиях острой классовой борьбы.

Следует сказать, что к тому времени З. Батырмурзаев был автором двух завершённых пьес: «В медресе пришёл мулла» и «Наперекор муллам», которые ставились ещё в 1916 году в Хасавюрте и окрестных сёлах.

Особого разговора заслуживает работа Халила Мусаева в журнале «Тангчолпан». Как уже было сказано, он был художником-редактором этого журнала. Портреты многих исторических и политических деятелей, опубликованных в журнале, выполнены им. Кроме того, журнал содержит целую серию картин, посвящённых истории, фольклору и жизни народов Дагестана.

Картина «К легенде о женщине-великанше» посвящена кумыкским легендам о женщинах-великаншах – албаслы. Из всех опубликованных в журнале «Тангчолпан» иллюстраций Х. Мусаева наиболее по-

трясающая воображение зрителя – это картина «Забытая песня Дагестана».

Х. Мусаев создавал и сатирические произведения. Одним из них является картина «Доктор медицины». На ней изображен больной в постели, рядом сидят женщина, видимо, жена и мулла, пишущий на колене какие-то слова. На переднем плане изображены зарезанная курица и чувяки. Под картиной воспроизводится следующая надпись – слова мุลлы, обращенные к больному: «Кровью этой курицы я напишу дуа (молитву), и это позволит ему сразу выздороветь. Из этой курицы я себе приготовлю суп».

Другая сатирическая картина Х. Мусаева, потрясающая своей дерзостью, называется «Дагестан на досуге». На ней изображен горец и горянка, она занята поисками насекомых на голове мужа.

Все упомянутые картины Х. Мусаева свидетельствуют о духовных запросах и интересах дагестанцев периода революционных перемен. Следует сказать, что Х. Мусаев не ограничился публикацией своих картин, он опубликовал на кумыкском языке статью «Эстетика – жан азыгы» («Эстетика – духовная пицца»), в которой писал, что художественное творчество живет с древнейших времен. Художник объясняет, для чего нужно художественное творчество. Он считает, что эстетическое чувство заложено в нас самой природой, что человек с древнейших времен во всем ищет красоту, гармонию. Х. Мусаев подчеркивает, что красота не имеет утилитарного значения: не может насытить человека, уберечь его от холода, от хищных зверей и т. д. Но он во всем ищет красоту и создает ее благодаря тому, что в нем самой природой заложено эстетическое чувство. Именно поэтому еще в древние времена человек, создавая себе оружие, одежду, жилище, двери, пытался украсить их красивым орнаментом, различными цветами.

Цивилизованный человек тоже старается окружить себя различными предметами, которые могут удовлетворить его интеллектуальные и эмоциональные потребности: картины, книги, скульптуры. Этим самым он обеспечивает себе духовную пиццу, без которой не мыслит своей жизни. Наличием именно этого чувства – чувства красоты – и отличается человек от остального животного мира, – утверждает художник.

Высокими патриотическими и гражданскими мотивами пронизана и статья Н. Батырмурзаева «Несколько слов тем, кто занимается литературным творчеством» [4]. Критик считал, что нравственные нормы, язык и взгляды на жизнь каждого народа воспитали писатели этого народа. Кроме того, они, по мнению писателя, везде боролись против гнета господствующих классов и других форм несправедливости, существующих в обществе, вели даже антиправительственную борьбу. Многие из них ради своих убеждений подверглись преследованиям, были изгнаны с насиженных мест, сосланы, посажены в тюрьмы, а иные даже поплавились головой.

Блестящим примером бескорыстного служения народу Н. Батырмурзаев считает жизнь Льва Толстого, который, защищая трудовой народ и выступая против гнета, подвергся гонениям и травле, которого попы отлучили от церкви, объявив сумасшедшим. Другим примером бесстрашного служения интересам трудового народа Н. Батырмурзаев считает деятельность М. Горького, которого также преследовали и который подолгу вынужден был жить за границей [2, с. 45].

В числе деятелей русской литературы, бескорыстно служивших интересам народа, Н. Батырмурзаев называет А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Такие писатели, считает критик, были и у других народов, они имеются и сейчас. Они завоевали большую любовь народа, т. к. каждая строка, каждое слово их творений служило интересам народа. Н. Батырмурзаев подчеркивает преданность этих писателей интересам народа, их неподкупность и бесстрашие. Именно эти качества позволили им навсегда остаться в памяти народа. В числе таких поэтов и писателей, живущих в памяти и в сердце народа, Н. Батырмурзаев называет М.-Ф. Ахундова и Абдуллу Тукая – великих сынов азербайджанского и татарского народов.

Как видно из статьи, Н. Батырмурзаев утверждал высокие идеи служения трудовому народу, его интересам. Он утверждал также необходимость твердости и мужества, неподкупности и честности писателям, вступившим на путь борьбы за счастье народа. Другого назначения писателя он не знал. Блестящим подтверждением его высоких гуманистических убеждений, преданности идеалам свободы народа

явилась его гибель от рук белогвардейцев в 1919 г.

В статье «Эстетика – духовная пища и музыка» [6] Т. Бейбулатов с присущим ему вдохновением и проникновенностью писал, что музыка является одним из необходимейших для человека видов духовной пищи. Она облагораживает человека, делает его добрее, вызывает в нем чувство прекрасного. С помощью музыки лечат людей с психическими расстройствами. В Индии с помощью музыки усмиряют, приручают змей, заставляют их танцевать, а также насекомых. С особой теплотой Т. Бейбулатов писал о Бетховене, о чудодейственной силе его «Лунной сонаты», услышав которую абсолютно слепая девушка увидела луну.

В 20-е годы литературоведческие статьи стали появляться в качестве предисловий к собственным книгам Т. Бейбулатова в виде газетных статей, посвященных творчеству тех или иных писателей.

В книге Б. Б. Чобан-заде «Заметки о языке и словесности кумыков» (Баку, 1926) были опубликованы небольшие очерки, посвященные кумыкской литературе – поэзии Й. Казака, М.-Э. Османова, Абусуфьяна Акаева, М. Алибекова, Н. Батырмурзаева, Т. Бейбулатова и А.-П. Салаватова.

В конце 20-х и в 30-е годы, можно сказать, окончательно сформировалась литературно-критическая мысль кумыков, и в ее формировании и становлении сыграли большую роль Т. Бейбулатов, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, К. Султанов, А. Аджаматов и многие другие.

С самого начала 30-х годов кумыкская литература имела своего профессиональ-

ного критика в лице К. Д. Султанова, который на протяжении многих десятилетий занимался не только изучением кумыкской литературы, творчества кумыкских писателей, но и писателей других народов Дагестана и даже Северного Кавказа [1].

Критика конца 20-х и 30-х годов прошлого века была довольно суровой, она была обременена вульгарно-социологическими (рапповскими, пролеткультовскими, футуристическими, лефовскими) воззрениями. Тем не менее, она была, и это состоявшийся факт.

К. Султанов в 30-е годы создал множество статей, посвященных как писателям прошлого – Абдурахману из Какашпур, Й. Казаку, М.-Э. Османову, М. Алибекову, Н. Батырмурзаеву, З. Батырмурзаеву, так и современникам, продолжающим жить и творить: Т. Бейбулатову, А. Магомедову, А.-В. Сулейманову и многим другим.

Вот характерные названия его статей на страницах газеты «Мусават» и журнала «Тангчолпан»: «Панисламизм и пантюркизм», «Вокруг кумыкской литературы», «Поэзия Т. Бейбулатова» и т. д.

В 30-е годы XX века многие стали интересоваться творческой практикой популярного народного сказителя Аява Акавова, впоследствии единственного, кто получил звание Народного сказителя Дагестана. Особенно интересовался его творчеством Э. Кашиев.

Заключение

Кумыкская литература советской эпохи, её жанровая система стали складываться уже в годы гражданской войны в жанрах публицистики, лирической, лиро-эпической поэзии, прозы и драматургии.

Литература

1. Абдулатипов А.-К. Ю., Шаббаева Л. А. История кумыкской литературы. 1917-1930 гг. Махачкала, 2016. 282 с.
2. Абдулатипов А.-К. Ю., Шаббаева Л. А. История кумыкской литературы (с 1917 по 1940 год). II часть. Махачкала, 2017. 176 с.
3. Батырмурзаев З. Что такое театр? // Тангчолпан. 1917. № 1. С. 28-45.
4. Батырмурзаев Н. Несколько слов тем, кто занимается литературным творчеством // Тангчолпан. 1918. № 8. С. 31-59.

5. Бейбулатов Т. Эстетика – духовная пища и музыка // Тангчолпан. 1917. № 8. С. 33-66.
6. Гусейнов М. А. Литература второй половины XIX – начала XX века // Абдулатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шаббаева Л. А.-К. История кумыкской литературы. Махачкала, 2015. 368 с.
7. Магомедова З. К. Дагестанская публицистика XX века: формирование, развитие, тенденции. Махачкала, 2005. 93 с

References

1. Abdullatipov A.-K. Yu., Shabaeva L. A. History of Kumyk literature. 1917-1930. Makhachkala, 2016. 282 p. (In Russian)

2. Abdullatipov A.-K. Yu., Shabaeva L. A. History of Kumyk literature (from 1917 to 1940). Part II. Makhachkala, 2017. 176 p. (In Russian)

3. Bатырмурзаев З. What is theater? In: Tangcholpan. 1917. No. 1. Pp. 28-45 p. (In Kumyk)

4. Bатырмурзаев Н. A few words to those who are engaged in literary creation. In: Tangcholpan. 1918. No. 8. Pp. 31-59. (In Kumyk)

5. Beybulatov T. Aesthetics, the spiritual food and music. In: Tangcholpan. 1917. No. 8. Pp. 33-66. (In Kumyk)

6. Guseynov M. A. Literature of the second half of the 19th and early 20th centuries. In: Abdullatipov A.-K. Yu., Guseynov M. A., Shabaeva L. A.-K. History of Kumyk literature. Makhachkala, 2015. 368 p. (In Russian)

7. Magomedova Z. K. Dagestan journalism of the 20th century: formation, development, trends. Makhachkala, 2005. 93 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Шабаета Лейла Абдулкадыровна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий кафедрой дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: leilatarki@mail.ru

Магомедова Сагидат Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: sagidat.akhmedova@bk.ru

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Leyla A. Shabaeva, Ph. D. (Philology), assistant professor, the head of the chair of Dagestan Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: leilatarki@mail.ru

Sagidat A. Magomedova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: sagidat.akhmedova@mail.ru

Принята в печать 25.02.2023 г.

Received 25.02.2023.

Литературоведение / Literature Studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК 82.09

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-71-75

«Неизвестный отрывок» А. А. Бестужева: опыт исторического прочтения

©2023 Эмирова Л. А.¹, Гаджибекова Н. С.²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: leylla.em@mail.ru

² Российский государственный университет туризма и сервиса (филиал), Махачкала, Россия; e-mail: gadzhibekova_natulya@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель данной работы – анализ малоизученного текста А. А. Бестужева-Марлинского, введенного в литературный оборот в 1975 году, однако по сей день оставляющего вопросы как в содержательном, так в структурном планах. **Методы.** Сравнительно-исторический, типологический. **Результаты.** «Неизвестный отрывок» – эпизод ненаписанной второй части «Вечеров на Кавказских водах» А. Бестужева-Марлинского, о замысле которого писатель не раз упоминал в письмах. **Выводы.** Данный текст, по-видимому, представлял особый интерес для писателя-декабриста, в связи с чем был выделен среди других набросков «Вечеров...» и тесно связан с собственными идеями о миссии России на Кавказе.

Ключевые слова: творчество А.А. Бестужева, декабристская литература, кавказский дискурс, тема Кавказской войны, романтическая повесть.

Формат цитирования: Эмирова Л. А., Гаджибекова Н. С. «Неизвестный отрывок» А. А. Бестужева: один опыт исторического прочтения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 71-75. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-71-75

"Unknown Passage" by A. A. Bestuzhev: Historical Interpretation Experience

©2023 Leyla A. Emirova ¹, Natalya S. Gadzhibekova ²

¹ Dagestan State Pedagogical University,

Makhachkala, Russia; e-mail: leylla.em@mail.ru,

² Russian State University of Tourism and Service (branch),

Makhachkala, Russia; e-mail: gadzhibekova_natulya@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to analyze the little-studied text by A. A. Bestuzhev-Marlinsky, introduced into literary circulation in 1975. To this day it leaves questions both in content and in structural terms. **Methods.** Comparative historical, typological. **Results.** "Unknown Passage" is an episode of the unwritten second part of "Evenings on the Caucasian Waters" by A. Bestuzhev-Marlinsky, the idea of which the writer repeatedly mentioned in his letters. **Conclusion.** This text, apparently, was of particular interest to the Decembrist writer, in connection with which it was singled out among other sketches of "Evenings ...", and is closely related to his own ideas about the mission of Russia in the Caucasus.

Keywords: A. A. Bestuzhev, Decembrist literature, Caucasian discourse, Caucasian War theme, romantic story.

For citation: Emirova L. A., Gadzhibekova N. S. "Unknown Passage" by A. A. Bestuzhev: Historical Interpretation Experience. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 71-75. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-71-75 (In Russian)

Введение

Еще в 1975 году появляется в печати так называемый «Неизвестный текст А. А. Бестужева», обнаруженный коллективом ученых в архиве семьи Бестужевых. Текст представляет собой небольшой сюжетный эпизод, состоящий, в основном, из диалога двух персонажей: Полковника и Драгунского Капитана. Относительно происхождения этого отрывка исследователь Б. Н. Капелюш выразил предположение, что «это сцена, либо принадлежащая ранней редакции какого-то произведения, либо предназначавшаяся для ненаписанного очерка или повести «кавказского» цикла (1830-1836 гг.)» [5, с. 290]. Здесь же отмечается, что «ни содержание, ни внешние признаки рукописи не дают возможности более тонкой датировки ее или приурочивания...» [5, с.2 91].

К вопросам «приурочивания» данного текста более не возвращались, хотя эта проблема безусловно интересна с точки зрения и бестужеведения, и истории литературы данного периода. Но вначале рассмотрим сам отрывок, который действительно представляет «значительный интерес» [5, с. 291].

Материалы и методы исследования

Отрывок состоит из диалога двух героев – Драгунского Капитана и Полковника

– о сущности и методах завоевания Кавказа. Герои предлагают альтернативные версии продвижения: «с плугом и рублем» и «трехгранными доказательствами». Вторая версия, озвученная Драгунским Капитаном, т. е. действующим военным, вполне соответствовала характеру Кавказской войны и поэтому, вероятно, не привлекла внимание исследователей. Однако в полных энтузиазма тирадах офицера слышится вполне узнаваемый для современников голос, в свое время поднимавший вопросы кавказской экспансии. Голос этот был хорошо знаком А. А. Бестужеву – это декабрист Пестель со своим планом гражданского переустройства России, включая Кавказский регион. Именно он рекомендовал политику «трехгранных доказательств», с помощью которых должно было состояться вытеснение воинственных горцев со своих земель: «...Разделить все сии Кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям...» [4, с. 286-287]. Идеи Пестеля разделял декабрист А. Е. Розен, убежденный, что горцы способны уважать только сильных соперников. В отрывке Бестужева

читаем: «Дали бы мне волю над этим краем хоть на одно лето, я бы населил Оренбург или Финляндию этими разбойниками-узденями, которых не усовестишь ни крестом, ни пестом» [5, с. 293]. Планы Пестеля были для своего времени по-своему либеральны, все-таки он пытался уравнивать права жителей всех губерний и регионов, пусть и через культурную нивелировку.

Пестель в конституционном проекте «Русская правда» (1823 г.) выражает собственное видение нового мира, но в тексте Бестужева их озвучивает не Полковник (Пестель – полковник), а Капитан. Полковник же в отрывке Бестужева – сторонник совершенно отличных от позиций полковника Пестеля взглядов. Предлагая преобразовать Кавказ в ферму и полигон для капиталистических экспериментов, он, в свою очередь, тоже не был одинок в представлениях о кавказских выгодах для Отечества. Голос Полковника – своего рода литературное эхо, учитывая, что план Закавказской кампании уже был составлен, и не кем-нибудь, а самим А. С. Грибоедовым, поэтом, дипломатом и добрым другом А. А. Бестужева. Дружбой с Грибоедовым Бестужев чрезвычайно гордился, и среди сохранившихся черновиков писателя есть очерк-воспоминание о Грибоедове, по-видимому, появившийся после трагической гибели поэта, весть о которой до Якутии, где в ссылке находился Бестужев, дошла не сразу. Грибоедов, который в свое время назвал восстание 14 декабря 1825 года «бунтом сотни прапорщиков», впоследствии немало позаботился о смягчении участи этих «прапорщиков». В частности, известно о его настойчивых попытках посодействовать переводу А. А. Бестужева из Якутии на Кавказ. Об этом знал Бестужев и не раз вспоминал о Грибоедове с благодарностью в письмах.

С проектом Закавказской кампании Бестужев ознакомился, по всей вероятности, через корреспондентские связи с Тифлискими ведомостями, в том числе с их редактором. Намеки на это содержатся в письмах Бестужева, в частности, в письме братьям Полевым: «А компания закавказская? А проекты об усмирении Кавказа торговлей? Право, стыдно и смешно говорить о том» (Дербент, 14 декабря 1832 г.). Очевидно, что голос Бестужева не готов включиться в хор сторонников «торговлей опутывания дикаря» [5, с. 292], его позиции остаются вне сюжета «Неизвестного

текста». Да и при жизни Грибоедова у его проекта было достаточно критиков, в том числе, известный декабрист, полковник Бурцов, так же служивший на Кавказе и переживший Грибоедова всего на полгода. У историка Н. Эйдельмана проект Закавказской кампании Грибоедова-Завицкий определен как совершенно утопический [7, с.1 50-168].

Результаты и обсуждение

Несмотря на эпизодичность и фрагментарность отрывка Бестужева, он дает вполне конкретное представление о сюжете, персонажах, месте действия: несколько русских офицеров на Кавказе (Приэльбрусье) вместе с черкесами выступили в поход с целью похищения красавицы «от жениха» – вполне романтический сюжет. И вот здесь возникает то самое «приурочивание», вызывающее интерес.

Набросок сюжета «Отрывка» указывает на связь его с другим произведением А. А. Бестужева – «Вечер на Кавказских водах», появившемся в печати в 1830 году. Повесть сюжетно также не завершена, и сам автор в письмах к издателям неоднократно говорил о намерении написать следующую часть. В частности, в письме к А. М. Андрееву от 9 апреля 1831 года он пишет: «Продолжение «Вечера на Кавказских водах» еще не писал, но теперь же примусь» [3, с. 498]. Сохранился отрывок «Продолжения вечера на Кавказских водах», повествование в котором, в основном, представляет эпизод рассказа героя-венгерца о романтической любви к русской красавице.

«Вечер на Кавказских водах» был написан в 1829-30 гг. Начало повести почти идентично началу «Неизвестного отрывка» А. Бестужева: то же место, та же атмосфера, тот же стиль изложения. Действующие лица отрывка – Полковник и Драгунский Капитан – среди пестрой компании гостей Кисловодска появятся уже на первой странице повести.

Учитывая сложности походной жизни, не располагавшей к спокойному писательскому творчеству, о чем не раз писал Бестужев, можно предположить, что части текста «Вечеров...» появлялись в разное время. Однако данный отрывок, по-видимому, обладал самостоятельной ценностью, выражая авторскую позицию, вследствие чего был выделен из текста. Как отмечает Б.Н. Капеллош, «ни в одном из известных нам произведений писателя

она (позиция – Л. Э.) не выявилась с такой почти публицистической обнаженностью» [5, с. 290].

Уже с первыми шагами Российской империи на Северном Кавказе возникла необходимость решения насущной проблемы: «создания универсальных проектов покорения горцев, поскольку многолетний опыт показал, что строительство оборонительных линий и проведение карательных экспедиций оказались малодейственными» [4, с. 290]. Военная политика здесь принимает две противоположные формы выражения, в разное время с разным преобладанием: силовая и колонизаторская. Первая – на начальном этапе освоения Кавказа была преимущественная, так как все иные представлялись обеим сторонам проявлением политической слабости и военной немощи. Эти идеи в тексте «Неизвестного отрывка» Бестужева активно проводит Драгунский Капитан, разъясняя читателям ее политические и экономические выгоды для русской стороны.

Концепция «мирного» покорения Кавказа посредством налаживания торговых, экономических связей, излагаемая Полковником, имела достаточно своих сторонников среди военных и статских чинов России периода Кавказской войны. Например, князь Г. Г. Гагарин: «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании» [4, с.291]. Были и инициаторы покорения Кавказа «крестом» (со слов Полковника: «Горцы не такие фанатики, как прочие мусульмане, и евангельское учение укротило, обуздало бы их бурные нравы, уничтожило бы их разбойничьи привычки»). Идея противопоставления православия исламу на Кавказе в свое время презентовалась Н. М. Карамзиным [см.: 6, с. 258]. Сторонником христианизации населения Кавказа выступал писатель В. А. Соллогуб, видевший в Кавказской войне «не ... завоевание, но крест» [4, с. 289]. Писатель и военный человек А. А. Бестужев весьма трезво оценивает подобные перспективы, вкладывая в уста Драгунского Капитана ироничное замечание: «Недавно было завелась у горцев преудивительная ревность к чтению священных книг, на их язык переведенных ... волами требуют книг из библейского обще-

ства. Что ж бы вы думали? Во всех стычках с нами патроны их были, кажется <?> из даре<ных> книг» [5, с. 294].

Заключение

Кавказская война обнажила многие проблемы Российской действительности первой половины XIX века, участникам и даже наблюдателям событий они были очевидны. В частности, встал вопрос о культурной, национальной идентичности жителей российских окраин: Кавказа, Сибири, Урала и т. д. Очевидно, что десятилетия русско-кавказского противостояния ничуть не продвинули Россию в представлениях и знаниях о Кавказском регионе. Знаменитое пушкинское выражение «мы ленивы и нелюбопытны» в данном случае становилось серьезным препятствием в процессе продвижения России на Кавказ. А. Бестужев писал «Мы жалуемся, что у нас нет порядочных сведений о народах Кавказа... Да кто же в этом виноват, если не мы сами? Тридцать лет владеем всеми выходами из ущелий; тридцать лет опоясываем угорья стальной цепью штыков и до сих пор офицеры наши вместо полезных или по крайней мере занимательных известий вывозили с Кавказа одни шапки, наговицы да пояски под чернью. ... Да и здесь, теперь, слушая хладнокровные толки товарищей, подумаешь, что в этой стране вовсе нечего узнавать, что о действиях русских не стоит помнить, и между тем никакой край мира не может быть столь нов для философа, для историка, для романтика» [1, с. 455].

Волей обстоятельств заброшенные в Сибирь и на Кавказ декабристы и здесь сослужили добрую службу Отечеству, представив России картины нравов, обычаев, быта жителей национальных окраин, что более способствовало укреплению связей и отношений, чем политики «трехгранных доказательств» или колонизаторская. В «Неизвестном отрывке» голос автора скрыт в диалоге персонажей, с которыми он далеко не во всем солидарен. Оба пути – и «мирный», экономический, и военный – бесперспективны в отсутствии точных знаний о кавказских горцах. Прочный фундамент для будущего мирного русско-кавказского сосуществования может быть построен на базе культурного диалога, о необходимости которого мало кто из современников Бестужева говорил.

Литература

1. Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. М.: Художественная литература, 1953.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1958.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981.
4. Журтова А. А., Максимчик А. Н. Историография российско-кавказских отношений в

XVI–XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

5. Капелюш Б. Н. Неизвестный текст А. А. Бестужева // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 290–294.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 6 кн. М., 1993.
7. Эйдельман Н. «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. 310 с.

References

1. Bazanov V. Essays on the Decembrist literature. Journalism. Prose. Criticism. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura publ., 1953. (In Russian)
2. Bestuzhev-Marlinsky A. A. Collected works: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura publ., 1958. (In Russian)
3. Bestuzhev-Marlinsky A. A. Collected works: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura publ., 1981. (In Russian)
4. Zhurtova A. A., Maksimchik A. N. Historiography of Russian-Caucasian relations in the 16th–19th centuries: two approaches to understanding

the problem. Vladikavkaz, NOIHR VSC RAS, 2017. (In Russian)

5. Kapelyush B. N. Unknown text by A. A. Bestuzhev. In: Literary heritage of the Decembrists. Leningrad, Nauka publ., 1975. Pp. 290–294. (In Russian)
6. Karamzin N. M. History of the Russian state: in 6 volumes. Moscow, 1993. (In Russian)
7. Eidelman N. “It may be behind the ridge of the Caucasus ...” (Russian literature and social thought of the first half of the 19th century. Caucasian context). Moscow: Nauka publ., 1990. 310 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Эмирова Лейла Абдурагимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: leylla.em@mail.ru

Гаджибекова Наталья Саадиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Российский государственный университет туризма и сервиса (филиал), Махачкала, Россия; e-mail: gadzhibekova_natulya@mail.ru

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Leyla A. Emirova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: leylla.em@mail.ru

Natalya S. Gadzhibekova, Ph. D. (Philology), senior lecturer, Russian State University of Tourism and Service (branch), Makhachkala, Russia; e-mail: gadzhibekova_natulya@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

Received 25.01.2023.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.35

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-76-83

Лингвокультурологический анализ средств вербализации концепта «время» в английском и табасаранском языках

©2023 Алибекова Л. П.², Баранникова Т. Б.^{1,2}

¹ Дагестанский государственный педагогический университет,

² Дагестанский государственный университет,

Махачкала, Россия; e-mail: pirmuradova97@mail.ru,
tatyanaabarannikova@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель данной статьи состоит в определении сходств и различий в средствах объективации концепта «время» в английской и табасаранской лингвокультурах, Основные **методы** исследования, привлекаемые в работе, включают описательный метод, сопоставительный метод, метод концептуального анализа, метод анализа словарных дефиниций, перевод, количественные подсчеты. **Результаты и выводы.** Выявлены сходства и расхождения в этимологии и семантической структуре лексем, номинирующих время в исследуемых языках, в их темпоральном фразеологическом фонде, а также в восприятии времени носителями сопоставляемых лингвокультур. Обозначены факторы, лежащие в основе наблюдаемой общности и национально-культурной специфики смыслового содержания английских и табасаранских пословиц с компонентом «время».

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический анализ, концепт «время», английский, табасаранский, сходства и различия, восприятие времени.

Формат цитирования: Алибекова Л. П., Баранникова Т. Б. Лингвокультурологический анализ средств вербализации концепта «время» в английском и табасаранском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 76-83. DOI: 10.31161/1995-0667-2020-17-1-76-83

Linguistic and Cultural Analysis of Verbalization Means of the *Time* Concept in English and Tabasaran Languages

©2023 Limat P. Alibekova², Tatyana B. Barannikova^{1,2}

¹ Dagestan State Pedagogical University,

² Dagestan State University,

Makhachkala, Russia; e-mail: pirmuradova97@mail.ru,
tatyanaabarannikova@mail.ru

ABSTRACT. The **aim** of the paper consists in identifying similarities and differences in the means of objectifying the concept of "time" in the English and Tabasaran linguocultures. The main research **methods** involved in the work include the descriptive method, the comparative method, the method of conceptual analysis, the method of analyzing dictionary definitions, translation, quantitative calculations. **Results and**

conclusions. The authors reveal the similarities and discrepancies in the etymology and the semantic structure of the lexemes nominating time in the languages studied, in their temporal phraseological fund, as well as in the perception of time by the carriers of the linguocultures compared. It also indicates the factors underlying the observed commonality and national-cultural specificity of the semantic content of the English and Tabasaran proverbs with the component "time".

Key words: concept, linguocultural analysis, concept of "time", English, Tabasaran, similarities and differences, perception of time.

For citation: Alibekova L. P., Barannikova T. B. Linguistic and Cultural Analysis of Verbalization Means of the *Time* Concept in English and Tabasaran Languages. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 76-83. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-76-83 (In Russian)

Введение

В последние десятилетия языковедческие работы по изучению одного из ведущих универсальных концептов – концепта «время» рассматривают его не только с позиций когнитивной лингвистики, но и лингвокультурологии. Неповторимость темпоральной картины мира любого языка становится более очевидной на фоне конфронтации с языком иной структурной типологии и культурно-исторических традиций. Следует, тем не менее, отметить, что исследований, выполненных в данном направлении, сравнительно немного.

Актуальность настоящей публикации, посвященной лингвокультурологическому анализу средств реализации концепта «время» в английском и табасаранском языках, определяется тем, что 1) концепт «время» относится к числу ведущих универсальных концептов, 2) он обладает высоким лингвокультурологическим потенциалом, 3) данный концепт сравнительно мало подвергался сопоставительному анализу на материале разноструктурных языков, отличающихся национально-культурным своеобразием, между тем, этот способ описания открывает перспективы дальнейшего исследования объекта, 4) результаты подобного анализа могут способствовать углублению представлений о языковых картинах мира многочисленных языков коренных народов Республики Дагестан, не получивших в современной лингвистике достаточного освещения.

В истории лингвистики категории времени посвящено значительное число работ, выполненных на материале различных языков и в русле различных направлений. Наибольший интерес у современных исследователей вызывают лингвокультурологические особенности вербали-

зации концептов времени. Они изучаются как в одноязычном, так и в сопоставительном ракурсах. В частности, лингвокультурный подход реализован при описании концепта «время» в русском, английском, немецком и других языках. Сопоставительный лингвокультурологический анализ концепта времени проводился на материале американской и русской темпоральных концептосфер, русского и башкирского языков, на материале фразеологических единиц немецкого и русского языков, в русской, французской и конголезской языковых картинах мира [2], во фразеологических единицах английского, испанского и русского, в кумыкской и русской лингвокультурах, в паремиях русского, татарского и английского языков, во французском и русском языках, в английской и немецкой лингвокультурах, на материале средств реализации концепта «время» в поэзии А. С. Пушкина и И. В. Гёте и др. В сопоставительном аспекте выполнено коллективное монографическое исследование «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками» [2012] и другие работы.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что комплексный лингвокультурологический анализ средств реализации концепта «время» в такой совокупности языков, как английский и табасаранский, проводится впервые. Работы, выполненные в русле лингвокультурологического направления исследования концепта времени, в которых в качестве языка сопоставления привлекались дагестанские языки, единичны. В частности, это кандидатская диссертация Р. И. Сутаевой [9], посвященная лингвокультурологическому анализу концепта «время» в русском и

аварском языках. Некоторым образом затронуты лингвокультурологические особенности темпоральной лексики в лезгинском, английском и немецком языках в кандидатской диссертации С. И. Асалиевой [1]. В одноязычном плане концепт «время» представлен в широком ряду концептов пословичного фонда табасаранского языка в исследованиях М. А. Гасановой [4, 5].

Материал и методы

Источником фактического материала исследования являются данные, взятые из толковых, фразеологических и переводных словарей английского и табасаранского языков, лингвистической и художественной литературы и других источников. Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса методов, включающих описательный метод, семантический анализ, сопоставительный метод, этимологический, дефиниционный и концептуальный анализ, количественные подсчеты и др.

Результаты исследования

Цель настоящей статьи, заключающаяся в выявлении и комплексном сопоставлении средств реализации концепта «время» в английской и табасаранской лингвокультурах, предполагала, прежде всего, приоритетное рассмотрение ряда теоретических вопросов изучения концепта, продолжающих оставаться в современной лингвистике дискуссионными. В частности, в задачи исследования входило определение терминологической базы исследования, краткий анализ исторического развития концепта «время» и обозначение модели его структурно-семантической организации.

В итоге разграничения таких терминов, как «концепт» и «понятие» и выделения сходств и различий в когнитивном и лингвокультурологическом подходах к определению концепта, в качестве исходного определения концепта в настоящей работе была принята его «компромиссная» дефиниция как «единицы коллективного знания/сознания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой» [3, с. 70], объединяющая, в нашем понимании, в себе оба указанных подхода. При этом нами учитывается мнение исследователей, считающих, что основное отличие лингвокультурного концепта от лингвокогнитивного состоит

в акцентуации в нем ценностного компонента [7 и др.].

В понимании структуры лингвокультурного концепта за основу была принята концепция В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина [7], представляющая культурный концепт в языковом сознании как многоуровневую сеть смыслов, выражаемых лексическими, фразеологическими и паремиологическими единицами, а также определенными речевыми поведенческими тактиками, способными отражать повторяющиеся фрагменты социальной жизни. В соответствии с ней была намечена структура анализа концепта «время», включающая рассмотрение этимологии номинантов концепта, их семантической структуры, фразеологической семантики, а также восприятия времени носителями лингвокультуры, в нашем случае англичанами и табасаранцами. В результате рассмотрения краткой истории развития концепта «время» в различных культурно-исторических эпохах были выделены основания сопоставления восприятия времени различными лингвокультурными сообществами с точки зрения его линейности/цикличности, а также фактора полихронности/монокронности культур [12].

Наиболее значимые признаки концепта «время» в английской и табасаранской языковых картинах мира, свидетельствующие об общности культурных ценностей и о сходстве восприятия окружающей действительности табасаранцами и англичанами, в частности, включали следующее.

1. Для английского языка характерным является деление суток на временные отрезки: *dawn, morning, day, noon, afternoon, evening, dusk, night, midnight*. Аналогичное деление свойственно и табасаранскому языку: *axsrap, gvaclin, йигъ, лисун, лисунжи вахт, гьябяхъ, лаблан, йишив, гьяцлишвар*. В результате анализа в английском и табасаранском языках найдено 9 полных соответствий.

2. Средства реализации исследуемого концепта в сопоставляемых лингвокультурах образуют, с одной стороны, бинарную систему оппозиций, представляющих некую общую космическую картину мира:

- *morning* (утро), *gvaclin – evening* (вечер), *гьябяхъ*;
- *day* (день), *йигъ – night* (ночь), *йишив*;
- *noon* (полдень), *лисунжи вахт – midnight* (полночь) – *гьяцлишвар*;

– *spring* (весна), *хадукар* – *autumn* (осень), *чвул*;

– *summer* (лето), *хад* – *winter* (зима), *кьюрд*, с другой стороны, – линейное время (англ. *second* «секунда» – таб. *секунд*; англ. *minute* «минута» – таб. *минут*; англ. *an hour* «час» – таб. *сяат*; *week* «неделя» – таб. *глафта*; *month* «месяц» – таб. *ваз*; *year* «год» – таб. *йис*; *century* «век» – таб. *варж йис*.

В обеих лингвокультурах лексемы, обозначающие день, англ. *day* и таб. *йигь*, имеют два значения: 1) светлая часть дня, и 2) сутки. Лексемы же, обозначающие ночь, англ. «*night*» и таб. «*йишв*», имеют одно значение: «темная часть суток».

3. Проведенный анализ показал, что фразеологические единицы и паремии времени, составляющие весомую часть соответствующих фондов в обоих сопоставляемых языках, в значительной мере обнаруживают сходное смысловое содержание, что может быть обусловлено тем, что время является универсальной категорией человеческого сознания. Было определено, что сходные когнитивные структуры присутствуют в большей мере в паремиях, содержащих, главным образом, абстрактные представления об изменчивости времени, о прошлом и будущем, своевременности действий, спешке и промедлении и др. В обеих картинах мира высоко ценятся время, а порицается бессельная трата времени. Выделяемое сходство являлось как полным, так и частичным. Так, предпочтение сегодняшнему дню в оппозиции «сегодня – завтра», отдаваемое представителями обеих лингвокультур, обнаруживает в языковом выражении высокую степень сходства: *Do not do tomorrow what you can do today* «Не делай завтра то, что можешь сделать сегодня» – таб. *Гъи аИруб закуриз мишлдипан* «Что можно делать сегодня, не откладывая на завтра». Ср. с частичным смысловым сходством, основанным, как правило, на различных образах: *One swallow does not make a summer* «Одна ласточка лета не делает» и *Саб кюкдин хьад даршул* «Один цветок лета не делает» [6, с. 121]. Английская поговорка построена на образе ласточки, табасаранская – цветка.

4. Определенное сходство отмечается в проводимом вербальном разграничении между понятиями реальное время и грамматическое время: в английском языке реальное время номинируется как *time*, а грамматическое время как *tense*, в табасаран-

ском основной номинант реального времени – *замана*, а в качестве грамматического времени выступает лексико-семантический вариант синонимичной единицы *вахт*, означающей время. Ср.: в русском языке реальное и грамматическое время имеют единое вербальное выражение.

Что касается специфики средств реализации исследуемого концепта в сопоставляемых лингвокультурах, то она проявляется в следующем.

1. В языках исследования различия этимология основных номинантов времени. В английском языке лексема «*time*» считается исконной, имеющей индоевропейское и древнегерманское происхождение [13]. В табасаранском языке номинант концепта «*замана*» заимствован из арабского языка, как и ряд других синонимичных наименований времени: *вахт* (араб.) «1. Время, 2. Время, пора»; *вягда* (араб.) «срок, период»; *фарси* – *бере* (фарс.) «1. Время, период, 2. Время зрелости, расцвета» и др. Среди причин заимствований могут быть усмотрены религиозные ориентиры, а также языковые контакты.

2. Семантическая структура лексем «*time*» и «*замана*», называющих время, судя по лексикографическим данным [10; 11], различается в сопоставляемых языках по степени подробности или обобщенности их репрезентации: в английском языке в сопоставлении с табасаранским она более сложная и более детально объективирующая темпоральную картину мира.

3. К культурно-маркированным фразеологическим единицам и паремиям времени, обусловленными иным видением мира разными культурными и этническими сообществами, в английском языке на фоне табасаранского могут быть отнесены, например, такие, как *donkey's years* (досл. ослиные годы) «целая вечность», *daft days* (досл. дурацкие дни) – веселые рождественские дни, *dog days* (досл. собачьи дни) – знойные, жаркие дни, *All work and no play makes Jack a dull boy* «В дружбе с делом, в ссоре с бездельем – бедняга Джек не знаком с весельем и др.

Национально-специфическими фразеологическими единицами и паремиями табасаранского языка в сопоставлении с английским, как правило, являются единицы, построенные на лакунарных образах и реалиях. Например, в поговорке *КучИлин манзил – уьлин чIвель* «У лжи длина до обеда» [6, с. 93] фигурирует образ «чIвель», небольшой деревянной лопатки с

короткой ручкой для вытаскивания хлеба из духовки. В силу этого составитель словаря сочла необходимым эксплицировать данную реалию и представить буквальный перевод [букв.: «У лжи длина, как у маленькой деревянной лопатки для хлеба»]. Аналогично: в пословице *Ляхнигъан бахтнагъна юкьуб члибтан адар* «От работы до счастья – четыре пяди» [6, с. 105] присутствует образ члиб, представленный как [члиб – расстояние между кончиками большого пальца и мизинца]. Ср. также: *Лисуз Селим, лисхъан Керим даршул* «До обеда Селимом, после обеда Керимом нельзя быть» [6, с. 104] и др.

4. В основе выделенной специфики передаваемых образов находятся следующие экстралингвистические факторы:

а) географическая среда (ср., например, в табасаранских пословицах присутствуют явления и объекты горного ландшафта «бурная река», «облака, ударяющиеся о горы» и др.);

б) быт, имена собственные (ср. табасаранские пословицы, в которой присутствуют реалии быта «бурка», «арба», «небольшая деревянная лопатка с короткой ручкой для вытаскивания хлеба из печи» и др.);

в) традиции (англ. *cap and feather days* «дни детства», табасаранские пословицы, в которых говорится об уважении к старшим);

г) религия (изречения из Библии и Корана),

д) этническое соседство (*the moment of truth* является калькой из испанского языка *momento de la verdad*), восходит к бою быков – корриде, где означало «нанесение матадором последнего удара»),

е) история, мифология, литература и т. д. (англ. *cock-shut time* – сумерки (шекспировское выражение «Ричард III», гл. 5, сц. 3)) и др.

Материал исследования был проанализирован и с точки зрения восприятия времени представителями сопоставляемых лингвокультур в соответствии с параметрами, выделяемыми Э. Холлом [12]. Рассматривая ориентацию во времени как одну из основных характеристик культуры, американский исследователь разграничивает монохронные и полихронные культуры. В первых, ввиду линейного восприятия времени, соблюдается последовательность совершаемых действий в определенные единицы времени, и большую роль играет пунктуальность. В «полихронных» культурах время восприни-

мается как циклическое, нет жестких временных ограничений в выполнении определенной деятельности.

Описывая на базе предложенной Э. Холлом классификации восприятие времени представителями английской лингвокультуры, И. П. Кудрявцева полагает что в «современном языковом сознании англичан отмечается "линейность" в восприятии времени. У представителей западной культуры время прежде всего вызывает ассоциации, которые отражают быстроту, стремительность течения времени, его спрессованность, дефицит, отсутствие, недостаточность» [8, с. 5]. Следует отметить, что наряду с этой характеристикой английское общество, как показывает проведенный нами анализ темпорального фразеологического фонда английского языка, проявляет определенную двойственность в восприятии времени. Так, с одной стороны, ему свойственны характеристики, присутствующие в монохронной культуре, что может быть проиллюстрировано такими паремиями, как *Punctuality is the best virtue* «Пунктуальность – лучшая добродетель»; *Who gains time gains everything* «Тот, кто найдет время, получит все»; *Time is money* «Время – деньги» и др. В них актуализируется восприятие времени как ограниченного ресурса, упущенный момент не вернется никогда, что требует от человека своевременных действий. Англичане ориентированы, прежде всего, на настоящее. Ср.: *There is no time like the present* «нет лучшего времени, чем настоящее»; *Never put off till tomorrow that you can do today* «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня»; *Tomorrow never comes* и др.

С другой стороны, как показывает эмпирический материал, английской культуре также присуще восприятие времени как цикла, что указывает на наличие «полихронных» характеристик, иллюстрацией чего выступают такие пословицы, как *All in good time* «Все свое время»; *Time will tell* «Время покажет»; *An hour in the morning is worth two in the evening* «Час утром стоит двух вечером» (ср. в русском: «Утро вечера мудренее») и др. Для английского языкового сознания свойственно восприятие времени как плавного течения, что может быть подтверждено материалом следующих пословиц: *Slow and steady wins the race* «досл. медленный и упорный выигрывает гонку» (ср. в рус-

ском: «Тише едешь – дальше будешь»); *Better late than never* «Лучше поздно, чем никогда»; *The more haste, the less speed / Haste makes waste* (ср. в русском: «Поспешишь – людей насмешишь»); *It is never long that comes at last / «Between promising and performing, man may marry his daughter* (ср. в русском: «Обещанного три года ждут». Время в сознании представителей англоязычной культуры может выступать в роли чего-то мистического, неподвластного человеку: *Time and tide wait for no man* «Время и прилив не ждут никого»; *Time works wonders* «Время творит чудеса».

Рассматривая материал исследования по табасаранской лингвокультуре с точки зрения ее отнесенности к полихронному/монокронному типу, отметим, что, хотя традиционно кавказская культура считается принадлежащей к «полихронному» типу культур, в восприятии времени табасаранцами отмечается как фактор цикличности, свойственный полихронной культуре, так и линейность времени, характерная для монокронной культуры. Например, с одной стороны, табасаранцы полагают, что время циклично, движется в соответствии со своими законами, оно никому не подвластно, и, в связи с этим не стоит проявлять поспешность или опрометчивость. Ср.: *Ахсарар ккивуб даттли уь-уь ап1бакан асилу да* «Восход солнца/заря не зависит от кукареканья петуха» [6, с.11], *Лиж гьурдар к1ури, хьяхь шулдаринхъа?* «Оттого, что стадо не вернулось, вечер разве не наступит?» [6, с. 03].

С другой стороны, подобно представителям «монокронной» культуры, табасаранцы порицают потерю времени, его бесцельное прохождение. Как отмечает М. А. Гасанова, в табасаранском языке «поспешность и опрометчивость в большей части пословиц порицаются, хотя могут быть обозначены ситуации, когда необходимо действовать и быстро»: *Гьялаквал ч1удар дисруган, фикир лихруган лазим ву* «Спешка нужна, когда блох ловишь, и думать нужно, когда работаешь» [5, с. 31]. Ср. также: *Вахт ккадан1ара – мягьсул хил'ан адан1ара* «Время тянуть – из руки зерно упустить», «Упустишь время, урожай потеряешь» [6, с. 26]; *Ихтилатну к1ари жанавриз тувру* «За разговорами теленка волкам отдают» [6, с. 84]; *Кечел риш кабалгайиз сумчир алдабгьну* «Пока плешивого дочка наряжалась, свадьба закончилась». Вариант: *Кечел риш кабалгайиз, диван ккудубк1ну* «Пока плешивая де-

вушка наряжалась, суд закончился» [6, с. 91]; *Кьяляхъна хьуркьуриз, я гьац1ар, я кьац* «Кто последний пришел, тому или половинки, или объедки» [6, с. 98].

Непунктуальность, а также несвоевременное выполнение дела в табасаранской культуре, как правило, осуждаются. Ср.: *Адми гьядлан адрахъди, гьяд ужу гьан1ундар* «Мост не починят, пока с него не упадут» [6, с. 7]. В оппозиции «сегодня – завтра» табасаранцы так же, как и англичане и другие представители монокронной культуры, отдают предпочтение сегодняшнему дню: *Гьийин йигъ закурин йигъахъ мутуван* «Не меняй сегодня на завтра» [6, с. 40], *Закуриз илдину ляхнихъ рижв хьибшину* «У оставленной назавтра работы хвост вырос» [6, с. 85] и др.

В соответствии с подобной двойственностью в восприятии времени англичанами и табасаранцами, проявляющейся в исследуемом фразеологическом фонде двух языков, оно может быть охарактеризовано как «линейно-циклическое» (см. о выделении линейной, циклической и линейно-циклической моделей времени в: [2]).

Заключение

В итоге представляется возможным отметить, что избранные в работе подход и система методов, в соответствии с которыми выполнено данное исследование, позволяют, на наш взгляд, подойти к изучению концепта «время» с разных сторон и выявить набор признаков, формирующих его структурно-семантическую организацию, а также определить общие и культурно-национальные черты его вербализации в английской и табасаранской лингвокультурах с учетом экстралингвистических факторов.

Вместе с тем, полагаем, что поставленная проблема была рассмотрена в статье в достаточно общем плане. В соответствии с этим в перспективу нашего дальнейшего исследования может войти более глубокая разработка поставленных вопросов, обращение к периферийным слоям изучаемого концепта, а также привлечение дополнительных методов исследования, какими, в частности, могут быть ассоциативный эксперимент и другие экспериментальные приемы. Интерес могут представлять и переводческий, а также лингводидактический аспект исследования, нуждающийся в особой разработке в условиях полиэтнической образовательной среды в Республике Дагестан.

Литература

1. Асалиева С. И. Сравнительно-сопоставительный анализ темпоральной лексики лезгинского, английского и немецкого языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 23 с.
2. Бансимба М. Концепт «время» в русской, французской и конголезской языковых картинах мира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 26 с.
3. Воркачѳв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
4. Гасанова М. А. Концепт ВРЕМЯ в табасаранской языковой картине мира // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6(22). С. 153-158.
5. Гасанова М. А. Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала, 2015. 58 с.
6. Гасанова М. А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. Махачкала: Vega, 2017. 176 с.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования

// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 75-79.

8. Кудрявцева И. П. Фразеологические единицы современного английского языка с компонентами, обозначающими время: time, hour, minute, moment, second. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
9. Сутаева Р. И. Лингвокультурологический анализ концепта ВРЕМЯ: на материале аварского и русского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 20 с.
10. Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. Табасаранско-русский словарь. М., 2001. 477 с.
11. Compact Oxford English Dictionary of Current English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.askoxford.com> [дата обращения: 23.01.23].
12. Hall E. T. Beyond Culture. N. Y.: Anchor Books, 1981. 298 p.
13. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etymonline.com> [дата обращения: 22.01.23].

References

1. Asalieva S. I. Comparative analysis of the temporal vocabulary of the Lezghin, English and German languages. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Makhachkala, 2009. 23 p. (In Russian)
2. Bansimba M. The concept of "time" in the Russian, French and Congolese language pictures of the world. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Rostov-on-Don, 2007. 26 p. (In Russian)
3. Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. In: Philological sciences. 2001. No. 1. Pp. 64-72. (In Russian)
4. Gasanova M. A. Concept of TIME in the Tabasaran linguistic picture of the world. In: Historical and socio-educational thought. 2013. No. 6(22). Pp. 153-158. (In Russian)
5. Gasanova M. A. Tabasaran proverbs and sayings: linguistic and linguocultural aspects. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Makhachkala, 2015. 58 p. (In Russian)
6. Gasanova M. A. Dictionary of Tabasaran proverbs and sayings. Makhachkala: Vega, 2017. 176 p. (In Russian)

7. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguocultural concept as a unit of research. In: Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh, 2001. Pp. 75-79. (In Russian)
8. Kudryavtseva I. P. Phraseological units of modern English with components denoting time: time, hour, minute, moment, second. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Moscow, 2007. 20 p. (In Russian)
9. Sutaeva R. I. Linguoculturological analysis of the concept of TIME: on the material of the Avar and Russian languages. Author's abstract of dissertation for Ph. D. (Philology) degree. Makhachkala, 2007. 20 p. (In Russian)
10. Khanmagomedov B. G.-K., Shalbusov K. T. Tabasaran-Russian dictionary. Moscow, 2001. 477 p.
11. Compact Oxford English Dictionary of Current English. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.askoxford.com> [accessed 23.01.23].
12. Hall E. T. Beyond Culture. N.Y.: Anchor Books, 1981. 298 p.
13. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001. [Electronic resource]. Access mode: <http://etymonline.com> [accessed 22.01.23].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Алибекова Лимат Пирмагомедовна, магистрант, Дагестанский государственный университет (ДГУ), Махачкала, Россия; e-mail: pirmuradova97@mail.ru

Баранникова Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ); профессор кафедры английской филологии, ДГУ, Махачкала, Россия; e-mail: tatyanaabarannikova@mail.ru

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Limat P. Alibekova, undergraduate, Dagestan State University (DSU), Makhachkala, Russia; e-mail: pirmuradova97@mail.ru

Tatyana B. Barannikova, Doctor of Philology, professor, the chair of English, Dagestan State Pedagogical University (DSPU); professor, the chair of English Philology, DSU, Makhachkala, Russia; e-mail: tatyanaabarannikova@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

Received 25.01.2023.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.111

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-14-1-83-88

Аналитические глагольные формы в английском, лакском и рутульском языках

©2023 Алисултанов А. С.¹, Гаджиева Л. Г.¹, Сулейманова Т.А.², Султанаева К. А.¹

¹Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: alisultanov.as@mail.ru, louise9229@mail.ru, skililgyul@bk.ru

²Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, Россия; e-mail: suleimanova14@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является сопоставительный анализ различного рода аналитических форм в парадигме глагола в английском, лакском и рутульском языках. **Методы.** Сравнительно-сопоставительный анализ аналитических форм глагола на основе их структурных и функционально-семантических характеристик. **Результаты.** Проведен сопоставительный анализ аналитических форм английского глагола с эквивалентными им аналитическими конструкциями в лакском и рутульском языках. **Выводы.** В каждом из указанных языков выявлен специфический арсенал языковых средств, участвующих в образовании аналитических форм, а также установлены их семантические и функциональные особенности.

Ключевые слова: аналитические глагольные формы, знаменательный глагол, вспомогательный глагол, грамматическая форма, время, аспект, залог, значение, функция.

Формат цитирования: Алисултанов А. С., Гаджиева Л. Г., Сулейманова Т. А., Султанаева К. А. Аналитические глагольные формы в английском, лакском и рутульском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 83-88. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-83-88

Analytical Verb Forms in English, Lak and Rutul Languages

©2023 Alisultan S. Alisultanov¹, Luiza G. Gadzhieva¹,
Taisia A. Suleymanova², Kizilgyul A. Sultanaeva¹

¹ Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: alisultanov.as@mail.ru,
louise9229@mail.ru, skizilgyul@bk.ru

² Dagestan State Technical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: suleimanova14@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to compare various analytical forms in the paradigm of English, Lak and Rutul verbs. **Methods.** Comparative analysis of analytical verb forms through their structural, functional and semantic properties. **Results.** These constructions in English have been compared to their equivalents in the Lak and Rutul languages. **Conclusions.** In each of these languages, a specific set of language means involved in forming the analytical structures has been identified and their semantic and functional peculiarities have been revealed.

Keywords: analytical verb forms, notional verb, auxiliary verb, grammatical forms, tense, aspect, voice, semantics, function.

For citation: Alisultanov A. S., Gadzhieva L. G., Suleymanova T. A., Sultanaeva K. A. Analytical Verb Forms in English, Lak and Rutul Languages. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 83-88. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-83-88 (In Russian)

Введение

Известно, что аналитизм и синтетизм выступают в качестве двух противоположных способов, определяющих тип грамматического строя языка. Феномен аналитизма входит в число основополагающих признаков, характеризующих особенности устройства морфологической системы и, тем самым определяющих структурно-типологическую характеристику языка.

Объектом исследования в статье выступают разнообразные аналитические глагольные конструкции в парадигме глагола в английском, лакском и рутульском языках. Функционально такие конструкции могут служить для образования разнообразных грамматических форм глагола.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей структурирования, семантики и функций аналитических глагольных форм в каждом из трех, вовлеченных в орбиту сопоставления разносистемных языков, а также в установлении возможных сходств и отличий в указанных формах. Материалом исследования выступают аналитические глагольные формы (АГФ), употребляемые для выражения грамматических категорий времени, аспекта и залога в па-

радигме глаголов в трех сопоставляемых языках.

Английский характеризуется как аналитический язык, входящий в германскую группу индоевропейской семьи, а лакский и рутульский языки представляют собой два разных образца дагестанской группы кавказской семьи языков.

Результаты и обсуждение

Исследованием проблемы проявления аналитизма в грамматической системе английского языка занимались многие известные лингвисты, в том числе М. Я. Блох, А. А. Реформатский, Я. М. Казанцева, К. Н. Качалова, В. Я. Плоткин; на материале лакского языка – А. Каяев, Р. Г. Эльдарова, С. Б. Какваева и др.; на материале рутульского языка – Е. Ф. Джейранишвили, Г. Х. Ибрагимов и др. При сопоставлении фактического материала английского, лакского и рутульского языков авторы придерживаются лингвистической терминологии, принятой в теоретических исследованиях по указанным языкам.

При установлении типа структурного устройства языка А. А. Реформатский предлагает ориентироваться на особенности грамматических способов, используемых в нем. На основе преобладания тех

или иных грамматических способов, указанный автор подразделяет языки на две разновидности. В первую группу входят те языки, в которых грамматика выражается, главным образом, внутри слова, посредством внутренней флексии, аффиксации, повторов, сложения, ударения и сушлестивизма, что свидетельствует о синтетизме такого рода языков. Ко второму типу относятся языки, в которых доминируют способы, выражающие грамматику вне слова, то есть при помощи служебных слов, порядка слов и интонации, указывающие на их аналитизм [9, с. 167].

В лакском и рутульском языках возможны также промежуточные явления, когда степень их грамматикализации может варьироваться. К АГФ в данной работе относим разнообразные грамматические формы глагола, образованные сочетанием знаменательного глагола и различного рода служебных слов. К вспомогательным глаголам, участвующим в образовании аналитических АГФ в английском языке относятся: *to do, to be, to have, shall, will, should, would*.

Образование АГФ в сопоставляемых английском, лакском и рутульском языках происходит аналогичным способом – грамматикализацией словосочетания. При этом, один из компонентов такого рода конструкции десемантизируется и из лексически значимого, то есть знаменательного слова, превращается в полуслужебное или служебное слово с преимущественно грамматическим значением.

У глагола английского языка имеются категории времени, наклонения, залога, лица и числа. Формы категории грамматического времени в парадигме английского глагола количественно преобладают. Специфика английского языка состоит в том, что с категорией времени тесно связанной оказывается категория результативности, которая включает в себя оппозицию перфектных и неперфектных форм. Противопоставленными оказываются также формы прогрессивного / не-прогрессивного аспекта в виде оппозиции форм Continuous и иных форм.

Следует отметить, что словоизменяемая парадигма глагола в английском языке, образованная взаимодействием форм времени, результативности и аспекта, наряду с некоторыми синтетическими формами, включает также и целый ряд аналитических форм. В совокупности па-

радигма английского глагола насчитывает 56 форм, из которых 45 форм относятся к разновидности личных, а 11 – к разряду неличных. Примечательно, что из общего числа 49 форм относятся к типу аналитических, и только лишь 7 представляют собой синтетические формы, что с очевидностью подтверждает преимущественно аналитический характер грамматического строя английского языка.

По способу образования в парадигме английского глагола к аналитическим относятся следующие разновидности личных и неличных форм:

а) Progressive, образуемые по модели *to be doing*, например, *The boy is working now*. Мальчик работает сейчас.

б) Perfect, соответствующие модели *to have done*, например, *The boy has already worked*. Мальчик уже поработал.

в) Perfect Progressive, построенные по модели *to have been doing*, например, *The boy has been working since morning*. Мальчик работает с утра.

К типу аналитических по способу своего образования относятся и косвенные формы Subjunctive I и Subjunctive II (согласительного наклонения), которые образуются путем сочетания модального глагола *should* с основой инфинитива, например:

I suggest that he should come and explain the details of the incident. Я предлагаю, чтобы он пришел и объяснил подробности происшествия.

If he were there, he should work. Если бы он был там, он бы работал.

Все формы Passive Voice в разрезе Simple, Progressive и Perfect, соответствующие модели *to be done*, также являются аналитическими, например, *The house is being built now*. Дом строится сейчас.

Кроме того, инфинитив в английском языке представлен целым рядом аналитических форм, которые позволяют инфинитивным формам выражать значения аспекта, результативности и пассивного залога, например:

My sister liked to be reading books in English. Моя сестра любила читать книги на английском языке.

She seemed to have read the book in English. Казалось, она прочитала книгу на английском языке.

She turned out to have been reading the book in English since Monday. Оказалось, что она

читала книгу на английском языке с понедельника.

The book should be read. Книга должна быть прочитана.

В сопоставляемых лакском и рутульском языках в системе глагольного словоизменения и словообразования, наряду с синтетическими формами, также продуктивно используются и аналитические глагольные конструкции.

К словоизменительным категориям в парадигме лакского глагола Р. Г. Эльдарова относит категории вида, способа глагольного действия, наклонения, времени, эвиденциальности, полярности, грамматического класса, лица и числа [10, с. 4].

По мнению С. Б. Какваевой, к аналитическим формам лакского глагола относятся: а) видовременные аналитические формы, которые образуются посредством сочетания деепричастия основного глагола и спрягаемой формы глагола бытия *биклан* 'быть', например, *чичлай ур* 'пишет', *чичлай ия* 'писал'; б) аналитические формы, репрезентирующие категорию эвиденциальности типа *чичлай уссар* 'пишет +я это знаю'; *чичлай уссаур* 'пишет +я это слышал'; в) регулярные формы, семантически выражающие идею фазовости глагольного действия, например, *чичлан ивкунни* 'начал писать' (инциптив), *чичлайна ур* 'продолжает писать' (континуатив), *чичавай ур* 'вот-вот напишет' [5, с. 17].

В парадигме грамматических форм аналитических глагольных конструкций в лакском и рутульском языках, в отличие от английского языка, специфическими являются формы грамматических категорий класса, лица и числа. В структуре аналитической глагольной конструкции отмеченные категории отражаются в виде особых экспонентов класса, лица и числа, в зависимости от характеристик субъекта/объекта действия. Приведенный выше набор грамматических форм в лакском и рутульском языках может быть расширен с учетом функционирования в них разных вариантов форм категории класса, личных форм и форм числа.

К аналитическим конструкциям в лакском языке можно отнести и формы выражения способов глагольного действия. При этом разграничиваются две формы их выражения. Интенсивная форма способа действия структурно состоит из сочетания перфектного деепричастия и глагола движения *гъан* (лаган) 'пойти', *гъан дан* 'послать' в спрягаемой форме, например:

ивциуну лавгунни '(сильно) ударился'; *рициуну гъан дан* 'сильно ударить'. Вторая форма передает идею направленного или векторного способа глагольного действия и образуется сочетанием глагола движения совершенного вида и вспомогательного глагола направленного движения *нан* 'идти', например, *лихъан* 'убежать' – *ливхъун нан* 'бежать', *леххан* 'полететь' – *левххун нан* 'лететь'.

В качестве вспомогательных глаголов в лакском языке употребляются следующие: глагол существования *бур/ур/дур* 'есть', бытийный глагол *биклан* 'быть', событийный глагол *хъун* 'случиться, стать', битан 'позволить', глагол речи/звучания *учин/тун*, глагол действия *бан/дан* 'сделать' и др. [5, с. 10].

В образовании аналитических форм коррелятивных пар сложных и аналитических глаголов по признаку переходности/непереходности в лакском языке используются парные глаголы *бан* – *хъун* и *битан* – *биклан*. Например, *явши биклан* 'прищуриться' – *явши битан* 'прищурить', *гъаз бан* 'поднять' – *гъаз хъун* 'подняться', *цябиклан* 'сесть' – *цябитан* 'усадить', *мурахас бан* 'освободить' – *мурахас хъун* 'освободиться', *гъан бан* 'приблизить' – *гъан хъун* 'приблизиться'. Более правомерным будет включение аналитических форм транзитива и каузатива в сферу словообразования.

В рутульском языке парадигма глагола, по мнению Е. Ф. Джейранишвили [2], Г. Х. Ибрагимова [3], включает в себя формы морфологических категорий класса, числа, времени, наклонения и аспекта.

В зависимости от классного показателя имени существительного в морфологической структуре согласуемых с ним глаголов и деепричастий употребляются соответствующие показатели числа. Во множественном числе у глагола разграничиваются формы для обозначения лица (личности) и не лица. Экспоненты именного грамматического класса и числа, соответственно, употребляются также и в структуре аналитических форм глагола, например, формы многократного аспекта глагола *гъулхъун* 'играть': I класс *гъулхъара ай*, II класс *лулхъара ай*, III класс *вулхъара ай*, IV класс *гъулхъара ай*, множественное число *дулхъере/ гъулхъара ай*.

В арсенале категории времени рутульского глагола насчитывается 19 форм, из которых 11 образуются аналитическим

способом. Все многообразие аналитических временных форм рутульского глагола образуется сочетанием основы дееспричастия либо совершенного, либо несовершенного вида со следующими вспомогательными глаголами: а 'есть, имеется, находится', *гьагьас* 'делать, сделать', глаголом-связкой *йиъи* 'есть, является'. Соответственно дифференцируются разновидности форм перфектных и имперфектных времен.

Примечательно, что обе формы настоящего времени образуются от основ несовершенного вида аналитически, например, *гакъара а* 'смотрит', настоящее конкретное время *гакъара ани йиъи* 'смотрит сейчас': *Шу банахда гакъара а*. Брат смотрит на гору (вообще). *Шу банахда гакъара ани йиъи*. Брат смотрит на гору (в данный момент).

В сфере будущего времени форма будущего длительного образуется аналитически, например, *Быгаа салгьалт хьибдис гьа банахда гакъара йикиси*. Завтра в три часа он будет смотреть на гору.

Из 15 форм прошедшего времени глагола в рутульском языке 11 образуются аналитически. Аналитическую серию перфектных временных форм глагола составляют: давнопрошедшее неопределенное, включающее: а) общее *гакъьид йиъий* 'смотрел'; б) результативное *гакъьид йиъи* 'посмотрел'; давнопрошедшее конкретное, состоящее из: а) общего *гакъьр ад йиъий* 'смотрел вообще'; б) результативного *гакъьр ад йиъи* 'уже смотрел';

преждепрошедшее неопределенное, включающее: а) общее *гакъьр ай* 'смотрел раньше'; б) результативное *гакъьр а* 'посмотрел'; преждепрошедшее конкретное, состоящее из: а) общего *гакъьр ани йиъий* 'просматривал раньше'; б) конкретного *гакъьр ани йиъи* 'уже посмотрел'.

Аналитическими по способу образования оказываются также и имперфектные формы прошедшего времени, обозначающие повторяющиеся действия, происходившие в прошлом на протяжении длительного времени или многократно. Например, а) давнопрошедшее неопределенное продолжительное *гакъьд йиъий* 'смотрел'; б) давнопрошедшее конкретное продолжительное *гакъара ад йиъий* 'смотрел долго'; а) преждепрошедшее неопределенное продолжительное *гакъара ай* 'смотрел когда-то'; б) преждепрошедшее конкретное продолжительное *гакъара ани йиъий* 'продолжал смотреть до чего-л.'

Кроме того, в рутульском языке к аналитическому типу относится и форма согласительного наклонения, которая образуется сочетанием инфинитива глагола и вспомогательного глагола *гьагьасий* 'делал бы', например, *хьулгьулре гьагьасий* 'приезжал бы', *рухьура гьагьасий* 'говорил бы'.

Заключение

Как показывают приведенные примеры, в АГФ, служащих для образования выражения категорий времени, залога и наклонения, изменяемой частью во всех трех сопоставляемых языках является вспомогательный глагол.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 383 с.
2. Джейранишвили Е. Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1966. 67 с.
3. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. Синхрония и диахрония. Махачкала, 2004. 307 с.
4. Казанцева Я. Н., Немчинова Н. В., Семенова Е. В. Теоретическая грамматика английского языка. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2015. 135 с.
5. Какваева С. Б. Семантико-синтаксическая парадигма глагола и глаголь-

ных конструкций в лакском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2022. 43 с.

6. Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. СПб.: КАРО, 2018. 608 с.

7. Каяев А. Грамматика лакского языка. Махачкала: ДИНЕМ, 2009. 402 с.

8. Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 239 с.

9. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

10. Эльдарова Р. Г. Лакский глагол / система глагольного словоизменения. Махачкала: изд-во ДГУ, 2000. 121 с.

References

1. Blokh M. Ya. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazyka* [Theoretical grammar of the English language]. Uchebnik. Textbook for philol. Students. Moscow, Vysshaya Shkola publ., 1983. 383 p. (In Russian)
2. Dzheyranishvili E. F. *Osnovnye voprosy fonetiki i morfologii tsakhskogo i mukhadskogo (rutul'skogo) yazykov* [The main issues of phonetics and morphology of the Tsakh and Mukhad (Rutul) languages]. Author's abstr. of dissertation for Doctor of Philology degree. Tbilisi, 1966. 67 p. (In Russian)
3. Ibragimov G. Kh. The Rutul language. Synchrony and diachrony. Makhachkala, 2004. 307 p. (In Russian)
4. Kazantseva Ya. N., Nemchinova N. V., Semenova E. V. *Theoretical English Grammar*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. 135 p. (In Russian)
5. Kakvaeva S. B. *Semantiko-sintaksicheskaya paradigma glagola i glagolnykh konstruksij v lakskom yazyke* [Semantic and syntactic paradigm of the verb and verb constructions in the Lak language]. Author's abstract of dissertation for Doctor of Philology degree. Nalchik, 2022. 43 p. (In Russian)
6. Kachalova K. N., Izrailevich E. E. *Prakticheskaya grammatika anglijskogo yazyka s uprazhneniyami i klyuchami* [Practical grammar of the English language with exercises and keys]. Saint Petersburg, KARO publ., 2018. 608 p. (In Russian)
7. Kayaev A. *Grammatika lakskogo yazyka* [Grammar of the Lak language]. – Makhachkala: DINEM, 2009. 402 p. (In Russian)
8. Plotkin V. Ya. *Stroj anglijskogo yazyka* [The structure of English]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1989. 239 p. (In Russian)
9. Reformatsky A. A. *Vvedenie v yazykovovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press publ., 1996. 536 p. (In Russian)
10. Eldarova R. G. *Lakskij glagol / sistema glagol'nogo slovoizmeneniya* [The Lak Verb / the system of verbal inflexion]. Makhachkala, DSU publ., 2000. 121 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Алисултанов Алисултан Султанмуратович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: alisultanov.as@mail.ru

Гаджиева Луиза Гаджиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: louise9229@mail.ru

Сулейманова Таисия Алисултановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет информационных систем, финанса и аудита, Дагестанский государственный технический университет (ДГТУ), Махачкала, Россия; e-mail: suleimanova14@mail.ru

Султанаева Кизилгюль Алисултановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: skizilgyul@bk.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Alisultan S. Alisultanov, Doctor of Philology, professor, the chair of English, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: alisultanov.as@mail.ru

Luiza G. Gadzhieva, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of English, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: louise9229@mail.ru

Taisia A. Suleymanova, Ph. D. (Philology), assistant lecturer, the chair of Foreign Languages, the faculty of Information Systems, Finance and Audit, Dagestan State Technical University (DSTU), Makhachkala, Russia; e-mail: suleimanova14@mail.ru

Kizilgyul A. Sultanaeva, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Theory and History of Russian, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: skizilgyul@bk.ru

Received 25.01.2023.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-14-1-89-96

Историческая память в реконструкции слов и грамматических формантов в дагестанских языках

©2023 Асельдерова Р. О.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: rumomarovna@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является описание роли исторической памяти в этимологической реконструкции слов и грамматических аффиксов в генезисе падежной системы, семантики масдаро-образующих формантов и показателей времени в глагольных формах дагестанских языков и диалектов.

Методы: сравнительно-исторический, описательный, метод внутренней реконструкции, метод восстановления исторической памяти. **Результаты.** Понимание природы примарной структуры глагольных и именных корней, обнаружение этимонов классных показателей, этимологической семантики моделей современных глагольных словоформ, особенностей масдара и примарной семантики суффиксов падежной системы на основе сравнительно-сопоставительного анализа данных дагестанских языков, а также методом внутренней реконструкции.

Ключевые слова: историческая память, формообразующий формант, словообразующий формант, классный показатель, масдар, этимологический анализ.

Формат цитирования: Асельдерова Р. О. Историческая память в реконструкции слов и грамматических формантов в дагестанских языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 89-96. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-89-96

Historical Memory in the Reconstruction of Words and Grammatical Formants in Dagestan Languages

©2023 Rumaniyat O. Aselderova

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: alisultanov.as@mail.ru,

ABSTRACT. The aim of the paper is to describe the role of historical memory in the etymological reconstruction of words and grammatical affixes in the genesis of the case system, the semantics of masdar-forming formants and time indicators in the verbal forms of Dagestan languages and dialects. **Methods:** comparative-historical, descriptive, method of internal reconstruction, method of restoring historical memory. **Results.** Understanding of the nature of the primary structure of verbal and nominal roots, detection of the etymons of class indicators, etymological semantics of models of modern verbal word forms, features of masdar and primary semantics of suffixes of the case system based on comparative analysis of data of Dagestan languages, as well as by the method of internal reconstruction.

Keywords: historical memory, formative formant, word formant, class indicator, masdar, etymological analysis.

For citation: Aselderova R. O. Historical Memory in the Reconstruction of Words and Grammatical Formants in Dagestan Languages. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 89-96. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-89-96 (In Russian)

Введение

С XVIII века в европейском языкознании активно развивается идея историче-

ского развития языков, которая становится доминирующей в XIX веке. «... Язык является самым надежным хранителем,

инструментом и резервуаром исторической и культурной памяти. И даже не столько язык вообще, сколько именно слово – самим фактом своего появления и долгого существования во времени, закрепившим в сознании носителей языка присутствие того или иного явления действительности и его значение для человека», – говорит С. М. Толстая о культурно-исторической памяти слова [18, с. 21].

Р. А. Будагов, рассуждая о непосредственно историческом аспекте взаимоотношений между строем языка и уровнем мышления, полагает, что он гораздо сложнее синхронического подхода к этой проблеме [5]. Проблема диахронии должна исследоваться на конкретных языках или группах родственных языков, а также группах языков разного морфологического строя и генетического происхождения, поскольку формирование и развитие человеческого мышления определяется, в первую очередь, исторически. Развитие и усовершенствование естественного языка надо определять как собственно лингвистический процесс и именно с этой точки зрения выявлять его закономерности. Р. А. Будагов как раз подчеркивает неэффективность общих деклараций: «Очень легко декларативно утверждать, что языки изменяются и развиваются. Гораздо труднее обосновать характер этих изменений и природу этого развития» [5, с. 3].

Качественные и количественные трансформации языковых единиц и грамматических категорий сохраняются в этимологической памяти слова и форм слова, которая именно поэтому является чрезвычайно эффективным инструментом познания истории языка. Так, например, только «благодаря усилиям этимологов, в наше время семантическая карта древнеславянской материальной и духовной культуры оказалась во многих сферах заполненной» [18, с. 22]. Этимологические исследования, таким образом, способствуют реконструкции древней материальной и духовной культуры, зафиксированной в исторической памяти слов, аффиксов и грамматических форм различных современных языков.

Необходимо подчеркнуть, что тенденция к рассмотрению этимологической памяти слова автономно, без взаимосвязи с контекстом, которая обнаруживается в некоторых работах по этимологии, не всегда способствует достижению хороших

результатов. Вне взаимодействия с контекстом, который может представлять собой простое словосочетание, предложение или более крупный фрагмент текста, сложно установить историческое происхождение слова, так как оно может быть связано с его контекстным окружением.

Этимологическую память слова также называют исторической памятью слова. Реконструкция исторической памяти слова и грамматической формы есть восстановление своеобразия концептуализации объективной реальности носителями языка в диахронической перспективе. Историческая память требует непосредственно учитывать культурно-историческую мотивацию семантики и грамматики языковых единиц.

Результаты исследования

Историческая память в этимологическом анализе слов

В исторической памяти слов и грамматических форм содержатся не только факты развития конкретной языковой системы или группы языков, но и знания о быте, о материальной и духовной культуре народа, о его ценностной картине мира. В лексическое значение слова как знака языковой системы включается комплекс представлений о признаках объекта, которые могут иметь важный или неважный, случайный или мотивированный характер. Слово, в отличие от понятия, теснее связано с чувственно-эмоциональным познанием. По мнению В. В. Колесова: «Каждое древнее слово по исходному своему смыслу является мотивированным, и в своей реконструкции мы всегда можем сказать, что именно лежит в основе данного исходного представления» [14, с. 12]. Ученые-этимологи на материале разных языков восстановили ряд существенных для реконструкции духовной и материальной культуры сферы деятельности человека – сам человек во всех ипостасях, его геоклиматическое окружение, окружающий ландшафт, взаимоотношения в социуме, в семье.

Однако проблемы слово- и формообразования в диахроническом аспекте изучены не до конца не только в дагестанском сравнительно-историческом, но и кавказском языкознании в целом. Об этом писал и известный лингвист Г. А. Климов [12, с. 17]. Впервые проблема слово- и формообразования в дагестанских языках поставлена в конце XIX века языковедом

П. К. Усларом, именно он определил, что классные показатели обладают способностью выполнять роль словообразовательных морфем [19, с. 83-84]. Об этом также писал исследователь дагестанских языков Л. И. Жирков [10, с. 21]. Ранние работы по дагестанской деривативной лексикологии и грамматике описывают различные модели словообразования некоторых частей речи в языках.

Социально-политическая, экономическая и культурная динамика в обществе способствует, с одной стороны, возникновению новых тенденций в лексике и грамматике языка, с другой стороны, утрате некоторых устаревших слов, коллокаций и значений. Именно поэтому в актуальные цели лингвистической науки входит систематизированный сбор, изучение лексических и семантических изменений в тезаурусе языков. Важно подчеркнуть, что именно лексическая подсистема отображает ту или иную этническую традиционную картину мира.

Существенный вклад в дагестанское и кавказское языкознание внесли коллективные монографии «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [13] и «Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики» [15]. В первой работе проводится сравнительный анализ основной лексики дагестанских языков, устанавливаются закономерные чередования звуков и звукосоответствия, определяется возможная этимологическая форма, присущая общедагестанскому хронологическому уровню или отдельным группам языков. В фундаментальном труде «Словарь кавказских языков» [15] определяется формальная и семантическая общность единиц лексической подсистемы на уровне общекавказской идентичности или на уровне групп кавказских языков. Глубокому научному анализу подверглась и лексика многих дагестанских языков и их отдельных диалектов: даргинского, табасаранского, агульского, аварского языков.

Наибольшие достижения в дагестанском языкознании достигнуты в области лексикографических исследований. Опубликовано множество словарей бесписьменных языков Дагестана, самым значительным из них представляется «Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа» Б. Комри и М. Халилова [15]. Наиболее новаторской является моногра-

фия Р. И. Гайдарова «Введение в этимологию лезгинского языка» [7], в которой произведен первый опыт по реконструкции исторической морфологии лезгинского языка. Так, глагол *акун* 'видеть' рассматривается как композит из *акв*- 'свет' + *-ун* 'делание', композиционная семантика морфем рождает новый смысл «видение». Проведен анализ фонетических трансформаций в диахронии лезгинского языка, объектом исследования, кроме исконной лезгинской лексики, являются заимствованные слова в нем [7, с. 7]. Новыми для дагестанского языкознания являются антропоцентрические изыскания в сравнительно-сопоставительном аспекте с акцентом на лексическое и грамматическое отражение языковых картин мира, в частности, анализ места и роли исторической памяти отдельных слов и формантов в различных диалектах и языках.

Так, важная роль исторической памяти слова продемонстрирована в процессе реконструкции этимологии самоназвания аварского народа. Наиболее распространенной исторической версией до недавнего времени, по мнению известного кавказоведа Т. М. Айтберова, было происхождение этнонима авар в результате переселения в VI веке части «имперских авар», т. е. авар, находящихся в союзе с Византией, в центральную часть современной Аварии, а затем их последующей ассимиляции с местными племенами [2, с. 25-30]. Однако более поздние изыскания связывают происхождение слова авар с собственно аварской этимологией, основанной на сравнении с другими кавказскими языками. Например, в аварском языке существует слово *авари* со значением «целина», оно функционирует во многих языках Восточного Кавказа В хурритском языке это слово имеет значение «поле», в рутульском языке *авари* обозначает «лужайка» [9, с. 10].

Исследователь Ш. М. Хапизов, занимавшийся происхождением этнонима авар, указал на его сходство с собственно аварским названием пророка *Awarag*, этимологический анализ которого позволяет более наглядно представить принцип формирования рассматриваемого нами этнонима *Awar*. «Как мне представляется, в этом же ряду стоит и термин Аварак с изначальным смыслом «отшельник», живущий вдали от общества и занимающийся богослужением. Состоит термин из

двух слов – Авар («пустошь, целина»; вариант – *авахI*) и лаг («человек»; вариант *раг, лак*) и означает «человек [из] пустоши, пустыни» [20, с. 102]. Выдающийся кавказовед П. К. Услар высказал предположение о «тюркском следе» в этимологии слова *авагаг*, которое, по его мнению, восходит к тюркскому слову *Авага*, что значит «обездоленный, отшельник» [19, с. 36]. Конечное слово *-лаг* в сложных словах, означающее человека, имеет различные производные (*рахъ, лагI, лагъ*). Оно при использовании в сложных словах-терминах преобразовалось в конечный послелог «-ал, -лал». Следовательно, значение этнонима авар («люди из целины, необжитых мест») указывает на людей – пришельцев на Восточный Кавказ с прикаспийских равнин, которые действительно подверглись опустошению в начале эры в ходе нашествий.

Таким образом, обращение к исторической памяти слов, сохраняющаяся в аварском языке и родственных с ним языках и диалектах, помогло установить, что «этноним *Аваг* вполне может иметь и собственно кавказскую, аварскую этимологию» [20, с. 104], отражающую этнические процессы, в ходе которых появился народ с названием авары.

Роль исторической памяти в восстановлении формантов косвенной основы слов

Тем не менее, некоторые проблемы дагестанского и, в частности, аварского языкознания остаются нерешенными до сих пор. К ним следует отнести вопросы этимологической семантики отдельных слов, формантов падежной системы, генезиса эргативного строя, исторической памяти классных показателей, которые релевантны и для глагола, и для имени. В трудах по морфологии глагола дискутируется проблема примарной структуры корня, исторической семантики масдарообразующих формантов и показателей времени в синтетических моделях.

Далее мы приводим критический обзор современного состояния названных выше грамматических аспектов аварского языка в исторической корреляции с другими дагестанскими и арабским языками. Историческая память слово- и формообразующих формантов слова в дагестанских языках, как показывает проведенный анализ, в значительной степени влияет на падежную систему и оформление основ слов.

Проблемы истории падежной системы дагестанских языков, в том числе аварского, неоднократно становились объектом внимания исследователей. Однако некоторые аспекты этимологической семантики падежных окончаний не прояснены до сих пор. В дагестанском языкознании складывается понимание того, что знание логики формирования падежных окончаний важно не только для структурной лингвистики, но и для антропоцентрического направления языкознания.

Г. Б. Муркелинский считает, что местные падежи лакского языка с диахронической точки зрения восходят к родительно-локативному падежу и образуются путем прибавления к его основе послелогов места [16, с. 154-160]. Эта вполне вероятная гипотеза, высказанная Г. Б. Муркелинским, не решает проблему примарной семантики послелогов, которые, возможно, и присоединялись к основе родительно-активного падежа лакского языка. С другой стороны, происхождение послелогов объясняется грамматикализацией лексического значения знаменательных слов. Анализ морфологии табасаранского языка показывает, что падежные флексии имен образуются от глагольных форм [1, с. 3, 10].

Грузинский языковед Б. К. Гигинейшвили изучил историю категории падежа в дагестанских языках. Согласно его работе [8, с. 1976], реконструкция категория падежа имени происходит в несколько этапов. В самый ранний период формирования общедагестанского языка «... присоединение показателей местных падежей прямо к основе давало возможность выразить относительное местонахождение предмета в пространстве. ... Наряду со склонением, опиравшимся на одну основу, появляется другой тип склонения – по принципу двух основ. Это вызвано необходимостью разграничения активного падежа от локативного, создания специального эргативного падежа» [8, с. 38-39].

Несмотря на то, что лингвисты изучали природу вставочных элементов, единого мнения об их характере в науке еще не сложилось. Одна из наиболее распространенных версий происхождения и сущности вставочных элементов – это определение их как показателей лексико-грамматических классов. Исследователи Е. А. Бокарев и Б. Б. Талибов высказывали мнение, что различные суффиксы кос-

венной основы появились в результате исторических фонетических процессов, которые привели к видоизменениям одного из них. Так, Е. А. Бокарев аффикс эргатива в крызском и будухском языках *-р* и удинский аффикс *-н* возводит к **-ди* (**ди* > **ри* > *-р*; **ди* > **ни* > *-н*) [4, с. 46]. Б. Б. Талибов возводит показатели *-цици*, *-цили*, *-ччи*, *-чили*, *-уни* / *-ини*, *-ра* / *-ре* к форманту **-ди* при определении природы полиформантности косвенной основы в лезгинском языке [17, с. 132-133].

В дагестанской лингвистической науке существует несколько версий происхождения аффиксов косвенной основы от показателей классов глагола. Например, Л. И. Жирков, который ввел в научный оборот термин «вставка», писал о несомненном характере взаимосвязи между вставками в падежных формах существительных единственного числа и множественного числа. Далее он говорит о диффузности и неопределенности рассматриваемых вставок: «... И все-таки эти вставки нельзя с уверенностью признать ни частью падежных окончаний, ни отдельными инфиксами в составе падежной формы...» [10, с. 29-30].

М. Е. Алексеев высказал мнение об ошибочности гипотезы о генетической связи вставочных элементов с классными показателями в пралезгинском языке [3, с. 228]. Он также не поддерживал гипотезу о вставках как фонетических видоизменениях одной из них [3, с. 224]. Г. Т. Бурчуладзе, изучив материал лакского языка, высказал предположение об утрате вставочного компонента основой абсолютива в процессе эволюции языка [6, с. 12-14].

Анализ фактического материала мухадского диалекта в работе М. О. Ибрагимовой [11] позволил выявить, что при оформлении косвенной основы имен существительных единственного числа во всех диалектах рутульского языка используются вставочные элементы четырех консонантных компонентов рутульского языка: *-р-*, *-й-*, *-д-*, *-л-*, которые могут варьироваться и взаимозаменяться. См., например:

1) мухадский и мюхрекский диалект: ном. – *нагъв* ‘слеза’ *нагъ* ‘слеза’; эрг. – *нагъв-ал-ыра* *нагъ-ур-ур*; ген. – *нагъв-ал-ды* *нагъ-ур-ды*; дат. – *нагъхв-ал-ыс* *нагъ-ур-ус* и т. д.;

2) мухадский и пиназский диалект: ном. – *нисе* ‘сыр’ *нисе* ‘сыр’; эрг. – *нисид-*

ире нисид-й-ре; ген. – *нисид-д* *нисид-й-ды*; дат. – *нисид-ис* *нисид-й-с* и т. д.

Изменение существительных во множественном числе в диалектах рутульского языка (один из языков лезгинской группы нахско-дагестанских языков) различается по признаку одушевленности/неодушевленности. Ареальный языковой материал показал, что в основе склонения субстантивов единственного и множественного числа лежит признак разумности/неразумности [11, с. 2016]. Падежные формы субстантивов единственного числа I, II классов в ареальных единицах рутульского языка имеют следующие фонетические варианты вставочного элемента:

-ний- – в мухадском диалекте;

-ну- / *-ни-* – в ихрекском диалекте;

-на- – в пиназском и борчинско-хновском диалектах;

-ну- – в мюхрекском диалекте.

Косвенную основу субстантивов единственного числа III и IV классов во всех диалектах, кроме ихрекского, выражает вставка *-д-*, в мюхрекском диалекте одновременно также функционирует формант *-й-*. Падежные формы ихрекских субстантивов III и IV классов оформляются с помощью вставочного элемента *-ни-*. Оппозиция вставочных элементов, составляющих косвенную основу субстантивов I и II классов, сближает ихрекский диалект с диалектами цахурского языка, в цахском диалекте представлены вставки *-къв-* (для I класса) и *-къ-* (для II класса), в гельмецком – *-гъв-* (для I кл.) и *-гъ-* (для II класса). Важно подчеркнуть релевантность ихрекского элемента *-ни-* и для субстантивов III и IV классов, в диалектах цахурского языка для субстантивов названных классов существует специальный вставочный элемент *-чи-* [11, с. 2016]. Вставочные элементы, которые добавляются к основам субстантивов множественного числа I, II класса, входят в семантико-грамматическую категорию разумных. Вставки субстантивов множественного числа III, IV класса относятся к семантико-грамматической категории неразумных. Вставочные элементы в диалектах рутульского языка, как мы видим, единообразны: к основам субстантивов множественного числа I и II классов добавляется формант *-ш-*, а к основам субстантивов множественного числа III и IV классов – формант *-м-*.

Инвентарь вставочных элементов, маркирующих формы множественного числа существительных и субстантивов в диалектах рутульского языка, единообразен (-и- и -м-). Но принцип, который взят за основу их применения, различается: склонение имен существительных во множественном числе дифференцировано по признаку одушевленности/неодушевленности, а склонение субстантивов единственного и множественного числа – по признаку разумности/неразумности. В основе этого принципа лежит семантика вставочных элементов, сохраняющих в своей исторической памяти признаки одушевленности и неодушевленности, разумности и неразумности. М. О. Ибрагимова делает вывод о том, что в рутульских диалектах имеет место единый принцип оформления косвенной основы, охватывающий все имена существительные, субстантивы, масдар и позволяющий минимизировать количество типов склонения,

сохраняя при этом оппозиции форм косвенных падежей [11].

Заключение

Как мы видим, понятие исторической памяти является важнейшим инструментом этимологического анализа. В нашем случае в ходе обзора работ по истории лексики и морфологии дагестанских языков мы продемонстрировали роль понятия «историческая память» для установления происхождения некоторых слов из основного словаря дагестанских языков и для реконструкции семантики формантов падежной системы, генезиса эргативного строя, дифференциации классовых показателей субстантивов. В перспективе рассматривается возможность использования понятия исторической памяти в решении проблемы примарной структуры корня в собственно глагольной морфологии, исторической семантики масдарообразующих формантов и показателей времени в синтетических моделях.

Литература

1. Абдуллаев И. Ш. Действо как бытие ситуации. К проблеме этимологической семантики компонентов содержательной структуры дагестанского глагола. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003.
2. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990.
3. Алексеев М. Е. К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1987. С. 12-29.
4. Бокарев Е. А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1960.
5. Будагов Р. А. О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXI. Вып. 5. М., 1972. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philology.ru/linguistics1/budagov-72.htm> [дата обращения: 19.01.23].
6. Бурчуладзе Г. Т. Основные вопросы падежного состава и процессов склонения в лакском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986.
7. Гайдаров Р. И. Лезги члалан этимологиядиз гъахъун. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005.
8. Гигинейшвили Б. К. Падежная система общедагестанского языка в свете теории эргативности // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 42-47.
9. Дьяконов И. М. Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
10. Жирков Л. И. Лакский язык. Фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР, 1955.
11. Ибрагимова М. О. Сравнительный анализ показателей косвенной основы склоняемых имен в рутульском языке (на материале диалектов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–1(55). С. 118-121.
12. Климов Г. А. К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985.
13. Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. М.: Наука, 2003.
14. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
15. Комри Б., Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной лексики. Лейпциг – Махачкала, 2010.
16. Муркелинский Г. Б. О развитии падежной системы в лакском языке // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1987.
17. Талибов Б. Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Т. II. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1962. С. 128-132.

18. Толстая С. М. Этимологическая память слова // *Etnolingwistyka* 31. Problemy Języka i Kultury. Lublin, 2019. Vol. 31. С. 119-125.

19. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.

20. Хапизов Ш. М. К вопросу о происхождении этнонима Авар // *История, археология и этнография Кавказа*. 2016. № 2(46). С. 202-209.

References

1. Abdullaev I. Sh. *Deystvo kak bytiye situatsii. K probleme etimologicheskoy semantiki komponentov sodержatel'noy struktury dagestanskogo glagola* [Action as a situation being. On the problem of etymological semantics of the components of the content structure of the Dagestan verb]. Makhachkala, EPC DSU, 2003. (In Russian)

2. Aytberov T. M. *Drevniy Khunzakh i khunzakhtsy* [Ancient Khunzakh and Khunzakh people]. Makhachkala, 1990. (In Russian)

3. Alekseyev M. Ye. *K rekonstruktsii pralezginskikh pokazateley kosvennoy osnovy na soglasnyy* [To the reconstruction of the pralezghin indices of the indirect basis into a consonant]. In: Case composition and declension system in the Caucasian languages. Makhachkala, Dagestan branch AS SSSR, 1987. Pp. 12-29. (In Russian)

4. Bokarev E. A. *K rekonstruktsii padezhnoy sistemy pralezginskogo yazyka* [To the reconstruction of the case system of the Pralezgin language]. In: Problems of Grammar. Moscow – Leningrad: AS USSR publ., 1960. (In Russian)

5. Budagov R. A. *O predmete yazykoznaneya* [On the subject of linguistics]. In: Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language. Vol. XXXI. Ed. 5. Moscow, 1972. [Electronic resource]. Access mode: <https://philology.ru/linguistics1/budagov-72.htm> [accessed 19.01.2023].

6. Burchuladze G. T. *Osnovnyye voprosy padezhnogo sostava i protsessov skloneniya v lakskom yazyke* [Basic questions of case composition and declension processes in the Lak language]. Tbilisi: Metsniyereba publ., 1986. (In Russian)

7. Gaydarov R. I. Etymological dictionary of the Lezghin language. Makhachkala: EPC DSU, 2005. (In Lezghin)

8. Gigineyshvili B. K. *Padezhnaya sistema obshchedagestanskogo yazyka v svete teorii ergativnosti*. [The case system of the general Dagestan language in the light of the theory of ergativity]. In: Problems of linguistics. 1976. No.1. Pp. 42-47. (In Russian)

9. Dyakonov I. M. *Alarodii (Khurrity, urarty, kutii, chechentsy i dagestantsy)* [Alarodians (Hurrians, Urarts, Kutians, Chechens and Dagestanis)]. In: Alarodians (ethnogenetic studies). Makhachkala, 1995. (In Russian)

10. Zhirkov L. I. *Lakskiy yazyk. Fonetika i morfologiya* [Lak language. Phonetics and morphology]. Moscow: AS USSR publ., 1955. (In Russian)

11. Ibragimova M. O. *Sravnitel'nyy analiz pokazateley kosvennoy osnovy sklonayemykh imen v rutul'skom yazyke (na materiale dialektov)* [Comparative analysis of indicators of the indirect basis of declined names in the Rutul language (based on dialects)]. Philological sciences. Problems of theory and practice]. 2016. No.1-1(55). Pp. 118-121. (In Russian)

12. Klimov G. A. *K semanticheskoy rekonstruktsii (po materialam kavkazskoy etimologii)* [To the semantic reconstruction (based on the materials of the Caucasian etymology)]. In: Theory and practice of etymological research]. Moscow: Nauka publ., 1985. (In Russian)

13. Klimov G. A., Khalilov M. Sh. *Slovar' kavkazskikh yazykov: sopostavleniye osnovnoy leksiki* [Dictionary of Caucasian languages: comparison of basic vocabulary]. Moscow: Nauka publ., 2003. (In Russian)

14. Kolesov V. V. *Drevnyaya Rus': naslediyev slove. Mir cheloveka* [Ancient Russia: heritage in the word. The world of human]. Saint Petersburg, 2000. (In Russian)

15. Komri B., Khalilov M. *Slovar' yazykov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza. Sopostavleniye osnovnoy leksiki* [Dictionary of languages and dialects of the peoples of the North Caucasus. Comparison of basic vocabulary]. Leipzig – Makhachkala, 2010. (In Russian)

16. Murkelinsky G. B. *O razvitiy padezhnoy sistemy v lakskom yazyke* [On the development of the case system in the Lak language]. In: Padezhnyy sostav i sistema skloneniya v kavkazskikh yazykakh [Case composition and declension system in the Caucasian languages]. Makhachkala, Dagestan branch AS USSR, 1987. (In Russian)

17. Talibov B. B. *O nekotorykh foneticheskikh protsessakh v lezghinskom yazyke* [On some phonetic processes in the Lezghin language]. Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature. Makhachkala, Dagestan branch AS USSR, 1962. Vol. II. (In Russian)

18. Tolstaya S. M. *Etimologicheskaya pamyat' slova* [Etymological memory of the word]. *Etnolingwistyka* 31. Problemy Języka i Kultury [Ethnolinguistics 31. Problems of language and culture]. Lublin, 2019. Vol. 31. (In Russian)

19. Uslar P. K. *Etnografiya Kavkaza. Yazyk-koznaniye. T. III. Avarskiy yazyk* [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. Vol. III. Avar language]. Tiflis, 1889. (In Russian)

20. Khapizov Sh. M. *K voprosu o proiskhozhdenii etnonima Awar* [On the question of the origin of the ethnonym Awar]. History, archeology and ethnography of the Caucasus. 2016. No. 2 (46). (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Асельдерова Руманият Омаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: rumomarovna@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Rumaniyat O. Aselderova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Theory and History of Russian, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: rumomarovna@mail.ru

Received 25.01.2023.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 81.351.42

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-96-101

Чеченский язык в рамках нынешних реалий

© 2023 Борзаева Б. Б.

Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова,
Грозный, Россия; e-mail: stl_77@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. В статье анализируются причины исчезновения языка малочисленного чеченского народа в реалиях надвигающейся эпохи глобализации. **Методы.** Представлены факторы, негативно влияющие на развитие и сохранение чеченского языка. Основное внимание уделено вопросам возрождения архаизмов и диалектов и возвращения их в употребление в речи. **Результаты.** Рассматриваются многочисленные примеры заимствований из арабской религиозной лексики, повлиявших на дальнейшее развитие чеченской терминологии. **Вывод.** Дан анализ языковой политики Чеченской Республики, направленной на сохранение и развитие языка в новой социолингвистической ситуации.

Ключевые слова: глобализация, фольклор, архаизмы, диалекты, информационные дебаты, чеченский кризис, деградация.

Формат цитирования: Борзаева Б. Б. Чеченский язык в рамках нынешних реалий // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 96-101. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-96-101

The Chechen Language Within the Framework of Current Realities

© 2023 Belisat B. Borzaeva

A. A. Kadyrov Chechen State University,
Grozny, Russia; e-mail: stl_77@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The article analyzes the reasons for the disappearance of the language of the small-numbered Chechen people in the realities of the impending era of globalization. **Methods.** Factors are pre-

sented that negatively affect the development and preservation of the Chechen language. The main attention is paid to the revival of archaisms and dialects and their return to use in speech. **Results.** Numerous examples of borrowings from Arab religious vocabulary are considered, which influenced the further development of Chechen terminology. **Conclusion.** The analysis of the language policy of the Chechen Republic is performed, aimed at preserving and developing the language in the new sociolinguistic situation.

Keywords: globalization, folklore, archaisms, dialects, information debate, Chechen crisis, degradation.

For citation: Borzaeva B. B. The Chechen Language Within the Framework of Current Realities. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 96-101. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-96-101 (In Russian)

Введение

Родная речь для человека – это прежде всего ощущение чего-то очень близкого, родного, поэтому мы называем родной язык материнским. Это огромная моральная поддержка для каждого человека, в частности, и для народа в целом.

В начале 20-х годов XX века в стране всячески поощрялось преподавание на языках малочисленных народов СССР. Обучение велось в Советской России на 70-ти этнических языках. Однако, начиная со второй половины 30-х годов под флагом борьбы с «национализмом» всякое национальное (традиции, обычаи, обряды) в школьном образовании и воспитании начали преследоваться [4, с. 1]. В 1938 году был издан закон «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», что создало прецедент для ограничения сферы функционирования национальных языков» [4, с. 1.]. За десять лет советской власти, с 1928 по 1938 гг., чеченский народ трижды сменил алфавит – с арабского на латинский, затем на кириллицу [9, с. 1]. В те годы почти не было своих преподавателей, но обучать детей родному языку родители смогли. Сейчас, когда преподавательский состав школ и вузов Чеченской Республики функционирует в полном составе, имеется много крупных ученых по чеченской филологии, написаны сотни книг и научных изысканий, нет причин, по которым чеченский язык должен уйти в забвение. И, тем не менее, это происходит. Согласно новому Атласу Юнеско, 136 языков на территории России признаны находящимися под угрозой исчезновения. В их числе и чеченский, к сожалению.

Судьба родного слова всегда небезразлична, но особенно возрастает тревога за язык в период наибольшей общественной активности народа, когда в центре внимания оказываются пути развития нацио-

нальной культуры, правосознания, мысли и поведения человека, что и происходит сейчас с чеченским народом. Как показывает многовековой опыт, самые высокие достижения в сфере сохранения и развития языков демонстрируют те государства, в которых сформирована и целенаправленно осуществляется продуманная и обоснованная с научной точки зрения языковая политика. Для Чеченской Республики этот вопрос крайне актуален. Именно поэтому вопрос работы средств массовой информации Чеченской Республики ставится во главу угла.

Методы исследования

Открываются новые рубрики, увеличивается эфирное время для передач на чеченском языке о национальных традициях, адатах, нравах и обычаях народа. Крайне назрели предпосылки для глубокого анализа особенностей воздействия средств массовой информации на духовную культуру и национальное возрождение гражданского общества. В поствоенных условиях Чеченской Республики резко возросло значение культуры среди народа как важнейшего социально-воспитательного фактора развития общества, ведь долгих 18 лет шла деградация населения. В этих условиях требуется усилить внимание к организации и гармонизации образовательно-воспитательного процесса населения через активизацию использования в СМИ устного фольклора. В этом качестве СМИ становятся одним из основных факторов, влияющих на социокультурные перемены в самом обществе. В республике предпринимаются шаги по сохранению и функционированию чеченского языка в образовательных сферах. Выпущен в свет уникальный по составу и структуре словарь «Нохчийн меттан нийсайазданан йоккха дошам» [6, с. 5]. В него вошли слова не только в начальной форме. Дело в том, что в чеченском языке при

изменении формы слова меняются корневые гласные, звуки, основы. Трудности, с которыми сталкивались пользователи письменного чеченского языка, были связаны с косвенными формами, а не с начальными, поэтому словарь и был подготовлен, учитывая именно эти нюансы. В Академии наук ЧР были впервые проведены исследования по прикладной лингвистике, позволившие правильно выстроить структуру словаря и словарных статей [6, с. 3]. Но выпуска одного словаря недостаточно, чтобы удержать стремительно падающий престиж языка. Необходимо предпринять более глобальные и целенаправленные шаги для возврата утерянных позиций [1, с. 17]. Среди множества проблем современности особенно актуальной остается проблема владения языком. Известно, что выжить сможет именно тот язык, который существует в мире его носителей. Желание сохранить вымирающую речь должно исходить, прежде всего, от самого народа. Реалии в чеченском социуме неутешительны. Это одна из главных проблем, которой обеспокоено сегодня чеченское общество.

Автором данного материала была проанализирована ситуация в отношении чеченского языка в одной из школ сельской местности. В 2020 году в начальные классы поступило 72 ребенка. Все они на тот период владели устной чеченской речью. В 2021 году эти же классы заполнило такое же количество детей, разговаривающих на двух языках, смешивая русский и чеченский. Такое происходит тогда, когда ребенок на недостаточном уровне владеет и тем, и другим языком. Тогда оба языка приходят друг другу на помощь, заменяя недостающие слова. В итоге получается сумбур. В 2022 году лишь 20 процентов детей от общего числа более или менее понимают, о чем говорят на родном языке, а остальные не знают его вообще. Такая же ситуация наблюдалась и в других школах. Причина? По наблюдениям опрошенных родителей, дети, которые в течение всего дня сидят в интернете, слышат только русскую речь, ее и осваивают. Родной язык постепенно становится чужд. Вот так и выросло поколение, которое не сможет не только передать в наследство родной язык, но и само оказалось в затруднительной ситуации.

Семья – наиболее важный механизм сохранения родного языка. Народная мудрость гласит, что, если родитель научил своего ребенка чуждому языку раньше, чем родному, он потерял для него как сын или дочь. И как национальная единица для государства тоже. Живой язык существует только в мире его носителей. Постоянное желание разговаривать на родном языке среди членов семьи, родственников, друзей убережет чеченский язык от исчезновения. Но кто придает этому значение в наше скоротечное время? [7, с. 4]

С потерей языка исчезает народный фольклор, годами собранный чеченским народом, песни, традиции, нравы, обычаи, знания об окружающей среде. Словом, целые века человеческих размышлений о прошлом и настоящем. Исчезает наука о чеченском языке, и ученые, годами разрабатывавшие науку о языке, уже не востребованы. Исчезает все, что звучало словом чеченским [6, с. 34]. Ускоренный процесс глобализации наблюдается именно среди малочисленных народов. Гибнут именно языки народных меньшинств. Обеспокоены чеченцы, численность которых, согласно последней переписи населения, составляет свыше одного миллиона четырехсот человек, ингуши численность на 1 января 2021 г. составляет 515 тысяч человек, балкарцы, осетины, адыги и т. д.

Вымирают языки именно малочисленных народов. Представители национальных меньшинств предпочитают чужой язык, потому что он принадлежит большинству [1, с. 5]. Известно, что современная языковая ситуация в мире сформировалась в результате активно протекавшей миграции, под воздействием политических, межэтнических процессов, войн и других факторов (например, многие кавказские этносы оказались в большем количестве на чужбине, за рубежом, чем на исконной родине). Согласно данным, приведенным Джеймстаунским фондом, Европа приняла более 10 % от общего количества чеченцев. В семьях чеченских беженцев дети уже говорят на языке того государства, где они обосновались, и знают его лучше родного.

С точки зрения автора данного исследования, чеченский кризис в вопросах толерантности можно рассматривать именно как выражение интереса российской

национальной идеи. Ведь у каждой нации в социуме свои этапы роста. В чеченском случае «сбой» случился в начале 90-х годов прошлого века, когда историческая ситуация изменилась, а в общественном сознании не сложилось представление о том, как на эту ситуацию правильно реагировать [8, с. 5].

Результаты и обсуждение

Со смертью любого языка умирает целая культура, насколько бы малочисленным ни был народ, разговаривающий на этом языке. Это очень печальный процесс. Язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера. С гибелью каждого языка наша планета утрачивает уникальную возможность думать, знать, существовать и действовать иначе, принимая иной взгляд на мир.

В чеченском языке присутствует лексика, заимствованная в средние века у персов, арабов, тюрков, а на данном этапе исторического развития этот народ заимствовал много слов и из русского языка [8, с. 12] Эти слова живучи, и в архаизм, к сожалению, не ушло ни одно. Четыре мировых языка внесли свой существенный вклад в чеченский язык. Новые заимствования настолько ассимилировались, что слова, внесенные, скажем тюркским языком, принимаются за чеченские [6, с. 18].

Например, тюркские слова:

- *глабакх* (чеч.) – *қабақ* (тюрк.) – *тыква* (рус.);
- *зурма* (чеч.) – *зурна* (тюрк.) – *свирель, зурна* (рус.);
- *ялхо* (чеч.) – *ялгы* (тюрк.) – *батрак* (рус.).

Арабские слова:

- *гиллакх* от араб. *хулюкх* (культура);
- *сахът* от араб. *сахъатун* (часы);
- *зама* от араб. *зама* (время)
- *къам* от араб. *къаум* (национальность);
- *халкъ* от араб. *халькъун* (народ);
- *тептар* от араб. *дефтар* (тетрадь);
- *джовхар* от араб. *джоухар* – (жемчуг);
- *ледал* от араб. *ладил* – (правительство);
- *весет* от араб. *васийх1* – (наставления);
- *жоп* от араб. *джауб* (ответ);
- *эскар* от араб. *таскари* (армия);
- *хабар* от араб. *хабар* (весть);
- *дарж* от араб. *дарж* (пост);
- *парз* от араб. *парз* (заповедь).

Около 40 % арабской религиозной терминологии живут в чеченской речи: *ислам*,

иман, либадат, дин, аулия1, нийят, малайк, тоба, эхарат, тазан, нур, васвас, миск, къемат де и т. д. [8, с. 17].

Вытеснение исконно чеченских слов и обогащение речи арабскими словами началось в период принятия чеченцами ислама 300 лет тому назад. И этот процесс продолжается по сей день. Но сам арабский язык не заимствует чужие слова, хотя вошел в языки многих народов, исповедующих исламскую веру.

В отношении русского языка отметим, что из 20 тысяч чеченских слов, вошедших в чеченско-русский словарь ученого Ахмата Мадиева, четверть заимствованы из русского языка [3, с. 2]. Заимствования из русского языка: *шкаф* (шкаф), *пурстон* (пристав), *эскар* (офицер), *кинжка* (книга), *медал* (медаль), *школа* (школа), *кепек* (копейка), *утог* (утог), *машен* (машина) и т. д.

Перенимая слова из русского языка, чеченцы меняли состав каждого из них на свой лад. Частично персидские слова также вошли в чеченскую речь. К примеру, *паччахь* от персидского *падишах* (царь).

В советский период наблюдалось стирание диалектных различий. Этот процесс повлек за собой исчезновение диалектов вообще. Такая работа привела к засорению языка иностранными терминами и обеднению из-за ухода значительного количества слов в архаизмы. На данный период учеными-филологами вузов Чеченской Республики предпринята попытка вернуть архаизмы в речь и провести работу над активным их употреблением. Это такие слова, как *клархаш* (тапочки), *пазаташ* (чулки), *истанг* (палас), *главали* (платье невесты), *кортали* (шаль), *шекъа* (чернила) и т. д.

Учеными республики рассматривается вопрос приближения диалектов и говоров чеченского языка к нормам национальной литературной речи.

К литературному языку более всего приближены шатойские диалекты [7, с. 9]. Первая попытка к внедрению диалектов в чеченский язык уже предпринята. Например, *Алахъа соьга чорда дош* (чеч. яз.) – *Скажи мне слово грубое* (русс. яз.); *Массо а хенахь багахь йир локхуш ю хьо* (чеч. яз.) – Ты все время напеваешь мелодию (русс. яз.)

Данную работу необходимо активизировать, особенно в эпоху надвигающейся глобализации, когда опасность потерять родную речь уже стоит на пороге.

Имена числительные выпали из речи носителей чеченского языка почти полностью. Свыше 50 студентов филологического факультета ЧГУ им. А. А. Кадырова, опрошенных нами, ответили так:

– *Шун ц1ийнан номер х1ун ю?* (чеч. яз.) – Какой номер вашего дома? (русс. яз.)

– *Пятнадцать ю.*

– *Хьан маса шо ду?* (чеч.яз.) – Сколько тебе лет? (русс. яз.)

– *Двадцать три кхьчна.*

– *Хьовгахь ахча мел ду?* (чеч. яз.) Сколько денег у тебя? (русс. яз.)

– *Пятьсот рублей ду* и т. д.

Литературы на чеченском языке в последние годы стало мало и не потому, что мы испытываем недостаток в талантливых молодых поэтах и писателях. Дело в том, что язык на данном этапе развития, постоянно находясь под давлением русского заменителя, не приобрел той пластичности и конкретности, что позволили бы ему стать вместилищем для поэтического символа. А если уж для поэтов, певцов народной мысли, чеченский язык не может стать качественным инструментом выражения, что уж говорить о среднестатистических обывателях, лишенных духовной установки. Почему именно английский язык является примером для рассмотрения в международном контексте? Потому что его распространенность является следствием не только политической мощи, но и обилием новейшего материала, выходящего именно на этом языке, а также ресурсами, открывающими невиданные просторы для тиражирования информации.

Распространение языка, его «привлекательность» и, как следствие, его дальнейшее развитие возможно только при усло-

вии постоянного его обогащения, повышения количества носителей [2, с. 2]. Число владеющих языком возрастет исключительно по мере того, как тот или иной язык получает практическое значение. Единственным реальным методом, не сопряженным с открытой политической конфронтацией, как видится, является попытка осознанного использования языка, целенаправленного отказа от вкрапления заменителя из русской речи. Естественно, такие меры невозможно применить одновременно и категорично, однако, только время и постепенная трансформация может сохранить сокровище чеченского языка от неминуемой деградации и, как следствие, полного исчезновения.

В Чеченской Республике процесс глобализации только насторожил носителей языка и культуры, сплотил против надвигающейся угрозы исчезновения. Это, с одной стороны. А с другой – во всем мире идут процессы активного заимствования английских слов.

Заключение

Положительной стороной проникновения английского языка в другие является возможность удовлетворения общечеловеческой потребности в общении. Представителям разных культур и носителям разных языков в условиях глобализации становится намного легче понять друг друга. Однако мы можем выделить и другую сторону, явно отрицательную, которая связана с желанием людей пользоваться родной речью, сохранить собственную культуру и уникальный взгляд на мир. Никакой язык не способен передать дух, настрой, величественность народа, кроме родного, но хранить и ценить родной язык по-настоящему могут только его носители.

Литература

1. Алпатов В. М. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. 2004. № 2. С. 15-19.
2. Биткеева А. Н. Роль родного языка в развитии этноса // В пространстве языка и культуры: звук, язык, смысл. М., 2010. С. 39-43.
3. Гортикова М. Столица плюс. Вып. 62. 1 августа, 2007.
4. Интернет-журнал «Живой Кавказ». Этноческие языки в условиях глобализации: угрозы, риски, перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livekavkaz.ru/>

ysclid=lhytw5huat550848540 [дата обращения: 18.02 2023].

5. Мирошниченко В. В. Основные этапы развития национального образования в советский период // Актуальные задачи педагогики. Материалы III Международной научной конференции. Чита, 2013. С. 10-12.

6. Овхадов М. Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М.: изд-во МПГУ, 2000. 244 с.

7. Сулейбанова М. У. Композитное словообразование в нахских языках. Дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала, 2009. 374 с.

References

1. Alpatov V. M. Globalization and the development of languages // Questions of Philology. 2004. No. 2. Pp. 15-19. (In Russian)
2. Bitkeeva A. N. The role of the native language in the development of the ethnos. In: In the space of language and culture: sound, language, meaning. Moscow, 2010. Pp. 39-43. (In Russian)
3. Gortikova M. Stolitsa plus. Issue 62. August, 1, 2007. (In Russian)
4. Online Journal "Living Caucasus". Ethnic languages in the context of globalization: threats, risks, prospects. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.livekavkaz.ru/?ysclid=lhytw5huat550848540> [accessed 18.02 2023].
5. Miroshnichenko V. V. The main stages of the development of national education in the Soviet period. In: Actual tasks of Pedagogy. Materials of the 3rd International Scientific Conference. Chita, 2013. Pp. 10-12. (In Russian)
6. Ovkhadov M. R. National language policy and development of the Chechen-Russian bilingualism. Moscow, MPSU publ., 2000. 244 p. (In Russian)
7. Suleybanova M. U. Composite word-formation in the Nakh languages. Dissertation for Doctor of Philology degree. Makhachkala, 2009. 374 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Борзаева Белисат Бакиевна, старший преподаватель кафедры журналистики, Чеченский государственный университет (ЧГУ) им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия; e-mail: stl_77@mail.ru

Принята в печать 25.09.2022 г.

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Belisat B. Borzaeva, assistant lecturer, the chair of Journalism, A. A. Kadyrov Chechen State University (ChSU), Grozny, Russia; e-mail: stl_77@mail.ru

Received 25.09.2022.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.351.32

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-101-105

Лексические особенности керенского диалекта агульского языка

© 2023 Исрафилов Н. Р.

Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Статья посвящена лексическим особенностям керенского диалекта агульского языка. Основные **методы** исследования, привлекаемые в работе, включают описательный метод, сопоставительный метод, метод концептуального анализа, метод анализа словарных дефиниций, перевод, количественные подсчеты. **Результаты.** Лексика керенского диалекта в сравнении с собственно агульским диалектом, который лежит в основе агульского литературного языка, наравне с общим лексическим составом имеет и ряд отличий. Некоторые отличия носят фонетический характер. Имеются различия между керенским и собственно агульским диалектами. **Заключение.** Фонетические различия имеют определенное место в лексике керенского диалекта в сравнении с лексикой собственно агульского диалекта. Слова, некоторые в керенском диалекте и собственно агульском диалекте, имея одно и то же значение, звучат по-разному. Они представляют собой керенские диалектизмы.

Ключевые слова: агульский язык, лексические единицы, формы множественного числа, лексика, заимствованные, диалект, фонетические различия.

Формат цитирования: Исрафилов Н. Р. Лексические особенности керенского диалекта агульского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 101-105. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-101-105

Lexical Features of the Keren Dialect of the Agul Language

© 2023 Nariman R. Israfilov

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

ABSTRACT. **Aim.** The paper deals with the lexical features of the Keren dialect of the Agul language. The main research **methods** involved in the work include the descriptive method, the comparative method, the method of conceptual analysis, the method of analyzing dictionary definitions, translation, quantitative calculations. **Results.** The vocabulary of the Keren dialect in comparison with the Agul dialect proper, which is the basis of the Agul literary language, along with the general lexical composition has a number of differences. Some differences are phonetic in nature. There are differences between the Keren and the Agul dialects proper. **Conclusion.** Phonetic differences have a definite place in the vocabulary of the Keren dialect in comparison with the vocabulary of the Agul dialect proper. The words, some in the Keren dialect and the Agul dialect proper, having the same meaning, sound differently. They represent Keren dialectisms.

Keywords: the Agul language, lexical units, plural forms, vocabulary, loanwords, dialect, phonetic differences.

For citation: Israfilov N. R. Lexical Features of the Keren Dialect of the Agul Language. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 101-105. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-101-105 (In Russian)

Введение

Диалектная лексика агульского языка совершенно не исследована. Некоторые материалы по диалектной лексике приводятся в монографии А. Дирра и Р. Шаумяна. А. Дирр, который оперировал материалами гехюнского диалекта, к своей работе «Агульский язык» прилагает сборник слов, состоящий приблизительно из 1500 единиц [1, с. 98-156]. Приблизительно такое же количество лексических единиц с различными диалектными вариантами в качестве словаря приводит и Р. Шаумян [6, с. 136-194]. Значительный диалектный материал по агульскому языку привлекает в своем исследовании А. А. Магометов [3, с. 57]. Большой диалектный материал по агульскому языку содержат монографии, посвященные сопоставительному изучению дагестанских языков [см. Кибрик, Кадзасов 1988; 1990]. В первой из них содержится 220 статей, которые относятся к глагольной лексике. Агульский материал здесь представляют керенский и кошанский диалекты. Именная лексика объемом в 573 словарные единицы охватывает данные керенского, гехюнского, кошанского диалектов и фитинского говора. Иногда они дополняются материалами собственно агульского (тшигского) диалекта.

Материалы и методы исследования

Основу словарного состава агульских диалектов и говоров составляет общий лексический фонд, куда входят и заимствования. Керенский диалект наравне с агульским языком в целом также имеет исконную и заимствованную лексику. Исконная лексика делится на: а) лексику, которая входит в общедагестанский фонд; б) лексику, относящуюся к общезезгинскому фонду; в) лексику, относящуюся к общевосточнолезгинскому фонду; г) общагульскую лексику и д) собственно диалектную лексику.

Значительное количество слов, образующих основу керенского диалекта, являются по своему происхождению общедагестанскими. Эта лексика охватывает наиболее важные, жизненно необходимые понятия, такие как части тела, названия небесных светил, предметы окружающей природы, атмосферные явления и т. д. Сюда же входят числительные первого десятка и числительное «сто», глаголы, выражающие такие процессы, которые наиболее часто встречаются в человеческой деятельности: кер. *зас* «колочка, шип» – соб. аг. *зас*; кер. *нис* «сыр» – соб. аг. *нис*; кер. *иркIв* «сердце» – соб. аг. *йиркIв*; кер. *кь'уд* «два» – соб. аг. *ъ'уд*; кер. *ккурах*

«ярмо» – соб. аг. *урккагъ*; кер. *ахъурас* «открывать» – соб. аг. *дахъас* и т. д.

Керенская лексика, входящая в общелезгинский фонд, представляет собой названия частей тела, времен года, предметов быта, животного мира, отвлеченных понятий: кер. *хил* «рука» – соб. аг. *гъил*; кер. хьид «весна» – *хьид*; кер. *жакъв* «воробей» – *джакъв*; кер. *гучI* «страх» – *гучI* и др.

В лексику, которая относится к восточнолезгинскому фонду, входят самые различные слова: кер. *ахун* «постель, матрац» – соб. аг. *ахун*; кер. *абкъан* «полуденный» – соб. аг. *абкъанин*; кер. *илагIан* «подкова» – *лиъ'ан*; кер. *атIас* «резать» – *атIас* и т. д.

По сравнению с предыдущими группами собственно агульская лексика в лексической системе керенского диалекта занимает меньше места. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что количество глаголов, связанных с непосредственной хозяйственно-бытовой деятельностью человека, здесь возрастает. Это глаголы «вводить, загонять (скот)» – *ъачикас*; «добавить к измеренному, взвешенному» – *алчихъас*; «постелить» – *ккихъас / кихъас*; «высыпать» – *ъаттахъас*; «перекинуть (мост)» – *алихъас / лихъас* и др.

Чем дальше агульский язык отходит от общеджарганджского языка-основы, тем больший отрезок отделяет его в пространстве и времени от языков, объединяющихся в прадагестанский язык. После того, как агульский язык отпочковался от восточнолезгинского языка и стал на путь самостоятельного развития (до I в. н. э.), в его лексике происходят заметные изменения. Еще более заметные лексические модификации происходят после того, как агульский язык распался на диалекты.

Результаты и обсуждение

Лексика керенского диалекта в сравнении с собственно агульским диалектом, который лежит в основе агульского литературного языка, наравне с общим лексическим составом имеет и ряд отличий. Среди них можно выделить: отличия, имеющие фонетический характер; отличия, основанные на семантике; отличия, которые распространяются среди составных наименований и, наконец, отличия, основанные на словах, которые в керенском и собственно агульском диалекте передаются разными наименованиями – собственно диалектизмы.

Определенное место среди различий в лексике керенского диалекта в сравнении с лексикой собственно агульского диалекта занимают фонетические различия:

кер.	соб. аг.	
<i>дагар</i>	<i>тIагар</i>	«окно»
<i>багайми</i>	<i>багагъми</i>	«утром»
<i>абакъун</i>	<i>абанкъул</i>	«лоб»
<i>каркагIуб</i>	<i>къаркагIуб</i>	«черепаша»
<i>цIабрухъ'ан</i>	<i>цIабрахъил</i>	«бабочка»
<i>урайар</i>	<i>уриъар</i>	«мята»
<i>чIиб</i>	<i>чIив</i>	«ягода шиповника»
<i>хилиб</i>	<i>хилив</i>	«рукав»
<i>гибагIан</i>	<i>гугIан</i>	«вязанный носок»
<i>ккурах</i>	<i>урккагъ</i>	«ярмо»
<i>жимжир</i>	<i>синджил</i>	«цепь»
<i>уъул</i>	<i>улуд</i>	«дыра»
<i>гIулжанф</i>	<i>хIурджалф</i>	«правый»

Некоторые из фонетических различий, имеющих место между керенским диалектом и собственно агульским, касаются выпадений префиксальной или суффиксальной частей в том или другом диалекте.

кер.	соб. аг.	
<i>хван</i>	<i>гъванкIар</i>	«теневой склон»
<i>габал</i>	<i>ккабалай</i>	«ящерица»
<i>шиттай</i>	<i>шатт</i>	«комар»
<i>алчихъар</i>	<i>алчахъ</i>	«овес»
<i>йери</i>	<i>йерйер</i>	«молотильная доска»
<i>ккукк</i>	<i>сагуг</i>	«каток для крыши»

Значительный интерес с научной точки зрения представляют семантические преобразования слов. Одни и те же слова в сопоставляемых диалектах (керенском и собственно агульском) имеют разные значения. Однако необходимо отметить, что эти значения не выходят за пределы определенного семантического поля, например:

кер.	соб. аг.	
ср. <i>кIамтур</i> «губа»	но <i>кIамтур</i> «морда»	
<i>марцI</i> «орел»	<i>марцI</i> «гриф»	
<i>хамбеф</i> «незамужняя женщина»	<i>хумбеф</i> «самка»	
<i>маIж</i> «крапива»	<i>медж</i> «съедобная трава»	
<i>кутIул</i> «ветка»	<i>кутIул</i> «прут»	

Некоторые из слов данной группы различаются по диалектам по объему своего содержания, ср. кер. *цIаб* «лист растения (но не дерева)» – соб. аг. *цIаб* «лист (вообще)»; *хас* «нести», «уносить», «брать с собой» – *гъас* «нести».

Другие два значения слова *хас*, отмеченные в керенском и собственно агульском диалектах, передаются глаголом *файвес*.

Представлены случаи, когда составному слову собственно агульского диалекта в керенском соответствует простое слово, при этом в описываемом диалекте слово является многозначным: кер. *х'ав* «орех», «косточка фруктов» – соб. аг. *бакли-хев* «косточка фруктов» [2, с. 32].

В керенском диалекте представлены составные наименования – устойчивые сочетания или описательные конструкции, – которым в собственно агульском диалекте соответствуют такие же устойчивые сочетания или несложные слова:

кер.	соб. аг.	
<i>кIили х'арх'а</i>	<i>ттаргъун</i>	«надмогильный камень»
<i>гъван</i>		
<i>фуни гутIул</i>	<i>мавун</i>	«почка»
	<i>чарккв</i>	
<i>къркъан руд</i>	<i>сурс</i>	«пищевод»
<i>къарахIасан</i>	<i>хинзазай</i>	«паук»
<i>пIа акъас</i>	<i>мач икIас</i>	«целовать»
<i>цIуппе хъас</i>	<i>джин хъас</i>	«прятаться»
<i>гунтI хъас</i>	<i>завал хъас</i>	«собираться»

Самую большую группу составляют слова, которые в керенском и собственно агульском диалектах, имея одно и то же значение, звучат по-разному. Они представляют собой керенские диалектизмы:

кер.	соб. аг.	
<i>гъ'алар</i>	<i>мурхI</i>	«сани, дровни»
<i>хулжак</i>	<i>хъириг</i>	«веник»
<i>хъеб</i>	<i>хандаг</i>	«фундамент»
<i>килайар</i>	<i>цIуфул</i>	«очаг»
<i>къ'ватI</i>	<i>улуд</i>	«пещера»
<i>хъиттан кIил</i>	<i>булах</i>	«родник»
<i>генж</i>	<i>ручI</i>	«иней»
<i>цIарф</i>	<i>цIавлаьпен</i>	«молния»
<i>тиреб</i>	<i>кулак</i>	«ветер»
<i>хилин гъ'ан</i>	<i>гап</i>	«ладонь»
<i>хам</i>	<i>кьудаь</i>	«пшкура мелко-го рогатого скота»
<i>аттучIуф</i>	<i>асхъай</i>	«чирей, нарыв»
<i>ччуччу</i>	<i>гъ'абай</i>	«папа»
<i>гада</i>	<i>кIиркI</i>	«сын»
<i>гъ'убар</i>	<i>укъар</i>	«баран»
<i>дана</i>	<i>йард</i>	«бычок 1-3 лет»
<i>тула</i>	<i>гъуй</i>	«собака»
<i>букъац</i>	<i>вакк</i>	«свинья»
<i>йаман</i>	<i>кьидибан</i>	«ёж»
<i>гIулгIулай</i>	<i>къркъ / хIаджилеглег</i>	«журавль»
<i>чIигас</i>	<i>тIухас</i>	«вянуть»
<i>цамп</i>	<i>гъ'аму</i>	«шаг»
<i>х'урагъ'ан</i>	<i>раттаккай</i>	«нищий»
<i>маIлеф</i>	<i>шергвеф</i>	«гладкий»
<i>йагIтIас</i>	<i>аргIас</i>	«ломаться»
<i>ибх'ас</i>	<i>даркас / изан акъас</i>	«пахать»
<i>уттас</i>	<i>ттун акъас</i>	«прясть»
<i>лахъас</i>	<i>аликIас</i>	«надевать»

<i>гужал</i>	<i>къарк</i>	«кора, кожура»
<i>пицI</i>	<i>гъ'уркI</i>	«смола»
<i>жигъа</i>	<i>ибицел</i>	«щепка»
<i>майзар</i>	<i>къуч</i>	«чухта»
<i>бер</i>	<i>лаппаттка</i>	«железная лопата»
<i>къуни</i>	<i>газа</i>	«мотыга»
<i>кIаши</i>	<i>бакълукъ</i>	«кувалда»
<i>дукъум</i>	<i>ттун</i>	«шерстяная нитка»
<i>месв</i>	<i>мант</i>	«трут»
<i>йахал</i>	<i>гъ'урджан</i>	«плоское точило»
<i>хабар</i>	<i>хIикат</i>	«сказка»
<i>аваз</i>	<i>ун</i>	«голос»
<i>хъидулф</i>	<i>хумбеф</i>	«самка»
<i>айс</i>	<i>ахтт</i>	«вниз»
<i>мукъу</i>	<i>багу</i>	«близко»
<i>бабаф</i>	<i>хIаф / азманф</i>	«большой»
<i>йаркъ'веф</i>	<i>къикъеф</i>	«тяжелый»
<i>йалхъунф</i>	<i>илгунф</i>	«легкий»
<i>буIшеф</i>	<i>кара</i>	«глухой»
<i>йахунф</i>	<i>забунф</i>	«худой»
<i>ккеттуф</i>	<i>исалф</i>	«узкий»
<i>супIас</i>	<i>цIуфас</i>	«сосать»
<i>укъарф</i>	<i>иллеф</i>	«самец»
<i>гIуб</i>	<i>гатIил</i>	«веревка»
<i>каб</i>	<i>гирген</i>	«моток ниток»
<i>чагъдеф</i>	<i>кукф</i>	«жирный (о животных)»
<i>мукърух</i>	<i>цIуппеф</i>	«жадный»
<i>капур</i>	<i>ханджал</i>	«кинжал»

Заключение

Керенские диалектизмы по происхождению представляют собой единицы разного плана. Многие из них заимствованы из лезгинского языка (*гъ'алар*, *къвал*, *хам*, *чIигас*, *мукъу*, *буIшеф*, *йахунф* и др.), другие являются восточными заимствованиями [*тула* (тюрк.), *дана* (тюрк.); *йаман* (араб.), *хабар* (араб.); *бер* (иран.), *аваз* (иран.), *гада* (иран.), *чагъдеф* (иран.)]. Интересно отметить, что некоторые восточные заимствования, в частности иранизмы, по своему значению близки к источнику. Естественно было бы предположить, что эти слова проникли через лезгинское посредство и должны были иметь такие же значения, как в лезгинском. Однако близость керенских значений с иранскими опровергает лезгинское посредство. В диалектизмах описываемой локальной единицы задействованы и собственно языковые ресурсы. Так, например, здесь приведены в действие словообразовательные механизмы, где встречаются способ сложения основ (ср. *хул-жак*, где *хул* ← *хал* «дом, комната» + *жак* – основа глагола *жик-ас* «подметать»), описательный спо-

соб (*хьиттан кИл* – букв. «воды начало», *хилин гъ'ан* – «руки нутро», *силабарин йаккар* – «зубов мясо»), суффиксальный способ (*дукъ-ум* – от основы глагола *дукъ-ас* «шить» и суффикса *-ум*), способ переноса значения (*аттучИуф* «вышедший» – *аттучИуф* «чирей, нарыв», т. е. то, что вышло, вылезло). Здесь встречаются и реликтовые глаголы, которые утрачены другими диалектами и говорами агульского языка, но сохранились производные от данных глаголов, ср. кер. *ибх'ас* «пахать» и

соб. аг. *ибхIал* «пар»; кер. *уттас* «прясть» и соб. аг. *ттун акъас* «то же».

В описываемом диалекте имеются номинации, которые не имеют эквивалентов в собственно агульском диалекте. К ним относятся: *nlalж* «лист дерева», *нукъи* «земляника», *йагъ'ав* «ковш» и др. Некоторые из этих слов являются заимствованиями из соседнего лезгинского языка, ср. лезг. *пеш* «лист дерева», *некъи* «земляника».

Литература:

1. Дирр А. М. Агульский язык (грамматический очерк, тексты, сборник агульских слов с русским к нему указателем). Тифлис, 1907. 188 с.
2. Исафилов Н. Р. Фитинский говор агульского языка. Махачкала: изд-во, ДНЦ РАН, 2013. 142 с.
3. Магометов А. А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси: Мецниереба, 1970. 241 с.

4. Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. 210 с.
5. Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: изд-во Петрозаводского университета, 1994. 287 с.
6. Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.–Л., 1941. 244 с.

References

1. Dirr A. M. Agul language. Tbilisi, Metsniereba publ., 1907. 188 p. (In Russian)
2. Israfilov N. R. Fiti dialect of the Agul language. Makhachkala: DSC RAS publ., 2013. 142 p. (In Russian)
3. Magometov A. A. Agul language (Research and texts). Tbilisi, Metsniereba publ., 1970. 241 p. (In Russian)

4. Suleymanov N. D. Comparative-historical study of the dialects of the Agul language. Makhachkala, 1993. 210 p. (In Russian)
5. Tarlanov Z. K. Aguls: their language and history. Petrozavodsk: Petrozavodsk University publ., 1994. 287 p. (In Russian)
6. Shaumyan R. Grammatical essay of the Agul language. Moscow-Leningrad, 1941. 244 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Исафилов Нариман Рамазанович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Nariman R. Israfilov, Ph. D. (Philology), assistant lecturer, the chair of Dagestan Languages, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

Принята в печать 25.01.2023.

Received 25.01.2023.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.351.1

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-106-110

Названия семечковых плодов в аварском языке

© 2023 Нурмагомедов М. М., Пайзулаева П. Г.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: magnurmag@mail.ru, hunzahp@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Статья посвящена семантическому, структурному и диахроническому анализу названий семечковых плодов и диахронический анализ названий семечковых плодов в аварском языке. Основные **методы** исследования, используемые в работе, включают описательный метод, метод концептуального анализа, метод анализа словарных дефиниций, перевод. **Результаты.** Значительные изменения в словарном фонде аварского литературного языка происходят в связи с миграционными процессами и ослаблением социальной роли родного языка. Впервые в научный оборот вводится материал названий семечковых плодов аварского языка с проведением структурно-семантического анализа, а также выявлены исконные и заимствованные пласты лексики. **Заключение.** В аварском языке имеется богатая земледельческая лексика, и не всегда удается проводить сравнения с другими дагестанскими языками. Сохранение его для подрастающего поколения – неотложная проблема исследования аварского языка.

Ключевые слова: аварский язык, лексические единицы, лексика, семечковые плоды, кавказские языки.

Формат цитирования: Нурмагомедов М. М., Пайзулаева П. Г. Названия семечковых плодов в аварском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 106-110. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-106-110

The Avar Names of Pomaceous Fruit

© 2023 Magomed M. Nurmagomedov, Patimat G. Payzulaeva

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: magnurmag@mail.ru, hunzahp@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The paper deals with the semantic, structural and diachronic analysis of the names of seed fruits and diachronic analysis of the names of seed fruits in the Avar language. The main research **methods** used in the work include the descriptive method, the method of conceptual analysis, the method of analyzing dictionary definitions, translation. **Results.** Significant changes in the vocabulary of the Avar literary language occur due to migration processes and the weakening of the social role of the native language. For the first time, the material of the names of the seed fruits of the Avar language is introduced into scientific circulation with structural and semantic analysis, as well as the original and borrowed layers of vocabulary are revealed. **Conclusion.** The Avar language has a rich agricultural vocabulary, and it is not always possible to make comparisons with other Dagestan languages. Preserving it for the younger generation is an urgent problem of studying the Avar language.

Keywords: Avar language, lexical units, vocabulary, pomaceous fruit, Caucasian languages.

For citation: Nurmagomedov M. M., Payzulaeva P. G. The Avar Names of Pomaceous Fruit. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 106-110. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-106-110 (In Russian)

Введение

Значительные изменения в словарном фонде аварского литературного языка происходят в связи с миграционными

процессами и ослаблением социальной роли родного языка.

Почти 90 % детей, обучающихся в городских дошкольных образовательных учреждениях, в начальных классах и в сред-

нем звене, слабо знают свой родной язык. Подрастающее поколение не владеет сельскохозяйственной, животноводческой и промысловой лексикой. Очень слабая терминологическая база. Большое количество терминов и понятий отраслевой лексики бесследно исчезает. В связи с этим особую значимость приобретает сбор и исследование отраслевой лексики родного языка.

Настоящая статья ставит себе целью дать структурно-семантический и диахронический анализ названий семечковых плодов в аварском языке на современном этапе его развития.

Кроме того, в статье решаются конкретные задачи: а) фиксация и сбор названий семечковых плодов в аварском языке; классификация и систематизация названий семечковых плодов в аварском языке; проведение структурно-грамматического, лексико-семантического, в отдельных случаях и этимологического анализа этих лексем; классификация названий семечковых плодов аварского языка с выявлением исконных и заимствованных лексем.

В данной статье впервые в научный оборот вводится материал названий семечковых плодов аварского языка с проведением структурно-семантического анализа, а также выявлены исконные и заимствованные пласты лексики.

Результаты исследования

Результаты данной работы способствуют уточнению и дополнению материала в лексикографических исследованиях. Исследование может восполнить имеющийся пробел в области изучения отраслевой лексики аварского языка.

Результаты такой работы позволят внести соответствующие уточнения и дополнения в справочные лексикографические и иные работы.

О необходимости исследования отраслевой лексики, было отмечено в специальной статье А. С. Чикобавы [11, с. 35-36], где он пишет: «Изучение отраслевой лексики подразумевает два этапа: первый – сбор материала, в связи с реалиями, фиксация слова с учетом обозначаемого предмета (где это касается быта); необходим сбор материала по всем диалектам и говорам с систематической проверкой данных у ряда лиц в каждом пункте: иначе случайности индивидуального понимания не удастся изжить. Сбор материала – естественно вести планомерно с последовательным охватом различных диалектов и говоров. Сбор материалов микролексики –

задача неотложная: определенные слова, даже целые слои лексики могут быть навсегда утеряны для науки. Обработка собранного материала требует уяснения истории слова: слово свое или заимствованное. Если – свое, каков его состав (основа простая, производная, сложная), с какими основами в родственных языках связана данная основа, в каких устойчивых словосочетаниях данное слово встречается (фразеологизмы, идиоматика) Если слово заимствованное, следует установить, из какого языка и через посредство какого языка усвоено, какие изменения претерпели его звуковой состав, его значение. Изучая слово, важно установить ареал его употребления. Это касается как слов своих, так и усвоенных».

Анализируя собранный материал названий семечковых плодов в аварском языке, мы придерживались положений, выдвинутых А. С. Чикобавой.

Свидетельством того, что в Дагестане издревле занимались земледелием, являются многочисленные работы кавказоведов.

Обследовав сельскохозяйственные культуры низменных и горных районов, академик Н. И. Вавилов [2] установил верхние пределы земледелия (до 2490 м.).

М. Гаджиев [4, с. 12], анализируя находки фруктовых косточек в Ирганайском поселении, подтверждает наличие садоводства в Дагестане еще в бронзовом веке.

В. М. Загиров [3, с. 121] в монографии «Историческая лексикология языков лезгинской группы» пишет: «Хорошо представлена в общedaгестанском словарном фонде лексика, связанная с земледелием...».

В аварском литературном языке встречаются следующие названия семечковых плодов: яблоко, группа и айва.

Название *ɟlɛç* «яблоко» в литературном языке и диалектах аварского языка особо не отличается. Соответствующие корни наименования *ɟlɛç* имеются и в других дагестанских языках: лезг. *ич*, таб. *вич*, аг. *ɟlɛç / ɟьеч*, рут., цах. *еч*, крыз. *йавч*, буд. *йеч*, дарг. *ɟлици*, анд. *инчи*, цез. *ɟьенеш*, лак. *ɟывч*, *ɟвич*, что свидетельствует о более древнем характере распространения этой культуры в Дагестане.

В нагорной части Дагестана, где проживают преимущественно аварцы, имеются разные сорта яблок – некультивируемые дикорастущие и культивируемые садовые. В названиях яблок встречаются исконно аварские лексемы как: *цлцлɛɟlɛç*, *сабудасаɟlɛç* онсоксабу, *шинариɟlɛç*, *нисуɟlɛç*;

имеются также заимствованные наименования: *дулишес, истакан, шафран, симиринка, ранет, айдаред*.

Как правило, исконно аварские названия структурно состоят из двух компонентов. Второй компонент обычно означает *гӀеч* «яблоко», а первый компонент является определением сорта яблок. К примеру, *цӀцӀергӀеч* букв. «стеклоподобные яблоки» образовано от слова *цӀцӀер* «стекло» + *гӀеч* «яблоко»: *цӀцӀер* + *гӀеч* → *цӀцӀергӀеч* «хрустящие яблоки». Такая же структура и наименования *нисугӀеч* – *нису* «творог» + *гӀеч* «яблоко» → *нисугӀеч* «яблоко как творог». Возможны два варианта образования лексем *цӀцӀергӀеч* «хрустящие яблоки» и *нисугӀеч* «яблоко как творог». Первый вариант: сложные слова *цӀцӀергӀеч* «хрустящие яблоки» и *нисугӀеч* «яблоко как творог» образованы от изафетного словосочетания, где первый компонент *цӀцӀер, нису* являются атрибутивными показателями-приложениями. Второй вариант: эти сложные слова образованы синтаксическим способом, а именно – *цӀцӀергӀадинаб гӀеч* «яблоки как стекло» или *стеклообразные яблоки; нисугӀадинаб гӀеч*, т. е. «яблоки как творог».

Другие наименования яблок типа *сабудасагӀеч, онсоксабу, шинаригӀеч*, возможно, имеют отношение к месту выращивания яблок. Лексема *сабудасагӀеч* состоит из двух компонентов: *сабудаса* (форма элатива первой серии конкретной местности) плюс *гӀеч* «яблоко» в номинативе. Так же можно описать происхождение сложного наименования *шинари* + *гӀеч* → *шинаригӀеч*. Однако, выяснить отношение композита *онсоксабу* к селению Унсоколо (Онсоколо) Унцукульского района Республики Дагестан ныне очень трудно.

Как видно из этих примеров, заимствованные названия *дулишес, истакан, шафран, симиринка, ранет, айдаред* этих сортов в большинстве своем являются русизмами.

Самым выращиваемым сортом яблок в этом регионе считается *хӀахӀагӀеч* «белые яблоки». Образовано от качественного прилагательного *хӀахӀа(б)* и определяемого слова *гӀеч* «яблоко». Не менее распространенной разновидностью является *багӀаргӀеч* «красное яблоко» – *багӀара(б)* + *гӀеч*. В этих названиях вторым компонентом является слово *гӀеч* «яблоко», а первыми компонентами *хӀахӀа(б)* «белый» и *багӀара(б)* «красный». Следует отметить, что в салатавском диалекте ауслутный классный показатель б сохраняется, а в

хунзахском выпадает: *багӀараб гӀеч* (салатавский диалект) – *багӀаргӀеч* (хунзахский диалект).

Особенно высоко в горах плоды дикорастущих деревьев очень кислые и мелкие. В пищу их не употребляют, ими в основном питаются птицы и дикие животные. Вполне возможно, название *гӀадигӀеч* «вороньи яблоки» каким-то образом связано с термином *гӀеду*. Получено из двух компонентов: *гӀади(л)* «вороньи» (*гӀеду* «ворона») + второй компонент *гӀеч* «яблоко». Идентично кислые яблоки называются *цӀцӀекӀагӀеч* «кислые яблоки». В структуре названия два компонента: *цӀцӀекӀа(б)* «кислый» – *гӀеч* «яблоки». Зимний сорт яблок называется *хасалигӀеч* «зимние яблоки». Начальным компонентом выступает слово *хасали(л)* имя существительное в генитиве, а вторым – имя существительное *гӀеч* в номинативе. На стыке компонентов ауслутный показатель генитива -л выпадает.

Довольно часто названия связаны с населенным пунктом, где преимущественно выращивают данный сорт яблок. К примеру, *мундерилгӀеч* означает сорт яблок, выращиваемый больше всего в селении Муни Ботлихского района Республики Дагестан. Рассматриваемый сорт яблок отличается приятным запахом, хорошим вкусом, красным цветом. К тому же, *мундерилгӀеч* «мунинское яблоко» созревает в конце весны. Название состоит из двух компонентов – *мундерил* «мунинское» + компонент *гӀеч* «яблоко».

Выращивание новых сортов яблок привело к заимствованию их названий. Раньше не были известны такие названия, как *шафран* (с полосками), *истакангӀеч* «розмарин», похожий на стакан, *симиринка* – зеленое яблоко, *ранет* – с преобладанием кислого вкуса, *айдаред* – красного цвета со сладким вкусом.

В литературном аварском языке и во многих говорах и диалектах встречается название *гени* «груша». Не вызывает сомнения то, что это наименование является исконно аварским. Свидетельством данного утверждения является то, что этот корень не встречается в других дагестанских языках. Проведем небольшой сравнительный анализ: лезг. *чуьхвер, чихер*, таб. *джихир*, аг. *джихер*, крыз. *джуьхлуьр*, буд. *чохлуьр*, рут. *х'ыр*, уд. *ар*, арч. *х'ерт*, дарг. *хь'ар*, лак. *хь'урт*. По мнению С. М. Темирбулатовой [9, с. 141], «во всех диалектах даргинского языка (кроме кубачинско-

го) и в литературном языке название группы имеет одну форму *хъэр*, куб. *хъий*. Близкие параллели представлены в лакском *хъорт*, арчинском *херт*, чеченском *хъор*. Родственные слова распространены и в других дагестанских языках: таб. *жжехер*, *жжихир*, *жжехаьр*; агул. *жжехаьр*, лезг. *чуьхвер*, *чихер*. В материалах сборника «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» данное слово рассматривают как исконное дагестанско-нахское. Однако корневая морфема слова *гени* «груша» в аварском языке отличается от этого названия в других дагестанских языках.

В аварском литературном языке представлены следующие сорта и соответственно названия групп: *хлотлоцгени*, *мусагени*, *члахлиягени*, *хламагланкъгени*, *хъиругени*, *багларгени*, *глицсингени*, *ахикъасагени*, *хасалигени*.

Название *хъиругени* является сложным словом и состоит из двух компонентов: первый компонент *хъиру* «песчаник», второй – *гени* «груша».

Генезис наименования *хлотлоцгени* не вызывает сомнения. Оно, бесспорно, получено от слова *Хлотлоц* «Хоточ», что означает населенный пункт в Гунибском районе Республики Дагестан. Второй компонент – *гени* «груша».

По нашему мнению, наименование *ахикъасагени* получен из двух компонентов. Первый компонент *ахикъаса* «из сада» является четвертой серией элатива, а второй компонент – *гени* «груша». По этому же принципу образовано и другое слово *хасалигени* «зимние груши». Определяемым здесь является второй компонент *гени* «груша», а определением – первый компонент *хасалил* «зимний».

Из двух компонентов состоит наименование *члахлиягени* – первый компонент *члахлия(б)* «большой», а второй – *гени* «груша». Идентично образование и другого антонимичного названия – *глицсингени* «мелкие груши», которое состоит из первого компонента – наречия *глицсин* «мелко» и второго компонента – *гени* «груша».

В диалектах аварского языка встречаются и другие названия различных сортов груши. В салатавском, восточном и хунзахском диалектах северного наречия аварского языка распространенным названием является *багларгени*. Оно буквально означает «красные груши». Название состоит из двух компонентов: от краткого прилагательного *баглар* «красно» с прибавлением определяемого слова в номинативе *гени* «груша». В северном наречии аварского

языка встречаются поговорки со словом *багларгени*: «*Кидаго багларгени буклунареб*» «Не всегда бывают красные груши», что означает «опоздал» (букв. «Всегда красные груши не бывают»).

Довольно распространенным сортом груш является – *гланкъулигени*, что буквально означает «груши, от которых можно захлебнуться». Видимо, название объясняется качественной характеристикой данного сорта груш.

В говорах северного наречия аварского языка встречаются следующие формы этой лексемы: в хунзахском, тлайлухском говорах и среднеарадерихском подговоре – *гланкъулигени*, игалинском, харахинском, оротинском, амушинском говорах и верхнеарадерихском подговоре – *гланкъулегени*.

Название *хлаваглед* «айва» в аварском языке является заимствованным. В литературном языке и диалектах нет различий в названии *хлаваглед*. Оно состоит из двух самостоятельных слов. Первый компонент *Хлава* в аварском языке означает «Ева», а второй компонент *глед* «яблоко». Для уточнения генезиса данного названия приведем примеры из различных дагестанских языков: лезг. *жум* (гюн.), *жым* (ахт.) «айва»; таб. *кумиш* (хив.), *куьрмешш* (хан.), *кушим* (дюб.); аг. *куршам* (соб. аг), *гуршем* (коп.); лак. *ккурмуз*; дарг. *чимис* (хайд.) «айва»), а также из арчинского (*гермец* «айва»). В самом лезгинском языке формы структурно идентичны с формами других лезгинских языков, например, цах. *шим*; крыз. *джум*; хин. *джум* «айва». Среди согласных [ж], [дж], [ш] исходным считают звонкий спирант [ж] [8, с. 315]. Сравнительный анализ показывает, что параллели названия имеются почти во всех дагестанских языках, что дает основание считать его общедагестанским.

В других работах исследователей дагестанских языков также имеется сравнительный материал по этому вопросу [1, с. 41-42; 10, с. 55,]. Следует отметить, что название *хлаваглед* «айва» не имеет ничего общего с вышеуказанными терминами других дагестанских языков.

Заключение

Итак, выясняется, что в аварском языке имеется богатая земледельческая лексика и не всегда удается проводить сравнения с другими дагестанскими языками. Сохранение его для подрастающего поколения – неотложная проблема исследования аварского языка.

Литература:

1. Алексеев М. Е., Загиров В. М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992.
2. Вавилов Н. И. Дикие родичи плодовых деревьев Азиатской части СССР и Кавказа и проблемы происхождения плодовых деревьев // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 26. Ленинград, 1931.
3. Загиров В. М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987. 143 с.
4. Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980. С. 7-14.
5. Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.

6. Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.
7. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. 462 с.
8. Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980.
9. Темирбулатова С. М. Отраслевая лексика даргинского языка. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2008. 463 с.
10. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973.
11. Чикобава А. С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // Ежегодник ИКЯ. Т. 2. Тбилиси, 1975. С. 27-38.

References

1. Alekseev M. E., Zagirov V. M. School etymological dictionary of the Tabasaran language. Makhachkala, Daguchpedgiz publ., 1992. (In Russian)
2. Vavilov N. I. Wild relatives of fruit trees of the Asian part of the USSR and the Caucasus and problems of the origin of fruit trees. In: Proceedings on applied botany, genetics and breeding. Vol. 26. Leningrad, 1931. (In Russian)
3. Zagirov V. M. Historical lexicology of the languages of the Lezghin group. Makhachkala, 1987. 143 p. (In Russian)
4. Gadzhiev M. G. Ancient agriculture and cattle breeding in mountainous Dagestan. In: North Caucasus in antiquity and the Middle Ages. Moscow, Nauka publ., 1980. Pp. 7-14. (In Russian)
5. Gadzhiev M. G. Early agricultural culture of the North-Eastern Caucasus (the epoch of the Eneolithic and Early Bronze Age). Moscow, Nauka publ., 1991. 264 p. (In Russian)

6. Gadzhiev M. G. Early agricultural culture of the North-Eastern Caucasus (the epoch of the Eneolithic and Early Bronze Age). Moscow, Nauka publ., 1991. 264 p. (In Russian)
7. Gadzhiev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. The history of Dagestan from ancient times to the end of the 15th century. Makhachkala, 1996. 462 p. (In Russian)
8. Talibov B. B. Comparative phonetics of the Lezghin languages. Moscow, Nauka publ., 1980. (In Russian)
9. Temirbulatova S. M. Branch vocabulary of the Darghin language. Makhachkala, DSC RAS publ., 2008. 463 p. (In Russian)
10. Khaydakov S. M. Comparative dictionary of Dagestan languages. Moscow, Nauka publ., 1973. (In Russian)
11. Chikobava A. S. Branch vocabulary and scientific relevance of its study. In: // ICL Yearbook. Vol. 2. Tbilisi, 1975. Pp. 27-38. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Принадлежность к организации**

Нурмагомедов Магомед Магомедсайгидович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: magnurmag@mail.ru

Пайзулаева Патимат Гамзатовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры дагестанских языков, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: hunzahp@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023.

THE AUTHORS INFORMATION**Affiliations**

Magomed M. Nurmagomedov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Languages, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: magnurmag@mail.ru

Patimat G. Payzulaeva, Ph. D. (Philology), assistant lecturer, the chair of Dagestan Languages, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: hunzahp@mail.ru

Received 25.01.2023.

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 81.351.42

DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-111-116

Сложноподчиненные предложения в чеченском языке. Инфинитивные обороты в значении объектных придаточных предложений

© 2023 Сулейбанова М. У. ¹, Хабусиева Т. Б. ², Петирова П. Р. ³

¹ Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова,
Грозный, Россия; e-mail: sulejbanova.ru@mail.ru

² Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М. Д. Миллионщикова, Грозный, Россия; e-mail: khabusieva@mail.ru

³ Институт чеченского языка,
Грозный, Россия; e-mail: ppetirova@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель данной статьи – попытаться высказать определенную точку зрения по проблеме гипотаксиса в кавказских и, в частности, чеченском языке. **Методы** соответствуют направлению сравнительно-исторической лингвистики, т. е. в качестве основного здесь используется сравнительно-исторический метод, нацеленный на выявление в сравниваемых языках как подобных, так и различных структурных черт. **Результаты.** Придаточное предложение выражается при помощи синтаксических и морфологических средств: подчиненного аффикса, присоединяемого к форме глагола-сказуемого, различных полупредикативных оборотов.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, придаточное предложение, синтаксические средства, чеченский язык.

Формат цитирования: Сулейбанова М. У., Хабусиева Т. Б., Петирова П. Р. Сложноподчиненные предложения в чеченском языке. Инфинитивные обороты в значении объектных придаточных предложений // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 111-116. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-111-116

Chechen Compound Sentences. Infinitive Constructions as Object Subordinate Clauses

© 2023 Marzhan U. Suleybanova ¹, Tamara B. Khabusieva ²,
Petimat R. Petirova ³

¹ A. A. Kadyrov Chechen State University,
Grozny, Russia; e-mail: sulejbanova.ru@mail.ru

² Acad. M. D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University,
Grozny, Russia; e-mail: khabusieva@mail.ru

³ Institute of Chechen Language,
Grozny, Russia; e-mail: ppetirova@mail.ru

ABSTRACT. The **aim** of the paper is to try to express a certain point of view on the problem of hypotaxis in the Caucasian and, in particular, in the Chechen language. The **methods** correspond to the direction of comparative historical linguistics, i. e. the main method here is the comparative-historical method, aimed at identifying both similar and different structural features in the compared languages. **Results.** The subordinate clause is expressed using syntactic and morphological means: a subordinate affix attached to the form of the verb-predicate, various semi-predicative phrases.

Keywords: compound sentence, subordinate clause, syntactic means, Chechen language.

For citation: Suleybanova M. U., Khabusieva T. B., Petirova P. R. Chechen Compound Sentences. Infinitive Constructions as Object Subordinate Clauses. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 111-116. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-111-116 (In Russian)

Введение

О гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках, так же как и в тюркских, лингвистами высказаны разноречивые мнения.

Объект исследования: морфологическая и синтаксическая характеристика имеющихся в чеченском литературном языке способов выражения придаточных предложений и синтаксических средств, образующих и присоединяющих к главным те немногочисленные придаточные предложения, которые имеются в чеченском литературном языке.

Сложноподчиненное предложение в чеченском языке, как и во всех северокавказских, вызывает много споров. По данному вопросу существует достаточно большое количество гипотез и точек зрения. Однако, на сегодняшний день отсутствует четкая и однозначная позиция в суждениях большого количества исследователей, которые занимались или до сих пор занимаются исследованием природы сложноподчиненного предложения.

Результаты исследования

Точку зрения о наличии гипотаксиса в этих языках (в частности, в чеченском литературном языке) высказал профессор Н. Ф. Яковлев. Основные положения его сводятся к следующему.

К средствам связи придаточного предложения с главным он относит особую форму сказуемого в придаточном предложении, относительные местоимения, союзы и интонацию. Самым древним он считает интонационный способ соединения из двух остальных – придаточной формы сказуемого и относительных местоимений и союзов, к наиболее древнему относит первый.

В отношении развития форм подчинения Н. Ф. Яковлев считает, что «чеченский язык занимает промежуточное положение между языками типа кабардинского или абхазского, с одной стороны, и русским и другими европейскими языками – с другой» [6, с. 43]. Н. Ф. Яковлев признает наличие в чеченском языке не только относительных слов и союзов, но и

указательных местоимений в главном. Частицы косвенной речи *бохуш* (букв. "говоря"), *аьлла* (букв. "сказав") он называет союзами. «Почти все чеченские относительные местоимения и союзы, – утверждает он, – явно недавнего происхождения. Многие из них представляют развитие глагольных форм или падежных форм».

Другую точку зрения по рассматриваемому вопросу выразил Д. С. Имнайшвили, который считает, что в горских иберийско-кавказских языках, за исключением бацбийского языка и панкисского говора чеченского языка, нет гипотаксиса и что значение сложноподчиненного предложения передаётся в них при помощи морфологических средств: причастиями, деепричастиями или другими глагольными формами.

В статье «К вопросу о простом и сложном предложении в лезгинском языке» М. М. Гаджиев также считает причастные, деепричастные и другие обороты придаточными предложениями [2, с. 150].

Профессор Ю. Д. Дешериев в монографии «Бацбийский язык» изложил свою точку зрения на вопрос о гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках. В ней он объясняет, что путаница по данному вопросу вызвана тем, что некоторые языковеды «подгоняют сложноподчиненное предложение в кавказских языках под мерку индоевропейских языков, в частности, под мерку сложно-подчиненного предложения в русском языке» [3, с. 505]. Выводы Н. Ф. Яковлева о том, что в чеченском языке есть сложноподчиненное предложение, Ю. Д. Дешериев считает основанными на переводе чеченского простого предложения сложноподчиненным на русский язык. Он придерживается мнения, что в чеченском языке, как и в аварском, «нет никакого придаточного предложения, как нет в них ни особой формы сказуемого придаточного предложения, ни относительных местоимений и союзов». Однако для бацбийского языка он допускает наличие «причастно-деепричастных форм глаголов, служащих

сказуемым в таких придаточных (причины) предложениях. По мнению Ю. Д. Дешериева, и условное придаточное предложение выражается при помощи подчиненного аффикса, присоединяемого к форме глагола-сказуемого.

При исследовании гипотаксиса в чеченском литературном языке мы исходим из общих установок по вопросам грамматики, и, в частности, синтаксиса А. С. Чикобава и точки зрения, представленной в работах Д. С. Имнайшвили.

В чеченском языке мы имеем ту стадию развития, которая подразумевает перегрузку морфологии и, соответственно, недогрузку синтаксиса. Именно морфологические средства используются для передачи значения сложноподчиненного предложения того языка, в котором последние имеются, причём в литературном языке (в плоскостном диалекте чеченского языка) мы наблюдаем и тенденцию формирования придаточных предложений. Поэтому основной проблемой данного исследования является выявить и дать морфологическую и синтаксическую характеристику имеющимся в чеченском литературном языке способам выражения в значении придаточных предложений и синтаксическим средствам, образующим и присоединяющим к главным те немногочисленные придаточные предложения, которые имеются в чеченском литературном языке.

Инфинитивные обороты в значении объектных придаточных предложений

Такие обороты в чеченском языке встречаются очень редко, особенно те из них, которые заключают в себе предикативную связь. Это, видимо, объясняется грамматической неопределенностью этой глагольной формы и её неизменяемостью в той мере, в какой изменяются другие формы глагола. Кроме того, в чеченском языке предпочтение отдаётся именным формам глагола с суффиксами *-ийла// -йла* и *-ий// -и*, о которых мы скажем ниже. Инфинитивные же обороты, тем не менее, встречаются, и они передают значение объектных придаточных предложений. Так же, как и масдарные обороты, они употребляются с глаголами «чувственного восприятия» или с переходными глаголами: *Иза виелавала лууш ву*. – «Он смеяться желая есть». Субъект *иза* – "он", сказуемое

лууш ву – "желая есть", *"виелавала"* – "смеяться" – ближайший объект при деепричастной форме глагола «чувственного восприятия» *лууш* – "желая".

Но в чеченском языке инфинитив может иметь собственный субъект, и тогда этот инфинитивный оборот передает значение объектного придаточного предложения. Например: *Суо-м, вейша накъуост а иецна, вайша длаваха лууш ву*. – «Я-то хочу, чтобы мы ушли, прихватив нашего товарища. Я-то, нашего товарища прихватив, мы /вдвоем/ уйти желая есть». Субъект этого предложения *суо-м* – "я-то", сказуемое *ву* выражено сложной формой настоящего времени, состоящей из деепричастия настоящего времени *лууш* – "желая" и глагола-связки *ву* – "есть", классным показателем которого управляет субъект *сом*. Вследствие того, что деепричастие образовано от переходного глагола «чувственного восприятия» */лааⁿ – лууш/*, наличие при нём ближайшего объекта вполне закономерно. Этим объектом и является инфинитивный оборот *вайша длавахан* – "мы /вдвоем/ уйти". Инфинитив в нём – глагол непереходный, классный */дла-в-ахаⁿ/*, поэтому субъект *вайша* имеет форму именительного падежа.

Таковую же структуру имеют и следующие предложения: *Цундела цуо сацийра, тахханиехь, занятиеи дла ма йоввлиⁿ, Товсуолта волчу ша яхаⁿ*. – «Поэтому она решила сегодня же, как только закончатся занятия, сама пойти к Товсолту. – Поэтому она решила сегодня же, занятия закончатся /как только/, Товсалта /где/ есть, сама пойти».

Тхуна аша тхайгахь буйса яккха лаъа. – «Мы хотим, чтобы вы у нас переночевали. – Мы вы у нас ночь провести желаем».

Обороты с самостоятельными причастиями в значении объектных и дополнительных придаточных предложений

Данные обороты обозначают объект /дополнение/ – признак, объект /дополнение/ – действие. Обратимся к примерам, в которых причастные обороты выступают в значении объектных придаточных:

Аса дуйцур ду хьуна айса дуйниенахь миел лелийнарг а, сайна миел гинарг а. /Дийц., 71, 33/. – «Я расскажу тебе о том, сколько мною в мире пережито, сколько видано. – Я расскажу тебе, мною в мире

сколько сделанное и мною сколько виденное».

Кхарна льнарг кхарга кхочуи а далуо /Туьйр., 25, 34/. – «Они могут исполнить всё, что захотят. – Им желаемое им удаётся исполнить».

Вай ца динарг хьан дийр дара? Вай динарг хьан дуохуор дара? /Н. Музаев, 146, 21/. – «Кто может сделать то, чего не сделали мы? Кто может уничтожить то, что создано нами? – Нами несделанное кто сделает? Нами сделанное кто разрушит?»

Хинца вай дан диезарг хезин шуна /Н. Музаев, 11, 96, 13/. – «Теперь вы услышали то, что надо нужно сделать. – Теперь нами сделать необходимое, услышали вы».

И шиёна хезнарг, наха дуйьцург хьуна хезний тиехьа? – «Слышал ли ты то, что слышал я, то, что говорят люди? – «Это самому услышанное, людьми рассказываемое ты слышал ли?»

Говруо "диеанарг старуо" диёна /Диц., 20, 12/. – «То, что привезла лошадь, съел бык. – Лошадью привезённое бык съел».

Довзална ца виезарг, нахана а виезна вац /Киц., 28, 6/. – «Того, кого не уважают в семье, не уважают и люди. – Семьёй не любимый людьми любим нет».

Вокхкхачуо аьлларг ца динарг, докхкхачуо уор чу икхкхина /Киц., 36, 7/. – «Тот, кто послушался старшего, попал в большую яму. – Кто не сделал то, что говорит старший, попал в большую яму. – Старшим сказанное не сделавший в большую яму попал».

Дицдийр дац ас аша аьлларг. – «Я не забуду то, что ты мне сказал. – Не забуду я тобой сказанное».

Алал, Амадий, хьуо аланвоаллург. – «Скажи-ка, Амади, то, что ты хочешь сказать. – Скажи-ка, Амади, ты сказать собирающееся».

Суо айса х1инцалац диначунна дуохкуо велин. – «Я раскаялся в том, что до сих пор делал... – Я мною до сих пор сделанном раскаялся...»

Сайна хуург эра ма ду ас хьовга, Ахат. – «Я и скажу тебе, Ахат, то, что я знаю. – Мне знакомое и скажу я тебе, Ахат».

Дагуо дладовхура 1аламуо" делларг. – «Сердце требовало то, что дано природой. – Сердце требовало природой данное».

Ас цхьаммуо" а ца лиелуорг лиеладуо. – «Я делаю то, что никто не делает. – Я никем не делаемое делаю».

Хьуна миел оьшург а оха иецна киечдина /Туьйр., 17, 16/. – «Всё, что тебе необходимо, мы приготовим. – Тебе сколько необходимое мы, купив, приготовили».

Ас дуйьцур ду шуна сайна гинарг а, хилларг а /Дийц., 27, 23/. – «Я расскажу вам всё, что я видел и что произошло».

Остановимся на последнем примере.

Субъект предложения *аса* – "я" имеет форму эргативного падежа, так как сказуемое выражено переходным глаголом *дуйьцур ду* – "расскажу".

Последний требует ближайшего объекта в именительном падеже. Им являются самостоятельный причастный оборот *сайна гинарг* – "мною виденное" и одиночное самостоятельное причастие *хилларг* – "происшедшее". Поскольку они относятся к обобщенному классу "д/д", то классный глагол-сказуемое основной части предложения принимает показатель этого грамматического класса "д" – *дуйьцур ду*. Синтаксическая структура причастного оборота такова: самостоятельная форма причастия прошедшего времени образована от переходного глагола «чувственного восприятия»: *га^и/видеть/ инфинитив/ гина* → *гинарг* (несамостоятельное причастие прошедшего времени). Данное причастие управляет падежной формой своего субъекта, ставя его в дательный падеж: *сайнан* – возвратное от *суо* – "мне". Ближайшего объекта при нём нет: это безобъектный оборот.

Классный показатель и глагола-сказуемого и причастия зависит от грамматического класса подразумеваемого предмета. Например: *Ас ва-лийнарг ахь чувита*. – «Мною приведенного ты впусти».

Речь идёт о лице, относящемся к I классу в/б, о человеке вообще, поэтому и причастие и глагол имеют показатель "в": *в-алийнарг, чу-в-ита*. Если речь идёт о женщине, то указанные формы глагола примут показатель "й": *Ас й-алийнарг ахь чу-й-ита*, и т. д.

Таким образом, показатель грамматического класса зависит от класса подразумеваемого под объектом предмета. Этот же показатель подразумеваемого предмета сохранится у глагола-сказуемого, если даже в причастном обороте будет свой ближайший объект, относящийся к другому классу, т. е. независимо от классного показателя причастия: *Ас дуош делларг*

воьвзира суна. – «Я узнал того, которому я дал слово. – Мною слово данного узнал я».

В данном предложении глагол-сказуемое принимает показатель "в", поскольку речь идёт о человеке /конкретно – о мужчине/. Он подразумевается под объектом, выраженным причастным оборотом *ас дуош делларг* – "мною слово данный // данного", хотя у причастия другой классный показатель – "д" /*д-елларг*/, требуемый ближайшим объектом *дуош* – "слово", относящимся к грамматическому классу д/д существительных.

Падежная форма причастных оборотов зависит от управления глаголом и глагольной формой основной части предложения. Поэтому в значении дополнительных придаточных предложений причастные обороты имеют различные падежные формы. Например:

Форма родительного падежа: *Уож-Булата лерина тидам биеш хилла оцу оал-хазаруо лиелуочун* /*Дийц.*, 52, 38/. – «Ож-Болат внимательно следил за тем, что делала эта птица. – Ож-Болат тщательно внимание делая был этой птицей делаемое». *Хьайга аьллагун уойла йиний ахь?* – «Ты думал над тем, что я тебе сказал? – /Над/ мною тебе сказанным думу сделал ли ты?»

Форма дательного падежа: *Х1орш дохкуо боьврбу хьуна шавш динчунна.* – Они расскаются в том, что сделали. – Эти расскаются /в/ ими сделанном. *Тхуо а аша бохучунна реза дух.* – «И мы согласны с тем, что вы говорите. – И мы /с/ вами говоримым согласны есть».

Форма вещественного падежа: *Суо ца кхиета хьуо ала г1иертачух.* – «Я не пойму того, что ты хочешь сказать. – Я не понимаю ты говорить пытающееся». *Тлавхьуом кхиетар ву хьуо ас бохучух* /*С. К. Докк.*, 14, 18/. – «Попозже поймёшь то, что я говорю. – Попозже поймёшь ты мною говоримое».

Форма локативного падежа /направительный I/: *Ас доьху хьовьга ц1кьа ас бохучуьнга ладуог1ар.* – «Я прошу тебя сперва выслушать то, что я говорю. – Я прошу тебя сперва мною говоримое выслушивание // выслушать». *Хьан диекхар*

х1окху хьайн ц1ийнан г1уллукх дар, аса дуьй-цучуьнга ладуог1ар ду. /*Тувьир.*, 160, 20/. – «Твоё дело заключается в том, чтобы ухаживать за своим домом и слушать то, что я говорю. – Твой долг этого своего дома дело делание, мною говоримое выслушивание есть».

Форма сравнительного падежа: *Г1уллак вайна моьттучул чолхие ду.* /*Н. Музаев*, 1, 134, 28/. – «Дело намного сложнее, чем мы думаем. – Дело, чем нам кажущееся, сложнее есть». *Х1ара сурт ахьа дийцинчул хаза ду.* – «Эта картина краше той, о которой ты рассказывал. – Эта картина, чем тобой рассказанная, краше есть».

Заключение

Способы выражения значений придаточных предложений в чеченском языке:

1. Инфинитивные обороты в значении объектных придаточных предложений.

Такие обороты в чеченском языке встречаются очень редко, особенно те из них, которые заключают в себе предикативную связь.

2. Обороты с самостоятельными причастиями выступают в значении объектных и дополнительных придаточных предложений

3. Падежная форма причастных оборотов зависит от управления глаголом и глагольной формой основной части предложения. Поэтому в значении дополнительных придаточных предложений причастные обороты имеют различные падежные формы:

1. Форма родительного падежа: *Хьайга аьллагун уойла йиний ахь?* – «Ты думал над тем, что я тебе сказал?»

2. Форма дательного падежа: *Тхуо а аша бохучунна реза дух.* – «И мы согласны с тем, что вы говорите».

3. Форма вещественного падежа: *Суо ца кхиета хьуо ала г1иертачух.* – «Я не пойму того, что ты хочешь сказать».

4. Форма локативного падежа (направительный I): *Ас доьху хьовьга ц1кьа ас бохучуьнга ладуог1ар.* – «Я прошу тебя сперва выслушать то, что я говорю».

5. Форма сравнительного падежа: *Г1уллак вайна моьттучул чолхие ду.* – «Дело намного сложнее, чем мы думаем».

Литература:

1. Арсаханов И. Современный чеченский язык. Грозный, 1965. 214 с. (на чеч. яз.)
2. Гаджиев М. М. Синтаксис сложного предложения в лезгинском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала, 1956.
3. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 550 с.

4. Имнайшвили Д. С. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы (резюме) // Иберийско-кавказское языковедение. Тбилиси, 1948. С. 82-87.
5. Имнайшвили Д. С. К истории образования сложноподчиненного предложения в иберийско-кавказских языках // Тезисы докладов на IV научной сессии. 12 и 13 июня 1953 г. Тбилиси, 1953. С. 43-47.
6. Яковлев Н. Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940. 320 с.

References

1. Arsakhanov I. Modern Chechen language. Grozny, 1965. 214 p. (In Chechen)
2. Gadzhiev M. M. Syntax of a complex sentence in the Lezghin language. Author's abstract of dissertation for Doctor of Philology degree. Makhachkala, 1956. (In Russian)
3. Desheriev Yu. D. Comparative historical grammar of the Nakh languages and problems of origin and historical development of the Mountain Caucasian peoples. Grozny, 1963. 550 p. (In Russian)

4. Imnaishvili D. S. On the question of hypotaxis in the languages of the Chechen group (summary). In: Iberian-Caucasian linguistics. Tbilisi, 1948. Pp. 82-87. (In Russian)
5. Imnaishvili D. S. On the history of forming the compound sentence in the Iberian-Caucasian languages. In: Abstracts of reports at the 4th scientific session. June, 12 and 13, 1953. Tbilisi, 1953. Pp. 43-47. (In Russian)
6. Yakovlev N. F. Syntax of the Chechen literary language. Moscow-Leningrad, 1940. 320 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Принадлежность к организации**

Сулейбанова Маржан Умаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Чеченский государственный университет (ЧГУ) им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия; e-mail: sulejbanova.ru@mail.ru

Хабусиева Тамара Бековна, старший преподаватель межфакультетской языковой кафедры, Грозненский государственный нефтяной технический университет (ГНТУ) им. акад. М. Д. Миллионщикова, Грозный, Россия; e-mail: khabusieva@mail.ru

Петирова Петимат Руслановна, старший научный сотрудник лаборатории чеченского языка и фольклора, Институт чеченского языка, Грозный, Россия; e-mail: ppetirova@mail.ru

Принята в печать 25.09.2022 г.

THE AUTHORS INFORMATION**Affiliations**

Marzhan U. Suleybanova, Doctor of Philology, professor, the chair of Russian, A. A. Kadyrov Chechen State University (ChSU), Grozny, Russia; e-mail: sulejbanova.ru@mail.ru

Tamara B. Khabusieva, senior lecturer, the interfaculty language chair, Acad. M. D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University (GSOTU), Grozny, Russia; e-mail: khabusieva@mail.ru

Petimat R. Petirova, senior researcher, the laboratory of Chechen language and folklore, Institute of Chechen Language, Grozny, Russia; e-mail: ppetirova@mail.ru

Received 25.09.2022.

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.52.12
DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-117-121

Отражение этнического мировоззрения каратинцев в сказочном дискурсе

©2023 Халидова Р. Ш.

Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: rashi-dr@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Данная статья содержит культурологический анализ языковых средств, репрезентирующих картину мира каратинского этноса, аккумулированной в народных сказках. Основные **методы** исследования, привлекаемые в работе, включают описательный метод, метод концептуального анализа, перевод. **Результаты.** В каратинских сказках нашли отражение представления древних каратинцев об окружающем мире, их мечты и чаяния победить силы природы, наблюдения каратинцев за животным и растительным миром. **Заключение.** Исследование каратинского сказочного дискурса позволит восстановить отчасти утраченные ныне этноспецифические черты языковой картины мира каратинского этноса.

Ключевые слова: каратинский язык, сказочный дискурс, картина мира, этническая культура.

Формат цитирования: Халидова Р. Ш. Отражение этнического мировоззрения каратинцев в сказочном дискурсе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 117-121. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-117-121

Reflection of the Karata People's Ethnic World View in the Fairy-Tale Discourse

©2023 Rashidat Sh. Khalidova

Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: rashi-dr@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The paper contains a culturological analysis of linguistic means representing the picture of the world of the Karata ethnos accumulated in folk tales. The main research **methods** involved in the work include the descriptive method, the method of conceptual analysis, and translation. **Results.** In Karata fairy tales, the ancient Karata people's ideas about the surrounding world, their dreams and aspirations to defeat the forces of nature, the observations of the Karata people of the animal and plant world are reflected. **Conclusion.** The study of the Karata fairy-tale discourse will allow restoring the ethnospecific features of the linguistic worldview of the Karata ethnos that have been partially lost now.

Keywords: Karata language, fairy-tale discourse, worldview, ethnic culture.

For citation: Khalidova R. Sh. Reflection of the Karata People's Ethnic World View in the Fairy-Tale Discourse. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 117-121. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-117-121 (In Russian)

Введение

Актуальность темы данной статьи мотивирована тем, что на сегодняшний день отсутствуют исследования фольклорной многомерной картины мира, аккумулированной в языках дагестанских, в том числе и каратинских, народных сказок. Каратинский язык занесен в «Красную книгу» как

язык, находящийся под угрозой исчезновения [8].

Статья преследует цель – описать картину мира каратинского этноса с учетом сходств и различий с картинами мира других близкородственных дагестанских этносов.

Новизна исследования обусловлена отсутствием научных трудов на материале

дагестанских языков, анализирующих тексты народных сказок в том или ином аспекте.

Объектом исследования в данной статье является сказочный дискурс каратинских народных сказок, который, как и другие фольклорные тексты, наиболее рельефно сохранил древние представления каратинского этноса в виде целостной языковой картины мира.

Материалом исследования послужили каратинские народные сказки, собранные и изданные лично автором данной статьи [6].

Методика, применяемая в статье, включает в себя: дискурс-анализ, культурологический анализ, семантический анализ. Основным методом, применяемым в статье – это описательный, который позволил выделить главные этнокультурные ценности каратинского сказочного дискурса.

Теоретическая значимость заключается в том, что полученные в статье результаты позволят выявить лингвистическую и культурологическую специфику каратинского сказочного дискурса. Кроме того, результаты проведенного в статье исследования будут не бесполезны для теории языковой и культурной картины мира.

Практическая значимость определяется возможностью использовать материал статьи в теоретических курсах для дагестанских высших учебных заведений по дискурсу анализу, этнолингвистике и лингвофольклористике.

Результаты исследования

Тексты каратинских народных сказок, как и другие фольклорные тексты, сохранили архаическое этническое мировоззрение каратинцев. В народных сказках наиболее ярко проявляются отчасти утраченные ныне этноспецифические черты языковой картины мира каратинского этноса.

Сказочная картина мира является составной частью общей фольклорной картины мира и отличается специфическими характеристиками сказочного жанра. Невозможно не согласиться с мнением З. К. Тарланова, что языковая картина мира любого этноса, содержит ряд компонентов стереотипного характера, которые, как правило, не воспринимаются носителями другой культуры. Каждой локальной культуре свойственен комплекс знаний в соединении с психическими особенностями и национальным характером носителей данной культуры [5, с. 68].

Наряду с общими для всего человечества универсальными чертами языковая картина мира включает в себя и этноспецифические, характерные для всех членов определенного этноса, «некоторую культурную «сердцевину», а также индивидуальные черты, присущие конкретной личности данного этноса [1, с. 134].

У истоков национальной культуры, которая пребывает в постоянной динамике, лежит этническая культура, имеющая довольно консервативный характер, которой чужда динамика и всякие перемены. Именно этническая культура является источником национального языка. [4, с. 10].

Язык – это главное и наиболее совершенное средство кодирования и передачи мысли. Но для того, чтобы декодировать его, оказываются недостаточными знания только о языке. Для этого непременно нужно обладать и фоновыми знаниями. Фоновые знания относятся к невербальным компонентам общения и состоят из знаний об этнической культуре коммуниканта, о традициях и условиях жизни и быта, истории и т. д. Фоновые знания необходимы, чтобы правильно «читать» языковую картину мира чужого для коммуниканта этноса, потому что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки [2, с. 96]. Одним из ценных источников фоновых знаний являются народные сказки, потому что они являются объектом изучения нескольких научных дисциплин в рамках филологической парадигмы – лингвистики, литературоведения, фольклористики; в рамках исторической парадигмы – этнологии, истории религии и т. д.

Героями каратинских сказок являются обычные люди: хитрые и умные бедняки и глупые и жадные богачи; добрые красавицы и завистливые ленивицы, обычные животные и фантастические чудовища. Все каратинские сказки завершаются торжеством справедливости, добро неизменно побеждает зло.

Большинство каратинских сказок содержит характерные именно для каратинского этноса сюжеты и образы. Так, в нескольких сказках для актуализации концепта «жадность» используются ситуации, когда пастухи и чабаны бросаются в реку, поверив хитрому Картилаву (в сказке *Цицодоров Картиллаб* «Умный Картилав») и молодому воришке (в сказке

Хюсокъ «Хоссок») в поисках богатства и от жадности тонут в бурных потоках горных рек. Характерными для каратинской фольклорной картины мира являются имена сказочных героев: *Клартиллаб*, *ТанкИлаб*, *МуклУчИхан*, *Аналази*, *Учи*.

Часть каратинских сказок имеет общие для аваро-андийских этносов сюжеты, например сказки *Чилбикел хъартайел* «Чилбик и ведьма», *Цицодороб цакибо* «Умная птица», *Пакълу гираб дада* «Мудрый отец», *Цицодороб бискин* «Умный бедняк» и некоторые другие. Сходные мотивы и сюжеты в сказках родственных этносов получают вариативные разработки, как, например, в сказке *Ханицуй Месдо* «Дочь хана Меседо».

Как и у всех народов, у каратинцев почитаются трудолюбивые, а ленивые порицаются. Так в сказке *ТанкИлаб* «Танкилав» главный персонаж сказки чуть не лишился всей своей домашней скотины из-за лени. Трудолюбивые герои сказок всегда получают вознаграждение за свое трудолюбие и в итоге обретают счастье.

Как правило, бедные герои сказок трудолюбивы и честны, богатые – жадны и неблагодарны. В сказке *Иман идябел гъачИобел рижур* «Неблагодарный богач и великодушные звери» даже дикие звери – волк, лиса и змея – оказываются человечнее и благороднее богача. Бедный горец, спасший диких зверей и богача, вытащив их из глубокой ямы, в которой им грозила гибель, получил в благодарность от волка кучу дров, от лисы – моток шерсти, от змеи – жемчужное ожерелье. Богач не только не отблагодарил своего спасителя даже словом, но и объявил его вором и лжецом, когда тот пытался продать жемчужное ожерелье – дар змеи.

Этническая специфика каратинского сказочного дискурса проявляется многосторонне. Прежде всего, – это отражение в сказках национальной действительности, своеобразие его природы (бурные горные реки, леса, горы, ущелья, пещеры), труда (пашни, сады, колосистые пшеничные поля, мельницы, отары овец, пахотные быки, охотник, пастух, чабан), быта и обычаев (аул, сватовство, калым и т.д.). Среда обитания представлена в сказках топонимами микропонимами: *Клклира гъане* «село Карата», *Эшхъа гъане* «село Эшха», *Туяка* «в селе Тукита», *Цицелвā* «в селе Цолода», *Макаргъай* «квартал Макара»,

Кабагъай «верхний квартал», *Цицелекъарā* «пастбище под лесом», *Бокълохъ* «местность у разрушенных кошар», *Гъаццлланкъарā* «(квартал) палящее место», *Къваркъилли* «(летние пастбища) «жаркое место» и т.д. «Чередования пространственных локализаций служат средством выражения динамики повествования. Например, в сказке «Картилав» (Клартилаб): *Аниц члчваре воъанлā вуклā идя Кварчкакир, амма къвани гедеглā вуклāвхва гиргире тларе воъан идя реклкленир, гъоргал – энхаллур. Биъу идя рекълā, бокълā идя шунклā. Гъалашалахъ энхахъигал вахъен вокъеце идя Клартилаб къваркъиллис речлчлā гъини.* «В очередной раз, убегая от издевок и насмешек детей, не разбирая дороги, он покатился по отлогому склону в ущелье, а оттуда попал прямо в речку. При этом сломал руку и ногу подвернул. Еле выкарабкавшись из горной речки, Картилав очутился в пещере местности Кваркитли» [7, с. 61].

В содержании сказочного дискурса находят выражение этническое сознание каратинцев, типичные национальные черты, например, гостеприимство. В сказке про старого мельника Учи весьма своеобразно актуализируется концепт «гостеприимство». Верховный черт наказал молодого чертенка за то, что он не оценил гостеприимство мельника.

Для каратинского сказочного дискурса характерна концовка-обобщение в виде пословицы или поговорки, отражающей мировоззрение и философское осмысление окружающего мира, например: *Пакълиобай гландилоб идяб пикру раклвачлō биклуда, гладалолоб – гъанихъ басамхва.* «Мудрые люди обдумывают свои мысли – глухие провозглашают их». *Гъебел рухлчлаголъер индобда гламаля бакъе хъвареда глурмичлō бакъи, ссорехъ идвала гъоб биъалъа беккуда.* «Характер лучше всего познается по поведению в трудные минуты». *Ришанхъерол глурмил тлаглам цлцликлчлвайдя.* «Труд подливает масла в лампу жизни». *Къвани бечелъалъа къорацул каъар бечелъер цлеххемиссе, хъантлелъер миклā.* «Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность». *Раклва хъольер идя маццлци ангвāлал анлъидоб, гвāлъа балъечлвалал биъидоб гъедела.* «Доброта – язык, на котором немые могут говорить и который глухие могут услы-

шать». *ГьекIолгъа гьаркIа билгъов инцубда бета-бичIа вуххуда*. «Кто зарится на чужое, заслуженно потеряет и свое».

Обязательными структурными компонентами сказочного дискурса являются пространство и время, поскольку пространство и время – это форма существования материи и соответственно – материального мира. В сказочном дискурсе мир мыслится в пространственном противопоставлении, как мир свой и чужой.

«Безусловно, в каждой сказке есть та или иная граница между своим и чужим миром, однако граница эта весьма зыбкая и география этих миров довольно неопределенна. «Свой» мир героя сказки локализуется в нем самом, «чужой» мир может быть локализован по вертикали: вверху (горы, скалы), внизу (в ущелье, в пещере), по горизонтали: далеко (не знаю где), очень далеко (тридевятое царство). И путь к чужому миру, как правило, не известен. Герой русской сказки ориентируется в пространстве исключительно, опираясь на свою интуицию (идет «куда глаза глядят»)» [3, с. 74]. Следует отметить, что размытый характер пространственных параметров является особенностью сказочного дискурса всех народов. В каратинских сказках не только пространство, но и время не имеет четких контуров. Характерный для сказок всех дагестанских народов зачин *вукIа идIа вукIачIе идIа* «был есть, не был есть» не позволяет определить точные временные границы событий, происходящих в сказке.

«Размытый хронотоп становится одним из средств создания сказочности, например: *БакIва идя бакIвачIе идя цец гьанли кунтIакIел гьаркIкIе* «жили, были в одном горном селении муж с женой» (букв. были не были, оказывается, в одном селении муж с женой); *ЙикIва идя йикIвачIе идя ханцуй йаше Месдо* «Жила-

была хана дочка Меседо» (букв. была не была, оказывается, хана дочка Меседо)» [7, с. 60].

Заключение

Сказки наряду с пословицами и поговорками являются хранителями и трансляторами культуры из поколения в поколение. Благодаря сказкам этническая культура наследуется новыми поколениями. Именно, опираясь на устоявшиеся в этнической культуре обычаи и традиции, формируется своя специфическая система ценностей поведения, общения, регулирования деятельности, которая необходима для познания окружающего мира.

Анализ каратинских сказок, которые служат уникальным средством репрезентации национальной картины мира и менталитета этноса, позволяет определить главные этнические ценности, которые дают читателю определенное представление о культуре, быте, традициях и обычаях каратинцев. В каратинских сказках моральные качества обуславливают следующие этические модели поведения, характерные для каратинского этноса (и для всех горских народов): готовность оказать помощь нуждающимся, гостеприимство, трудолюбие, смекалка, щедрость. Эти качества в сказках получают положительную оценку. Соответственно отрицательную оценку получают противоположные качества: эгоизм, жадность, глупость, злость. И необходимо отметить, что ценности определенной этнической культуры – явление многогранное, процесс становления которого занимает много времени. Ценности могут меняться или получать новое прочтение в свете различных событий и под влиянием социально-экономических факторов, поэтому сохранение сказок, особенно на языках малых этносов, которым грозит исчезновение, – одна из насущных задач дагестановедения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль. М., 1995. 234 с.
2. Карасик В. И., Прохвачева О. Г. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
3. Маллаева З. М., Маммаева З. Г. Концептуализация пространства в английском сказочном дискурсе (в сравнении с русским сказочным дискурсом) // Вестник Дагестанского научного центра. 2021. № 81. С. 74-79.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

5. Тарланов З. К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1995. С. 421-430.
6. Халидова Р. Ш. КIкIирдалIай мугьади «Каратинские сказки». Махачкала: Эпоха, 2017. 176 с.
7. Халидова Р. Ш. Особенности организации хронотопа в каратинских сказках // Международная конференция «Кавказские языки: типология и диахрония» памяти М. Е. Алексе-

ва. 23–24 октября 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов / сост. И. Г. Багирова, Т. А. Майсак. М., 2019. С. 59-62.

8. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 2002. 385 с.

References

1. Arutyunova N. D. National knowledge, language, style. Moscow, 1995. 234 p. (in Russian)
2. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G. Foreign mentality. Moscow, Gnosis publ., 2005, 352 p. (In Russian)
3. Mallaeva Z. M., Mammaeva Z. G. Conceptualization of space in the English scientific discourse (in comparison with the Russian scientific discourse). In: Bulletin of Dagestan Scientific Center. 2021. No. 81. Pp. 74-79. (In Russian)
4. Maslova V. A. Linguoculturology. Moscow, Akademiya publ., 2001, 208 p. (In Russian)
5. Tarlanov Z. K. Ethnic language and ethnic vision of the world. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University publ., 1995. Pp. 421-430. (In Russian)

6. Khalidova R. Sh. Karata fairy-tales. Makhachkala, Epoha publ., 2017. 176 p. (in Avar)

7. Khalidova R. Sh. Features of chronotope organization in Karata fairy-tales. International Conference "Caucasian Languages: Typology and Diachrony" in memory of M. E. Alekseev. October 23-24, 2019. Institute of linguistics of Russian Academy of Sciences. Moscow, abstracts of reports. Comp. by I. G. Bagirokova, T. A. Maysak. Moscow, 2019. Pp. 59-62. (In Russian)

8. Languages of the peoples of Russia. The Red Book. Encyclopedic dictionary-reference. Ed-in-chief V. P. Nerознак. Moscow, Academia publ., 2002, 385 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Халидова Рашидат Шахрудиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: rashi-dr@mail.ru

THE AUTHOR INFORMATION

Affiliation

Rashidat Sh. Khalidova, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of Theory and Teaching Methods of Russian and Literature, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: rashi-dr@mail.ru

Принята в печать 25.01.2023 г.

Received 25.01.2023.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает на рассмотрение научные статьи. Представляемые материалы должны быть оформлены в соответствии с настоящими Правилами и соответствовать тематической направленности журнала «**Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки**».

Верстка журнала осуществляется с электронных копий. Используется компьютерная обработка штриховых и полутонных (в градациях серого) рисунков. Журнал изготавливается по технологии ризографной печати.

1. Текст статьи набирается в редакторе MS Word (с расширением .doc) шрифтом "Times New Roman" размером 14 через интервал 1,5 в формате А4. Поля текста стандартные. Все страницы должны быть пронумерованы.

2. Перед текстом статьи указываются:
индекс УДК (информацию о классификаторе УДК см. на сайтах <http://teacode.com/> [online/udc/](http://online.udc/) или <http://www.udcc.org/>) (на русском языке);

название статьи (на русском и английском языках);

фамилии и инициалы авторов, название учреждения, город, страна, эл. почта (на русском и английском языках);

резюме статьи объемом 10-15 строк, которое не должно дублировать вводный или заключительный раздел статьи (на русском и английском языках) и должно включать: цель, методы, результаты, выводы;

ключевые слова (5-10) (на русском и английском языках).

3. Изложение материала должно быть ясным и по возможности кратким. Текст и остальной материал следует тщательно выверить. Текст статьи должен быть структурирован, т. е. содержать цель исследования, материал и методы исследования, результаты и их обсуждение, заключение (выводы). Рукописи, направляемые в журнал, являются оригиналом для печати и должны являться материалом, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях.

4. Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к их представлению.

5. Рисунки создаются в формате .jpg, вставляются непосредственно в текст и нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

6. В тексте статьи все формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0, таблицы – в формате MS Word. Таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица перед своим появлением должна упоминаться в тексте, например, «... (табл. 1)».

Сокращения в надписях не допускаются.

Наличие данных, по которым строится график, диаграмма.

В тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на иллюстративные материалы.

7. Ссылка на цитату указывается сразу после нее в квадратных скобках: сначала проставляется номер источника цитаты из пристатейного библиографического списка, затем, после запятой, номер страницы с буквой с. Например, [10, с. 81] или, если цитируемый текст переходит на следующую страницу, [10, с. 81-82]. За достоверность цитат ответственность несет автор!

8. Список литературы формируется по алфавиту. В списке литературы сначала приводится перечень работ отечественных авторов, в который также включаются работы иностранных авторов, переведенные на русский язык. Затем приводится перечень литературных источников, опубликованных на иностранных языках, в который включаются работы отечественных авторов, переведенные на иностранный язык. В список литературы не включаются неопубликованные работы и учебники. Включать в этот список собственные работы не рекомендуется. В библиографическом описании должны быть представлены все авторы. Выражения типа "и соавт.", "с соавт.", "и др." "et al" не допускаются. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в пристатейном библиографическом списке.

9. Список литературы (с указанием всех авторов) дается в конце статьи, нумеруется (начиная с первого номера, в порядке цитирования), предваряется словом «Литература» и оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 (на русском, английском языках и в транслите).

Перечень использованных источников должен начинаться с фамилии и инициалов автора и включать:

для книг – название, место и год издания, издательство, номер тома, страницы;

для журнальных статей – название журнала, год издания, номер тома (выпуска), страницы;

для газет – название, год, месяц, число.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

10. В конце статьи может быть указана организация (№ гранта), финансировавшая выполнение данной работы.

11. К статье прилагаются сведения об авторах на русском и английском языках:

для работников вузов/учебных организаций: Ф.И.О. полностью, ученое звание, занимаемая должность место работы (кафедра, факультет, вуз), город, страна; электронный адрес, контактные телефоны;

для аспирантов и соискателей: название кафедры, лаборатории, лаборатории, где проводится исследование, Ф.И.О. научно-го руководителя и его разрешение к публикации, город, страна; электронный адрес, контактные телефоны.

12. Статья должна быть представлена в электронном виде (в редакционно-издательский отдел ДГПУ или электронной почтой dgpurio@yandex.ru), а также в печатном варианте (в 2-х экземплярах на одной стороне листа формата А4), подписанном всеми авторами, для аспирантов и соискателей – и научным руководителем.

Решение о публикации статьи или материала принимается редколлегией журнала. При наличии замечаний к рукописи она возвращается для доработки. Редакция оставляет за собой право отправить рукописи статей на независимую экспертизу. При публикации статьи авторские права передаются редакции журнала.

Редакция оказывает платные услуги научного и технического редактирования текста статьи, перевода библиографического списка (References), аннотации и ключевых слов на английский язык.

Материалы для публикации присылать по адресу: 367000 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ДГПУ, Административный корпус, каб. 405. Редакционно-издательский отдел; e-mail: dgpurio@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНА ПОДПИСКА

на ЖУРНАЛ
«ИЗВЕСТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ»
ИНДЕКС
51323 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
51392 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
31173 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»
ИНДЕКС
38653 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
38657 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
38652 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»
Т. 17. № 1. 2023

Научный редактор:	<i>Д. К. Сфиева</i>
Редактор:	<i>Е. В. Дуброва</i>
Редактор английских текстов:	<i>Е. В. Дуброва</i>
Компьютерная верстка:	<i>М. А. Сулейманова</i>

Оригинал-макет подготовлен на базе
редакционно-издательского отдела ДГПУ

Адрес редакции, издателя: 367000 РД, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57.
Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722) 675187; www.dgpu.ru; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 500 экз. Заказ № 2324. Цена 416 руб.

Адрес типографии: 367003 РД, г. Махачкала, ул. Сулеймана Стальского, 50;
тел. +7-988-2000164, типография АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.)

Scopus

Elsevier, The Netherlands
Scopus Content Selection Advisory Board (CSAB)
Association of Science Editors and Publishers, Russia
Russian Content Selection Advisory Board (RCSAB)

CERTIFICATE OF ATTENDANCE

GIVEN OUT TO SCIENTIFIC PERIODICAL

*Известия РАН
Серия «Общественные и гуманитарные науки»*

to confirm the attendance and presentation to the joint Scopus CSAB and Russian RCAB meeting.

At this meeting, compliance with international standards and selection criteria of the Scopus database, were discussed by experts of Scopus CSAB and Russian RCAB. This meeting took place during the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication - 2016: Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation» (May 17, 2016 – May 20, 2016)

🕒 May 17-20, 2016

📍 RANEP
Moscow, Russia

Karen Holland
Scopus CSAB Subject Chair

Olga V. Kirillova
Russian CSAB Chair, president ASEP